

Военные приключения

Георгий Брянцев

**Это было в Праге. Том 1. Книга 1.
Предательство. Книга 2. Борьба**

«ВЕЧЕ»

1956

Брянцев Г. М.

Это было в Праге. Том 1. Книга 1. Предательство. Книга 2. Борьба
/ Г. М. Брянцев — «ВЕЧЕ», 1956 — (Военные приключения)

На долгие годы опустилась над Чехословакией черная тень фашистской оккупации. Но борьба с ненавистными захватчиками – борьба кровавая, бескомпромиссная – не прекращается ни на мгновение. Роман знаменитого мастера отечественной остросюжетной литературы вновь возвращается к читателю!

© Брянцев Г. М., 1956

© ВЕЧЕ, 1956

Содержание

Книга первая	5
Глава первая	5
1	5
2	8
3	10
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	22
1	22
2	25
Глава пятая	28
1	28
2	29
Глава шестая	32
Глава седьмая	36
Глава восьмая	43
Глава девятая	47
1	47
2	51
3	54
Глава десятая	58
1	58
2	61
Глава одиннадцатая	64
1	64
2	64
Глава двенадцатая	66
1	66
2	66
Глава тринадцатая	69
1	69
2	70
Глава четырнадцатая	72
Глава пятнадцатая	76
1	76
2	79
Глава шестнадцатая	82
1	82
2	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Георгий Михайлович Брянцев

Это было в Праге. Том 1. Книга 1.

Предательство. Книга 2. Борьба

Книга первая

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Глава первая

1

В Карловых Варах еще не проснулась жизнь. Низины за городом были высланы легким голубым туманом. Заря едва занялась. На востоке медленно светлело небо, постепенно окрашиваясь в багряный цвет.

Верный правилу, Мориц Обермейер на ночь не закрывал окон. Проснувшись, он несколько минут лежал неподвижно в мягкой теплой постели, потом быстро встал, сунул ноги в войлочные туфли и подошел к окну.

Стояло полное безветрие. Едва ощутимые колебания воздуха доносили запах уходящего лета, терпкое и печальное благоухание поздних цветов.

Обермейер окинул равнодушным взглядом крыши курортного городка, сладко зевнул, потянулся всем своим костлявым телом и стал проделывать гимнастические упражнения.

Все шло как обычно. После гимнастики предстояло принять холодный душ, потом разрядить две обоймы из «Вальтера» в домашнем тире и просмотреть газеты перед завтраком.

Сестра Эльвира накрывала на стол.

Обермейер вернулся из тира, опустился в кресло и взял утренние чехословацкие газеты. Почти все они в тревожных тонах сообщали о подозрительных приготовлениях в Третьей империи: призыв запасных, сооружение на западной границе новых укреплений, «случайное» появление над территорией Чехословакии немецких «Юнкерсов», перерегистрация среднего и низшего медицинского персонала, военные маневры вблизи Данцига... На первых страницах крупным шрифтом сообщалось о том, что делегация судетских немцев посетила премьера Годжу и решительно отклонила его план переговоров.

«Прекрасная создалась обстановка для миссии лорда Ренсимена, – подумал Обермейер. – Скоро весь мир поймет, что такое Великая Германия и ее фюрер. И если мне...»

– Ешь, пока завтрак не остыл, – оборвала его мысли Эльвира. – Брось газеты.

К еде Обермейер относился как к надоедливой необходимости и не испытывал к ней особого тяготения. Он не обратил внимания на то, что приготовила ему сестра на завтрак.

Не отрывая глаз от газетного столбца, он торопливо съел омлет с зеленым луком, стакан сметаны, выпил чашку черного кофе и закурил сигару.

Поведение брата за столом всегда возмущало Эльвиру и служило поводом к их частым ссорам. Но сегодня Эльвира промолчала, только насмешливо усмехнулась. Всего пять дней, как она вернулась из Будапешта после гастролей, и ей не хотелось в первые же дни обострять отношения с Морицем.

– Ты уже сыт? – спросила она брата, заметив, что он не притронулся ни к салату из свежих овощей, ни к ветчине со свежим горошком, ни к сосискам.

– Что? – Обермейер поднял глаза от газеты. На сестре было выходное платье. Он поинтересовался: – Ты куда собралась?

– В Прагу. Мне предстоит подписать контракт с локалем «Амбаси». Я взяла там несколько выступлений.

– Хм... но мне, вероятно, машина сегодня понадобится, – недовольным тоном заметил Обермейер.

– А я поеду с Милашем, – успокоила его Эльвира, – мы с ним еще вчера договорились.

С Милашем? Что ж, это вполне устраивало Обермейера. Он знал, что между сестрой и его бывшим однокашником по Пражскому университету, врачом Милашем Неричем, существуют приятельские отношения, быть может роман. Их совместная поездка казалась вполне естественной. Но сегодня имя Нерича навело его на другие размышления.

– Из маленького поросенка Милаш превратился в порядочную свинью, – проворчал Обермейер, – забыл старых друзей. Передай ему, что я на него обижен.

– Это ты с успехом можешь сделать сам, – откликнулась Эльвира. – Но к тому нет оснований. За эту неделю он был у нас два раза и ни разу тебя не застал.

– Поэтому он, видимо, и приезжал, что меня не было дома, – усмехнулся Обермейер. – Получается – он больше друг тебе, чем мне.

Эльвира передернула плечами. Странный человек ее брат Мориц: считает Милаша своим давним и преданным другом, говоря о нем, превозносит его способности, радушно его принимает, а сам никогда не ходит к нему, даже не звонит.

– А что тебе мешает навестить Милаша? Три квартала не такое уж большое расстояние.

– Я не врач. Врачи распоряжаются своим временем, как им заблагорассудится, а юристы рабы своих обязанностей... Кстати, не забудь о моей вчерашней просьбе.

– О просьбе? Но я уже забыла, – непринужденно ответила Эльвира.

Обермейер подчеркнуто пристально посмотрел на сестру и медленно, взвешивая каждое слово, проговорил:

– Я имею в виду этого старого английского хрыча, лорда Ренсимена. Ты должна во что бы то ни стало проникнуть в его окружение. Мною руководит не простое любопытство. Я хочу предвосхитить события, а тебе исполнить мою просьбу не составит труда. – И, сказав сестре несколько комплиментов, Обермейер пожелал ей счастливого пути и прошел в кабинет.

Дом перешел к Обермейеру по наследству. Кабинет когда-то принадлежал его покойному отцу. В нем все сохраняло память о старом Обермейере: симметрично развешанные по стенам гравюры, изображающие старинные улицы Кельна и Нюрнберга, тяжелый и громоздкий, украшенный грубой резьбой шкаф с книгами, к которым Мориц Обермейер никогда не прикасался, большой бронзовый чернильный прибор замысловатой конструкции, косяные статуэтки уродливых китайских божков, семейные фотографии кабинетного формата, дорогие, уже выцветшие драпри на окнах и дверях, портрет Вильгельма, написанный искусной кистью.

А на противоположной стене висел портрет Гитлера – единственное, что сын по собственному выбору приобрел после смерти отца.

Обермейер сел в удобное кресло с отполированными от времени подлокотниками и, откинувшись на спинку, закрыл глаза – ему надо было обстоятельно обдумать текст делового письма, – но за его спиной раздался голос горничной:

– К вам посетитель.

– Приси!

Вошел солидный, лысеющий, но еще не старый мужчина. Темно-синий, хорошо отглаженный костюм скрадывал его полноту. Переступив порог кабинета, посетитель поклонился

с достоинством, во всяком случае не настолько низко, чтобы поклон мог показаться подобострастным.

– Жан! Очень кстати. Прошу, – сухо приветствовал вошедшего Обермейер.

– Я без вашего разрешения поставил свою машину во дворе.

– И правильно поступили, – одобрил Обермейер. – Садитесь и рассказывайте.

Жан опустил в кресло.

– Что же вам рассказать? – спросил он, легонько склонив голову к плечу.

– Что слышно о «дедушке»?

Жан улыбнулся.

– Прежде всего хочу обратить ваше внимание на небольшую деталь: перед самым приездом к нам лорда Ренсима Лондон отправил своего посла в отпуск. Вы понимаете? По-моему, это симптоматично.

– Да, пожалуй. Сделано это с расчетом и, видимо, для того, чтобы развязать руки Ренсиму.

– Вот, вот... так и я думаю, – согласился Жан и приступил к подробному рассказу о встрече Ренсима.

Обермейер слушал, уставившись на гостя белесыми неподвижными глазами.

Он прекрасно изучил Жана за годы своего сотрудничества с ним как с секретным агентом. Жан любил придавать своим словам некий скрытый смысл, чтобы показать, что ему известно то, что неизвестно другим. К сообщениям он неизменно добавлял свои личные соображения и старался в каждую историю вплести свое имя, даже в тех случаях, когда не имел к происшедшему никакого отношения.

Обермейер знал это, но ценил Жана и давал ему наиболее щекотливые поручения. Он считался с Жаном, так как к работе в гестапо этого человека привлек сам штандартенфюрер.

– Теперь о самом лорде, – продолжал Жан. – Типичный английский тори, от которого пахнет нафталином. Вы метко окрестили его «дедушкой». Внешне держится чопорно, надменно, показывая всем своим видом, будто выше англичан никого нет на свете.

– Как прошла его встреча с журналистами? – поинтересовался Обермейер.

– Вполне удовлетворительно. Лорд сделал вид, что растроган приемом чехословацкого правительства. Нашлись у него приветливые слова и по адресу Конрада Гейнлейна. Дальше он произнес несколько шаблонных демократических фраз, в которых отметил, что кабинет Великобритании возложил на него серьезную задачу: найти компромисс между национал-социалистской партией судетских немцев и чехословацким правительством. «Я, – сказал он, – ваш друг и приехал в эту прекрасную страну с миссией доброй воли». Ловко! В общем, в нашем деле мы получаем еще одного союзника. – И Жан позволил себе рассмеяться.

– А не опоздал он со своей миссией доброй воли?

Жан повел бровями.

– Возможно... Возможно...

– Какие разговоры идут в Праге? – спросил Обермейер.

– Гм... Как вам сказать? – Жан на мгновение задумался. – Обобщение сделать трудно, здесь нужен дифференцированный подход. Разные круги воспринимают миссию лорда по-разному. Коммунисты, как всегда, непреклонны. Они кричат, что Ренсимен будет лить воду на мельницу Гейнлейна. В окружении Берана, Черны, Махника придерживаются того мнения, что Ренсимен разрубил гордиев узел, завязанный Бенешем в его игре в коллективную безопасность. Немного подозрительно ведет себя генерал Элиаш. Я опасюсь, как бы он не оказал сопротивления нашим усилиям. Рассказывают, что генерал возлагает особые надежды на Россию и Францию, рассчитывает на их вмешательство.

– Дурак, – прервал Обермейер. – Франция никогда не выступит. А это сдержит Россию. Поверьте моим словам. Что касается сопротивления... – Обермейер сделал гримасу, – у Эли-

аша ничего не выйдет. Чехи за ним не пойдут. Коммунисты и Готвальд – вот кто опасен. За ними массы. Между прочим, я слышал, будто генерал Сыровы становится в воинственную позу. А?

Жан покачал головой.

– Генерал Сыровы? Этот выскочка? У него один глаз, и он сын сапожника – этого еще мало для того, чтобы стать национальным героем вроде Яна Жижки. Сыровы побили в России, побьют и здесь.

Хоть и не резко выраженное, но все же явное уважение к Яну Жижке, почитаемому чехами, послышалось в голосе Жана. Это не понравилось Обермейеру.

– Да черт с ними, в конце концов, и с Жижкой и с Сыровы, – резко сказал он. – Не спускайте глаз с Ренсимиена. Весьма вероятно, его эксперты и консультанты захотят посетить Судеты. Постарайтесь их сопровождать. Мы должны знать, о чем и с кем они будут вести там разговоры. Ну, а о том, что нужно писать в газетах, вы знаете не хуже меня... – Обермейер поднялся с кресла. – Пока всё.

Жан тоже встал, поклонился и вышел из кабинета.

Обермейер вынул из ящика стола лист чистой бумаги, поудобнее устроился в кресле, поразмышлял некоторое время и, сильно сгорбившись, начал писать:

«Начальнику опорного пункта группы “В” гестапо. Дрезден – Прага, штандартенфюреру СС фон Термицу. Докладываю, что позавчера в Прагу приехал известный вам гость с островов, которого я именую в дальнейшем “дедушкой”. В связи с этим все мои текущие дела я откладываю и займусь исключительно “дедушкой”. Надеюсь, мою инициативу Вы одобрите. “Дедушка” остановился в “Карлтоне”. Возлагаю надежды на свою сестру, которую постараюсь протолкнуть в его окружение. В прилагаемом плане я позволяю себе кратко изложить Вам то, что намерен предпринять на первых порах.

Р. S. Игру в “бридж” с “Дравой” продолжаю. Ход дела позволяет надеяться, что его приобретение пойдет на пользу нашему клубу. Эгер. 5 августа 1938 года. Карлсбад».

2

Два дня спустя, сидя перед трельяжем в одном из номеров отеля «Карлтон», Эльвира Эрман заканчивала утренний туалет.

Ей двадцать три года, она красива, свежа, темные глаза выразительны, движения вкрадчивы и, как у профессиональной танцовщицы, ритмичны. Как и Мориц, она высока ростом.

Эльвира испытывала смущение оттого, что до сих пор не выполнила поручение брата: все ее старания завязать знакомство с лордом Ренсимиеном и людьми, приближенными к нему, не принесли никакого успеха. Сегодня она собиралась сделать решительный шаг. Одета в хороший английский костюм, она спустилась в вестибюль, рассчитывая встретить там кого-нибудь из сопровождающих английского гостя.

В вестибюле она увидела трех субъектов. Их трудно было принять за постояльцев отеля. Судя по их поведению, это были секретные агенты чешской полиции. Двое развалились в креслах и с деланным вниманием просматривали газеты; третий, глубоко заложив руки в карманы пиджака, с таким же повышенным интересом рассматривал картину, изображавшую горный пейзаж.

Эльвира почувствовала себя неловко в этой компании. Она брезгливо повела плечом и повернулась, чтобы уйти.

Сверху навстречу ей обегал по лестнице немного грузный, но подвижной мужчина. Увидев Эльвиру, он задержал шаг, его выхоленное лицо с отвислыми щеками и двойным подбородком осветилось восторженной улыбкой.

– Пани Эрман!

- Господин Гоуска!
- Какая встреча!
- Рада вас видеть!

Улыбка еще шире раздвинула губы Гоуски. Он жарко поцеловал руки старой знакомой и пригласил ее на завтрак.

- «Ну что ж, на время забудем о моем лорде», – решила Эльвира и приняла руку Гоуски. Открытый кабриолет быстро домчал их до загородного ресторана «Баррандово».

Утро было чудесное. Гоуска и Эльвира выбрали себе столик. Всюду, по террасам скалы, разбегались эти маленькие столики под яркими цветными зонтами. Внизу черной лентой тянулась железная дорога. Нежно-розовый, прозрачный туман легко и медленно плыл над водами Влтавы.

В высоком синем небе теснились и распадались снежно-белые облака.

– Не правда ли, хорошо здесь? – спросил Гоуска с видом делового человека, который хочет показать, что и ему доступно увлечение природой.

- Очень хорошо, – согласилась Эльвира. – Здесь мое любимое место.

Гоуска слегка наклонился к ней.

- А вы хорошеете, и чем дальше, тем больше.

Эльвира рассмеялась.

- Если поверить вам, то в шестьдесят лет я буду первой красавицей на земле.

Гоуска не сводил с Эльвиры восхищенных глаз. Давненько он не видел ее! Давненько! А сколько она ему в свое время доставила и хлопот, и забот, и расходов... Но что значат все эти издержки души и кармана в сравнении с теми минутами, которые он не может забыть?

- В Будапеште гастролировали? – спросил Гоуска.

– Да.

– Успешно?

– Громкий успех. Разве вы не читали?

– К сожалению, нет.

Эльвира укоризненно взглянула на собеседника.

- Я же не успеваю, дорогая... Дела, дела...

Гоуска, представитель чешской фирмы «Колбен-Данек», долгое время был в разъездах. Эльвира знала об этом, знала, что у Гоуски большая семья. Но он был человек состоятельный, человек изворотливый и предприимчивый. Он мог сорить деньгами ради своего удовольствия, не задумываясь о завтрашнем дне.

- А что теперь вы собираетесь делать?

– Хочу пригласить вас поехать со мной в Швейцарию. Сейчас лучшее время для такой прогулки.

– Опоздали.

– Почему?

– Я подписала контракт с «Амбаси».

– Как жаль... Как жаль. А у меня заманчивый план.

– Я тоже очень жалею, – с наигранным огорчением сказала Эльвира.

– Но могу ли я рассчитывать, что в свободное время...

– Как всегда.

– Значит, по-прежнему друзья! – воскликнул Гоуска.

– Да, хоть вы этого и не заслужили... – Эльвира с улыбкой посмотрела на Гоуску и вдруг вспомнила: они встретились в «Карлтоне». Всегдашний практицизм сейчас же подсказал ей нужный шаг: возможно, Гоуска имеет сведения о лорде Ренсимене.

- Вы знаете, что в Праге гости? – спросила она.

Гоуска улыбнулся.

– Чего только я не знаю? Вы имеете в виду английского лорда?

– Да.

– Я даже могу вам предсказать, чем кончится миссия лорда Ренсимена.

– Вот как! Интересно.

Гоуска огляделся по сторонам и, убедившись, что по соседству никого нет, продолжал:

– Ренсимен поможет Адольфу Гитлеру захватить Судеты, а возможно, и всю Чехословакию. Его миссия «доброй воли» обернется для нас не совсем так, как многие этого ждут.

Эльвира сделала большие глаза. Не потому, конечно, что слова Гоуски ее удивили. Нет. А для того, чтобы Гоуска поверил в ее полную неосведомленность.

– Поверьте мне, – убежденно повторил Гоуска, – так и будет. И, по правде говоря, ни я лично, ни наша фирма ничего на этом не потеряем. Мы верим господину Шахту и деловым людям Германии. Приход нацистов не повредит нашим интересам. Нисколько. Конечно, Англия заинтересована в том, чтобы Гитлер не один все скушал... Ведь неспроста Ренсимен взял с собой такую проныру, как Гуэткин.

– Гуэткин?.. – Эльвира прищурила левый глаз. – Не слышала.

– Гуэткин, начальник отдела экономических соглашений английского министерства иностранных дел, – разъяснил Гоуска. – Приехал с лордом в качестве эксперта. Поговаривают, что он из русских евреев. Насколько это верно, судить не берусь. Но что он делец – это бесспорно. Один из секретарей Гуэткина мой друг еще по Парижу. Я его встретил вчера в «Карлтоне» и перекинулся с ним двумя-тремя словами... Мы поговорим поосновательней в ближайшие дни.

– Что же он за человек, этот его секретарь? – заинтересовалась Эльвира.

– Обаятельная личность. Сравнительно молод, недурен собой, большой весельчак и к тому же умница.

– О! Это уже любопытно, – Эльвира положила свою руку на руку Гоуски. – Надеюсь, вы его мне представите?

– Непременно. Я его затащу в «Амбаси», когда вы будете танцевать.

– Чудесно! Только не забудьте.

– Это невозможно, моя дорогая.

3

Когда Эльвира добралась до Вацлавской, был уже вечер. Улицы осветились огнями фонарей, неоновыми рекламными. Почти бесшумно, с легким шорохом скользили по черному зеркалу асфальта цветные разномарочные машины. Улицы Праги шумели по-вечернему.

Эльвира шла пешком, что случалось с нею редко, радуясь движению оживленной толпы.

Зал кафе «Шроубек» еще не заполнился. Мягкий рассеянный свет укрытых абажурами ламп не утомлял зрения. Столики сияли белизной скатертей, сверкали нарядной сервировкой.

Обермейер ждал сестру за столиком у окна.

Эльвира и Мориц по внешнему виду были резкой противоположностью. Трудно было предположить, что они родные брат и сестра. Между ними не было ничего общего. Эльвира носила фамилию брошенного ею мужа – Эрман. Поэтому мало кто знал об их кровном родстве. Это вполне отвечало интересам Обермейера. Между ними было условлено, чтобы Эльвира без крайней необходимости не называла себя его сестрой.

– Ну, как подвигаются дела? – спросил Обермейер, когда Эльвира села за столик.

Она отвечала с досадой в голосе. Нет, ей вовсе не по вкусу поручение брата. Легко сказать, познакомиться с англичанами! Если бы хоть кто-нибудь из них появлялся на людях в одиночку, а то ведь всегда в сопровождении целой своры помощников, телохранителей и шпииков. Ну, а если бы и не было провожатых? Как она может навязаться на знакомство? Она без всякого толку потеряла двое суток в Праге, а ей нужно готовиться к выступлениям, репетировать.

– Не горячись. Я не толкаю тебя на необдуманный шаг. Что такое два дня? Пустяки. Поживи здесь с недельку. Я переговорил с Жаном и надеюсь, что он что-нибудь придумает.

В конце концов Эльвира согласилась, но без всякого увлечения. Она плохо верила в успех и не возлагала больших надежд на Жана, который, конечно, ничего не придумает, сколько бы ни старался. Да и вообще ей надоели сумасбродные поручения брата. Сегодня ему хочется, чтобы она познакомилась с кем-нибудь из свиты лорда Ренсимена, завтра – с ним самим, а послезавтра – с Чемберленом или Даладьё! Это все не так легко, как кажется.

Немного успокоившись, Эльвира сказала, что завтракала с Гоуской.

– С твоим старым знакомым?

– Да.

– Что полезного ты извлекла из этой встречи?

Эльвира коротко рассказала о своей беседе с Гоуской и его обещании познакомить ее с одним человеком из окружения Ренсимена.

Обермейер насторожился.

– Вот видишь! Ты, оказывается, уже добилась определенных успехов.

– Очень определенных, – иронически усмехнулась Эльвира.

– Ничего, ничего... Не все сразу делается. Когда он обещал представить тебе этого господина?

– Об этом мы не улавливались.

– Почему?

– Странный ты человек, Мориц! Гоуска от меня без ума, а я, видите ли, буду настаивать на знакомстве с новым человеком. Надо же чем-то мотивировать мое пылкое желание познакомиться с ним.

– Да... – неопределенно протянул Обермейер. – Впрочем, мне на эти тонкости наплевать. Надо действовать...

Глава вторая

Зал «Амбаси» был переполнен, только отдельные столики, заранее заказанные постоянными посетителями, еще оставались свободными.

Предстоящее выступление новой танцовщицы, разрекламированное предприимчивым хозяином, вызвало интерес. Публика все прибывала, и официанты, несмотря на все свои старания, едва успевали ее обслуживать.

Кабаре «Амбаси» славилось в Праге как увеселительное место для избранных. Сюда съезжались только денежные люди. Благодаря предприимчивости хозяина каждый вечер, проведенный в «Амбаси», оставлял у посетителей впечатление яркого, пряного, шумного праздника, о котором приятно вспомнить. Праздника ждали и сегодня.

Позже других в зале появился Гоуска. Говоря откровенно, он сегодня не был расположен ехать в «Амбаси», и только надежда встретиться с Эльвирой заставила его изменить решение, которое он принял утром.

Правый глаз Гоуски был закрыт небольшой черной повязкой. Одним глазом смотреть было непривычно, неудобно. Гоуска чувствовал себя неуверенно, шагал как-то бочком и проходил мимо знакомых, не узнавая их. Подойдя к своему постоянному столику, Гоуска увидел кружащуюся посреди зала Эльвиру. Она танцевала вальс Вебера.

Гоуска сел за столик и закурил сигару. Наблюдая за Эльвирой, он изредка касался двумя пальцами черной повязки на глазу.

Закончив танец, Эльвира, придерживая складки шифонового платья и кланяясь на аплодисменты, подошла к Гоуске и села с ним рядом.

– Вы очаровательны сегодня, – сказал Гоуска.

– Только сегодня?

– Опять вы придираетесь к каждому слову.

– Расскажите, пан Гоуска, что с вами? – она кивнула на его повязку.

Оживление погасло на лице Гоуски, он позеленел.

– Дикие вещи происходят в наши дни, – сказал он с возмущением. – Вчера я был в баре «Юлиша». Там встретил Марго. Помните словацкую цыганку? Вы ее должны знать. Она когда-то в «Амбаси» служила бар-дамой... Я пригласил ее на танец... И, можете себе представить, меня, приняли за семита! Разве есть у меня что-нибудь общее с евреем?

– С этой повязкой – пожалуй... – рассмеялась Эльвира.

– Вы все шутите, – с упреком сказал Гоуска. – Но слушайте дальше. Подходит ко мне здоровенный верзила, один из молодчиков Гейнлейна, толкает в грудь и рычит: «Эй ты, еврейская морда! Вон отсюда! А то я тебя отучу не только танцевать, но и передвигаться на своих ногах!» Вы только подумайте! Я возмутился, но тут явился второй верзила и без всяких предисловий бац меня по физиономии чем-то твердым! Разыгрался скандал... Вызвали полицию. Эти типы оказались сынками немецкого фабриканта из Либерец. Они даже не посчитали долгом извиниться, когда им разъяснили, что я не еврей, а чех. Но еще больше возмутила меня наглость нашей полиции. Мне посоветовали помириться с этими дегенератами. Вы представляете себе?

Эльвира кивнула головой и прикусила нижнюю губу, сдерживая смех. Несчастный Гоуска, какой жалкий у него вид!

– Но все это мелочи, – продолжал Гоуска. – Вчера случился эпизод поинтересней. Я был свидетелем. Вы конечно, знаете гордость нашей Праги – пивную святого Томаша. Так вот, в полдень я сидел там за кружкой пива, и вдруг вваливаются гурьбой итальянские журналисты – они всюду рыщут за сенсациями. Вот они и решили под видом экскурсии заглянуть в знаменитую пивную. Сопровождал их один из сотрудников итальянского посольства, я его знаю в лицо. А эти макаронники, эти пронырливые черти действительно смахивают на евреев. К тому

же они были навеселе. Неподалеку от меня за двумя столиками сидели «влайковцы», питомцы генерала Гайды, человек восемь или девять. Они уже солидно нагрузились. Вот один из «влайковцев», этакий здоровенный громила, наклоняется ко мне и спрашивает шепотком, кивая в сторону макаронников: «Израильтяне?» Не предвидя ничего дурного, я ляпнул: «Похоже, что так». Ляпнул и пожалел. Встал этот буйвол, подошел, раскачиваясь, к итальянцам и как двинет ногой в их стол. Боже ты мой! Что тут началось! Грохот, крик, потасовка!.. Пока вмешалась публика, пока разняли, пока разобрались, пока итальянцы предъявили свои дипломатические паспорта и визитные карточки, «влайковцы» успели на совесть расписать им физиономии и намять бока. А лучше всего финал. Враги составили столы вместе, сели и, обнимаясь, начали общую попойку.

Гоуска хохотал, утирая платком слезящийся здоровый глаз.

– Вот Бог вас и наказал, – тоже смеясь, заметила Эльвира.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Гоуска. – Будете пить вино?

Эльвира молча кивнула головой.

Гоуска потребовал «Шерри», а для себя коньяку.

– Где же ваш друг?

Гоуска уставился одним глазом на Эльвиру.

– Кого вы имеете в виду?

– Очень мило! Вы же обещали познакомить меня с секретарем Гуэткина.

– Ах, да! Помню, помню. Но, к сожалению, в эти дни я не видел его.

Подошел официант и поставил на стол бокал и рюмку. Наливая вино Эльвире, он склонился над ее ухом.

– В кабинете номер два вас ждет господин Прэн.

«Вот это интереснее», – решила Эльвира и неторопливо встала.

– У меня деловой разговор с администрацией, – сказала она Гоуске. – К сожалению, я должна вас покинуть.

Гоуска разочарованно развел руками.

– Искренне огорчен, убит... – бормотал он, целуя руку Эльвиры. – Может быть, вы скоро освободитесь?

– Едва ли, – бросила она уже на ходу.

Прэн, сотрудник прессы американского посольства в Праге, был равнодушен к Эльвире. Она это знала и старалась использовать Прэна в своих интересах.

Прэна считали специалистом в области внешней политики, человеком, имеющим большие связи, но практическая деятельность Прэна оставалась для многих тайной.

Эльвира вошла в кабинет и остановилась в нерешительности: в комнате никого не было. На столе стояла большая ваза с фруктами и бутылка шампанского. На спинке кресла висел пиджак спортивного покроя.

Эльвира оглянулась. Обстановка складывалась благоприятно, можно было рискнуть. Эльвира быстро подошла к креслу и опустила руку в карман пиджака. Она нащупала пачку сигарет. В другом кармане оказался носовой платок и какой-то ключ, в третьем – нагрудном – ничего не было, а из четвертого торчали автоматическая ручка и карандаш. Так же тщательно Эльвира обследовала и внутренние карманы. Один оказался пустым, а из второго Эльвира вынула записную книжку и быстрым движением сунула ее за свой широкий шелковый пояс.

Бесшумно раздвинулись драпри, показался Прэн.

– Роберт! Как я рада! – воскликнула Эльвира.

Целуя ей руку, Прэн спросил:

– Кто этот человек, с которым ты сидела?

– Ах, вот оно что! – Эльвира звонко рассмеялась. – Роберт ревнует! Я сидела с чехом. Это видный деловой человек Праги.

- Настоящих деловых людей можно найти только в Америке.
- Ты в этом уверен?
- Да.
- Нескромно с твоей стороны, мой милый!
- ...В первом часу ночи Эльвира снова появилась в зале. Джаз непрерывно играл танго и слоу-фокстроты.
- Обермейер, ждавший сестру у окна, с подчеркнутым раздражением посмотрел на часы.
- Где ты пропадала?
- Виделась с Прэном.
- Черт знает что! Мы опаздываем. Едем же!
- Ты взял все, что нужно?...
- Да, да, да, – сухо ответил Мориц.
- Когда машина тронулась, Обермейер поинтересовался:
- Ну, как себя чувствует твой Прэн?
- Эльвира рассказала о встрече. Потом она вынула записную книжку и молча подала брату.
- Это что?
- Записная книжка.
- Прэна?
- Да.
- Почему она у тебя?
- Эльвира рассказала.
- Ты уверена, что он ничего не заметил?
- По-моему, да, – не совсем твердо произнесла Эльвира.
- Смотри, как бы не дошло до скандала.
- Пустяки... Из Прэна я могу веревки вить. Допустим даже, что он видел. Что за беда? Я всегда найду, что сказать.

Глава третья

Милаш Нерич проснулся, против обыкновения, поздно: стрелка на ручных часах подползала к цифре двенадцать. Лампа на тумбочке, которую он не погасил вечером, продолжала гореть. Ее неестественно бледный, рассеянный свет тонул в лучах солнца, проникавших в комнату сквозь неплотно сдвинутые шторы окна.

И первое, что ощутил Нерич, была неприятная тяжесть в голове и горьковато-кислый привкус во рту. Мелькнула мысль: не заболел ли?

Он приподнялся, сел в постели и почувствовал тупую боль в висках. Нерич поморщился, неодолимо потянуло снова лечь. Он сомкнул веки, осторожно опустился на подушку, вытянулся и, не раскрывая глаз, попытался сообразить: что же было причиной такого долгого и тяжелого сна?

Вчера он заснул рано и как-то внезапно, даже не успел выключить свет настольной лампы. Перед сном читал длинное письмо из Белграда. Читал, с трудом пересиливая дремоту. Помнится, успел вложить письмо в конверт и сунуть его под подушку. Спал крепко, очень крепко. Ни разу не проснулся за ночь и не притронулся к стакану с минеральной водой, который поставил с вечера на тумбочку, полагая, что после сытного ужина его будет мучить жажда.

В чем же причина?

Собираясь с мыслями, Нерич повернулся на бок, почти машинально сунул руку под подушку и... содрогнулся.

Конверта, который он засунул туда с вечера, не было. Он приподнялся, сдвинул подушку с места. Сердце билось учащенно. Нерич соскочил с кровати, сбросил на пол одеяло, простыню, перевернул матрац – конверта нет. Он опустился на колени, заглянул под кровать, потом выдвинул ящик тумбочки.

Письмо исчезло...

Холодная испарина выступила на лбу Нерича. Он тяжело опустился в кресло, принуждая себя к спокойствию, пытаясь последовательно восстановить в памяти все события вчерашнего дня.

В них, казалось, не было ничего, что выходило бы из круга его привычных действий. Он провел несколько деловых встреч, зашел на главный почтамт, потом сходил к антиквару, получил закрытое письмо, пообедал, вернулся в отель. Ужинал у себя в номере. В начале одиннадцатого лег в постель, прочел письмо и уснул. Вот и все.

Повернув голову, Нерич посмотрел на дверь. В замочной скважине торчал ключ. Он никогда на ночь не вынимал ключа из двери, не нарушил этой привычки и вчера. И, чтобы окончательно проверить себя, Нерич подошел к двери, дернул ее. Дверь была заперта.

Куда же исчез конверт с письмом? Не мог же он рассыпаться в пыль! И тем не менее в номере его не было. Выкрали? Но как? Каким образом? И кто это сделал? Кто сумел проникнуть в запертую изнутри комнату, проникнуть незаметно, не разбудив его, человека осторожного и чуткого, который просыпается от малейшего шороха?

А что, если в самом деле выкрали? При этой мысли Нерич похолодел.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Нерич стал машинально натягивать на себя сорочку, брюки, пиджак. Необходимо что-то предпринять, и предпринять немедленно, но что – он и сам еще не знал.

Но кто, кто взял письмо? Впрочем, так ли это теперь важно? Важно, что пропало письмо, заключающее в себе государственную тайну Югославии.

В нарушение устоявшейся с годами привычки, Нерич закурил натошак. Жадно несколько раз затянулся папиросой и почувствовал головокружение. Он снова опустился в глубокое кресло, сизые облака дыма окутали его.

Постепенно сознание подсказало ему, что произошло что-то гибельное, непоправимое.

Постоянно живя в Карловых Варах, Нерич работал ассистентом в терапевтической клинике профессора Лернэ. Медицина была официальной профессией Нерича. Но он имел и другую профессию – неофициальную. Он был разведчиком. В 1932 году, вернувшись домой, в Югославию, после окончания Пражского университета, Нерич был призван в армию для прохождения военной подготовки, а потом зачислен на специальные курсы. Там он принял предложение разведотдела Генерального штаба Югославской армии снова отправиться в Чехословакию, которую он неплохо изучил за пятилетнее пребывание в Праге.

Его убедили, что в этом предложении нет ничего, что могло бы потревожить его совесть. Так устроен мир. Каждая страна стремится знать все тайны своих соседей. Югославия к тому же питает недоверие к определенным военным и правительственным кругам Чехословакии и, в частности, к таким лицам, как Годжа, Беран, Махник, Сыровы, Крейчи, и к их близкому окружению. Опасным является стремление Германии проникнуть в Чехословакию, используя судетскую проблему.

Перед Неричем поставили задачу: контактируя свою разведывательную работу с югославским военным атташе в Праге и прикрываясь деятельностью врача, выяснить, какие позиции завоевывает Германия в Чехословакии, кто поддерживает в этой стране прогерманский курс, как реагирует на это высший офицерский состав. В то же время Белград интересовался югославской политической эмиграцией, осевшей в Праге.

Вот и все задачи. И до сегодняшнего дня, казалось, ничто не мешало Неричу выполнять несхожие функции профессионального врача и разведчика, живущего на нелегальном положении. Он еженедельно приезжал в Прагу, задерживался в ней на денек-другой, встречался со своими «друзьями» по нелегальной профессии, получал через засекреченное лицо – малоприметного в городе антиквара – очередную почту, идущую дипломатическими каналами, сдавал ему свои письма и возвращался в Карловы Вары.

Теперь эта привычная работа нарушена исчезновением письма.

Нерич растерялся. Все письма из Белграда он обязан был, по ознакомлению с ними, возвращать на вторые сутки. Так он делал почти все три года своей работы, так должен был поступить и сегодня. Что теперь делать?

Сказать, что сам уничтожил письмо, – не поверят. И не поверят потому, что он никогда к такому средству не прибегал, да и письмо по содержанию было слишком серьезно. В нем Белград обращал внимание своего резидента на то, что под прикрытием так называемого гейнлейновского движения в чешских Судетах Германия планирует захват Чехословакии. Видные чехословацкие деятели настроены германофильски и всеми средствами содействуют Гитлеру в реализации его агрессивных замыслов.

Письмо содержало указания, как Неричу вести себя дальше.

И такое письмо исчезло... Карьера, столь успешно начатая, грозила внезапно и трагически оборваться. Неведомый похититель уже знает, что он, Нерич, не только врач-терапевт и ассистент известного профессора Лернэ, но и тайный агент чужой страны. Этот некто, возможно, держит сейчас в своих руках письмо и размышляет над тем, как лучше его использовать.

А если похититель – лицо, о котором идет речь в письме? Дрожь пробежала по телу Нерича. С разоблаченными агентами не шутят.

Немедленно же нужно сообщить обо всем в Белград. Немедленно... Иного выхода нет. Он, возможно, попал в ловушку, расставленную его невидимыми врагами, и надо напрячь все силы, чтобы выбраться из нее.

Нерич, не раздумывая больше, сел за стол и начал писать шифровку. Он быстро набросал несколько строк. В дверь постучали.

«Странно, – подумал Нерич, откладывая перо, – кто может стучаться ко мне?»

Свидания здесь, в «Имперiale», он никому не назначал, да это было бы по меньшей мере неосмотрительно с его стороны. Быть может, пришел кто-нибудь из администрации отеля?

Стук повторился. Нерич подошел к двери, повернул ключ два раза и взялся за ручку.

Перед ним стоял его друг Мориц Обермейер.

Нерич пропустил гостя в комнату и, плохо скрывая растерянность, спросил его:

– Чем обязан удовольствию видеть тебя?

Обермейер молча улыбнулся, обнажив свои крупные длинные зубы и неприятно бледные, точно восковые, десны. На несколько секунд он задержал свой взгляд на столе, потом неторопливо сел в кресло.

Живя в Карловых Варах, Нерич часто посещал дом Обермейера. Но Обермейер у него был не больше двух раз. Тем более странным и необъяснимым показался Неричу визит Обермейера в отель «Имперiale».

«Черт его принес не вовремя!» – с досадой подумал Нерич.

Обермейер между тем взял из открытой коробки, стоящей на столе, длинную болгарскую папиросу, взгляделся в этикетку, чему-то усмехнулся и небрежно бросил папиросу на стол. Потом вынул из кармана сигару, откусил ее кончик и закурил.

Нерич быстро задвинул ящик стола, в который успел спрятать начатую телеграмму, и сел напротив гостя.

Нерич знал, что Обермейер, как судетский немец, является участником гейнлейновского движения; ходили упорные слухи, что он связан с гестапо.

В планах своей работы в Чехословакии Нерич никогда не выпускал из виду Обермейера, рассчитывая при случае использовать его в своих интересах. Втайне он лелеял надежду, что рано или поздно ему удастся привлечь Обермейера к сотрудничеству в пользу югославской разведки. Этим отчасти можно было объяснить и его посещения друга и его ухаживание за сестрой Обермейера Эльвирой Эрман.

Нерич был твердо убежден, что Обермейер знает о нем лишь то, что знают все, то есть что он занимается медициной.

Но сейчас Нерич вдруг поколебался в этом своем убеждении. А если Обермейер знает больше? Легко предположить, что нацистская Германия имеет своих надежных людей в Югославии. Профессия разведчика так опасна, так чревата неожиданностями! Беспощадная тайная война не прекращается ни на один день.

Размышляя об этом, Нерич тревожно посматривал на длинного, костлявого Обермейера. Мориц аккуратными колечками пускал фиолетовый дымок и щурил свои бесцветные, лишённые жизни глаза. На гонких губах играла ироническая улыбка.

Эта улыбка еще больше насторожила Нерича.

Обермейер пошевелил бровями, такими же бесцветными, как и глаза, повертел между пальцами дымящуюся сигару, посмотрел на ее кончик и, не поднимая головы, спросил:

– Ты, Милаш, чем-то расстроен?

– Почему ты так думаешь?

Обермейер пожал плечами.

– Ты мне сегодня совсем не нравишься. У тебя неважный вид. Ты нездоров?

– Да нет... как будто все в порядке.

– Как будто?

– Пожалуйста, не придирайся к словам.

– О! Ты нервно настроен.

– Я?

– Ты, Милаш.

Разговор между старыми друзьями не ладился. Нерич закурил болгарскую папиросу с длинным цветным мундштуком, встал и начал ходить из угла в угол.

«Не явился же он затем, чтобы сказать, что у меня сегодня плохой вид», – раздраженно думал Нерич.

– Перестань метаться, давай лучше поговорим, – резко сказал Обермейер.

Нерича покоробил этот вызывающий тон.

– О чем? – спросил он, сдерживая себя, чтобы не ответить резкостью.

Ссоры между друзьями случались. Нерич всегда был вспыльчив, а Обермейер слыл человеком необузданного нрава, любившим поиздеваться над людьми.

Несмотря на несходные черты характера, на студенческой скамье их связывала дружба. Более состоятельный Нерич частенько выручал безденежного Обермейера; Мориц, естественно, дорожил этой дружбой, не вполне бескорыстной. Они сохранили ее и после окончания университета.

– Садись! – повторил Обермейер. – Будем говорить о серьезном деле...

– У тебя ко мне дело? Любопытно. Я готов слушать, – сказал Нерич, но не сел, желая показать, что не считается с Обермейером. Он был раздражен, ему хотелось разозлить Морица.

– Как хочешь, – к удивлению Нерича, спокойно сказал Обермейер. – Я полагал, что сидя ты лучше воспримешь то, с чем я хочу тебя познакомить.

Обермейер засунул руку во внутренний карман своего серого пиджака, извлек оттуда несколько листов бумаги и поднес их к лицу друга.

В глазах у Нерича зарябило. Он побледнел. Перед ним было директивное письмо из Белграда.

– Мориц! Так, значит, ты... Как оно попало к тебе?

Обермейер усмехнулся, давая понять, что вопрос Нерича наивен.

– Возьми.

Нерич схватил письмо: он лихорадочно разглядывал его, все еще не веря, что оно снова в его руках.

– Я рад, я очень рад. Ты настоящий друг... Хорошо, что все так благополучно кончилось.

– Для кого хорошо, а для кого не слишком, – растягивая слова, проговорил Обермейер.

Нерич удивленно поднял глаза.

– Не совсем тебя понимаю...

– В твоем положении следует быть сообразительней, – язвительно продолжал Мориц. – Письмо разоблачает тебя. Наконец мне удалось проникнуть в твою скрытую жизнь. Признаться, я огорчен. Мой неподкупный друг Нерич работает против моей родной страны, против Германии. Опасное занятие. Оно тебе может стоить жизни.

Глаза друзей встретились. Они будто изучали друг друга. Нерич пытался прочесть мысли Обермейера, но прозрачный холодный взгляд гестаповца ничего не выражал.

– Теперь ты мой враг, – сказал Обермейер. – Но ты можешь снова вернуть мою дружбу. Стоит только произвести переоценку ценностей.

– На что ты намекаешь? – с трудом выговорил Нерич.

– Мы оба разведчики, оба работаем в чужой для нас стране. Разница лишь в том, что немцы скоро будут здесь хозяева, а вы, югославы, никогда...

Нерич начинал понимать, к чему клонится дело.

– Шантаж тебе не поможет, – сказал он, сдерживая поднимающуюся в груди злобу. – Я сегодня же сообщу обо всем в Белград. Я готов понести заслуженное наказание, брошу работу разведчика, но предателем не стану.

– Наивно, мой дорогой, и глупо, – невозмутимо произнес Обермейер. – Должен сознаться, я давно уже догадался, чем ты занимаешься в Чехословакии. Больше того, мне известны и некоторые твои высказывания, за которые тебя не погладят по головке.

Обермейер вынул из портфеля микропатефон и несколько прозрачных целлулоидных пластинок размером с десертную тарелку. Положив одну из них на диск, он воткнул штепсель в стенную розетку, и диск завертелся.

Нерич услышал самого себя, услышал свой голос. Кровь отлила от его лица, он со страхом посмотрел на Обермейера.

Патефон говорил:

«...мы не можем спокойно смотреть на ту карусель, которая вертится у нас в Югославии. По моим подсчетам, за последние два десятилетия у нас сменилось около сорока правительственных кабинетов. Кому это на руку? Кому угодно, но не нам. Немцам, итальянцам, англичанам это на руку, но не нам...»

Диск вертелся мучительно медленно, словно Обермейер умышленно замедлил его ход. Голос Нерича звучал отчетливо и твердо:

«Я за крепкую, устойчивую монархию. Многие югославы возлагают большие надежды на последнего из династии Кара-Георгиевичей. Мы ждем, когда возмужает Петр...»

Грамзапись не вызывала сомнений в подлинности этих слов. Память сразу же воскресила обстановку, в которой Нерич их произнес. Но как и кем его слова были записаны? Как попали пластинки в руки Обермейера?

Голос Нерича продолжал:

«А что говорят принц Павел и его прелестная супруга Ольга? По сути дела, они, пользуясь случаем, распродают страну оптом и в розницу, а такие типы, как Стоядинович, состоят на содержании у Геринга и помогают ему...»

Голос наконец умолк, диск остановился.

– Узнаешь свои речи? – усмехнулся Обермейер.

Нерич подавленно молчал. Минуту назад он был готов к яростной самозащите. Теперь он сразу надломился.

– Продолжим? – спросил Обермейер. – У меня есть еще кое-что из твоих конфиденциальных высказываний, и более откровенных, чем эти... Попробуем.

Он взял новую пластинку.

Нерич поднял руку: нет, он больше не хотел слышать свой голос.

– Хорошо, – согласился Обермейер и лицемерно добавил: – Я понимаю, это неприятно...

Да, Неричу было неприятно. Больше того – страшно. Он испытывал отчаяние гбнущего человека, который не видит надежды на спасение.

– Как видишь, дорогой Милаш, – говорил Обермейер, пряча в портфель патефон и пластинки, – все складывается не в твою пользу. Но у тебя есть выбор. Откровенно говоря, мне бы хотелось, чтобы мы по-прежнему остались друзьями.

Нерич молчал. Спустя минуту пробормотал устало:

– Ты называешь это дружбой? Странно.

– Что странно?

Нерич прикрыл глаза рукой.

– Так друзья не поступают.

Обермейер посмотрел на друга с жалостливой усмешкой.

– Оставь сентиментальности, это смешно. Ты хочешь сделать благородный жест: сообщить в Белград о том, что тебя обокрали. Прекрасно. Допустим, что тебя не посадят за решетку и в лучшем случае отзовут на родину. Ну что за птица ты будешь там? Заштатный лекарь в какой-нибудь деревеньке? Приятная жизнь: с утра до ночи возиться со вшивыми пациентами! Ну а как отнесутся принц Павел и княжна Ольга к твоим высказываниям? Ты надеешься, что они тоже сентиментальны?

Упоминание о принце Павле Нерич воспринял как намек на безжалостную расправу.

– У тебя единственный выход: идти со мной, с немцами, с Германией. Будущее на ее стороне, а Югославия... Югославия! Впрочем, рано еще говорить об этом. Подумай над моим предложением.

Да, нужно было думать. Если за похищенное письмо, за то, что Нерич позволил расшифровать себя, его в лучшем случае отзовут и разжалуют, то за высказывания против Павла и Ольги лишат жизни. Таких обид не прощают. При Павле работает специальный внесудебный орган, который тайно и быстро решает судьбу человека... А если принять предложение Обермейера? Как обернется дело в этом случае? Он останется жив, останется тем, кем был, и Обермейер, конечно, не даст этой истории огласки. Правда, Обермейер постарается выжать из него все, что может. Но другого выхода нет...

А Обермейер, как бы читая мысли Нерича, повторил:

– У тебя единственный выход – идти со мной.

Нерич поднял голову.

– Что ты потребуешь от меня?

– Пока немного. Я хочу располагать копиями писем, которые ты получаешь из Белграда и отправляешь в Белград. Это первое. Второе: изредка я буду вносить кое-какие коррективы в твои информации. О третьем условии мы поговорим позднее. Это все.

Что означает «это все», Нерич понимал хорошо. В своих донесениях в Белград он сообщал о военном потенциале Чехословакии, о настроении ее правительственных кругов, о происках судетских фашистов, о деятельности югославской политической эмиграции и т. д. Все эти сведения теперь будут доступны Обермейеру.

– Это невозможно, – быстро проговорил Нерич.

– Глупости. Разве тебя больше устраивает виселица?

Разговор превращался для Нерича в пытку. Он чувствовал, как холодеет его сердце, как дрожь охватывает тело. И он решился.

– Я согласен.

Обермейер поднялся с кресла, подошел к Неричу и положил руку на его плечо.

– Разумное решение. – И, не скрывая иронии, добавил: – На твоем месте я поступил бы так же. – Он помедлил, раздумывая. – Не сомневаюсь, у тебя рано или поздно пробудится профессиональный интерес к тому, каким образом конверт с письмом попал в мои руки. Могу рассказать теперь же.

Он подошел к стенному шкафу и открыл обе дверцы. На Нерича пахнуло горьковато-кислым запахом, который он ощутил, проснувшись сегодня утром.

– Сегодня ночью я был твоим соседом и по мере сил помог тебе хорошенько уснуть... Слышишь запах? До сих пор не выдохся. Стенку в шкафу, действуя умело, можно раздвинуть и опять сдвинуть. Понял? Познавай ремесло. И не унывай. Ты проиграл, но ты и выиграл. В этом скоро убедишься... Оставайся моим другом и всегда желанным гостем.

Обермейер взял портфель и двинулся к выходу. Но у дверей задержался.

– Вот еще что, друг. В твоей квартире, в одной из комнат, висят картины. Одна из них – копия «Вокзала Сен-Лазар в Париже» Монэ, мне она всегда нравилась. За нею я установил микрофон. Убери его оттуда. А второй убери из спальни, он под карнизом над портьерой. Теперь микрофоны не нужны. Доверие друг к другу мы восстановим на новых началах. Будь здоров!

Толкнув дверь ногой, Обермейер вышел. Нерич несколько минут стоял неподвижно, глядя вслед ушедшему разведчику.

Так вот каков Мориц Обермейер, человек, с которым он дружил, которого в трудную минуту сужал деньгами!

Мориц был известен в университете не своими успехами в науках, а умением искусно драться на рапирах и стрелять из пистолета. Об этом красноречиво говорили два шрама – следы

ударов, нанесенных ему противниками, – один на носу, другой ниже левого уха. Он и теперь сохранил былые привычки: ежедневно, как правило, выпускал обойму патронов в мишень, тренированной рукой вгоняя одну пулю в другую. Вначале Обермейер решил стать врачом, но, проучившись два года на медицинском факультете и не проявив никаких способностей, перебрался на юридический. По окончании университета Обермейер как юрист не прославился, и о роде его занятий ходили самые разноречивые слухи. И только в оценке характера Обермейера люди сходились на одном: Обермейер хорошо владел собою, мог сделать вид, что не помнит обиды, но обида всегда торчала острой занозой в его сердце. Обид Обермейер не прощал. Он любил исподтишка подставлять ножку людям – даже друзьям своим – и проделывал это с большим удовольствием.

И вот Обермейер поймал в ловушку Нерича.

Нерич, сын помещика, входил в жизнь легкой походкой, по дороге, проторенной богатым отцом, без лишней затраты сил, без тревог и волнений, не заботясь о куске хлеба. В зрелом возрасте он был твердо убежден, что если и есть люди умнее его, то этих людей не слишком много. Он относил себя к числу натур непосредственных, одаренных, страдал от избытка тщеславия и жил в плену собственного непомерного честолюбия. Легко взбирался он по ступенькам жизни. Карьера его складывалась счастливо. И вдруг все погребло.

«Пистолет! – мелькнула отчаянная мысль. Он ощупал пистолет в кармане. – Уйти от позора. Не станет меня, и всему конец...»

Но страх смерти тотчас же погасил эту мысль. Есть же какой-нибудь выход, не может не быть...

Нерич подошел к окну и распахнул его настежь. В комнату ворвался свежий воздух, шум городской жизни. Августовское солнце заливало ярким светом оживленные Пожичи. Пенилась и плескалась жизнь, обещая новые радости, удачи, счастье.

Глава четвертая

1

Божена Лукаш сидела у окошка № 3 в зале главного пражского почтамта. Она обслуживала клиентов, получающих письма до востребования. Здесь впервые и увидел ее Нерич. Большие голубые глаза, ясные и вдумчивые, так выразительно посмотрели на Милаша, что он невольно задержался у окошка. Он делал вид, что рассматривает почерк на конверте. Это было единственное письмо, адресованное ему до востребования. Как разведчик, Нерич не пользовался таким видом корреспонденции. И вряд ли когда-нибудь ему снова пришлось бы обратиться к девушке с вопросом: «Нет ли мне письма, барышня?» Нерич, раздумывая над тем, как ему познакомиться с девушкой из почтамта, нашел такой простой способ: нужно, чтобы на его имя до востребования приходило побольше писем, а для этого он должен сам себе писать и отправлять письма. Приключение было безобидно и походило на шутку.

Второе письмо Нерич получил через два дня, и на этот раз заговорил с девушкой. Божена учтиво отвечала на вопросы клиента и один раз даже улыбнулась.

Письма стали приходиться через день, а потом и ежедневно. Нерич уже с усилием подбирал фамилии и адреса своих «корреспондентов» и подолгу трудился над конвертами, стараясь поискуснее изменить свой почерк. Впрочем, необходимость в такой кропотливой работе вскоре отпала: он ближе познакомился с девушкой и узнал, что ее зовут Божена Лукаш.

В один из теплых весенних дней Милаш умышленно опоздал и подошел к почтамту в ту минуту, когда Божена уходила с работы. Как всегда в последнее время, сегодня тоже было письмо. Божена, будучи девушкой любезной, вернулась в контору и принесла письмо. Нерич рассыпался в благодарностях и добился согласия Божены проводить ее до дому. Так повторялось несколько дней подряд, а потом и опоздания стали не нужны. Получая свои письма, Милаш улавливался с Боженой о встрече. Они бродили по вечерней Праге, заходили в кинотеатр и смотрели новые фильмы, болтали часами, прогуливались по набережной Влтавы, шутили, смеялись.

Встречи участились. И чем чаще они бывали вместе, тем больше нравилась Неричу Божена, тем радостнее было для него ожидание весенних вечеров, которые он проводил с нею. Он чувствовал, что влечение его к девушке не похоже на все, что он испытывал и переживал раньше. Его последнее увлечение – Эльвира – было совсем другого порядка. Эльвира казалась ему красивой, и только эту красоту, броскую и вызывающую, он и видел в ней. Она обаятельно улыбалась, умела быть веселой, грустной, восхищенной, влюбленной, разочарованной. С нею было интересно проводить время. Но что-то искусственное, механическое чувствовалось во всем этом, и не раз, видя танцующую Эльвиру, он мысленно называл ее хорошо выдрессированным животным. И это красивое животное ему нравилось. Он догадывался о похождениях Эльвиры, знал о ее связи с Гоуской, но она всегда ловко умела убедить его в своей верности ему, Милашу, и он давал себя убедить, прощал ей прошлое. Одно время Неричу казалось, что он любит Эльвиру. Он каждый вечер просиживал в кабаре в ожидании ее выступлений, часами ждал ее у подъезда, ревновал ее к посетителям, и даже к музыкантам из оркестра, следил за каждым ее шагом, движением, улыбкой, упрекая в каждом поступке, казавшемся ему подозрительным. Но чем больше безумствовал Милаш, тем смелее вела себя Эльвира. Поклонники не отходили от нее, и она не гнала их. Она говорила о них Неричу: «мои старые друзья», «мои деловые знакомые». Милаш пытался уличить ее во лжи, но даже явные свои измены она изображала как шутку, как желание вызвать в нем ревность. Нерич жил с постоянной болью в сердце. Он сознавал нелепость и унижительность своего положения, но не мог отказаться от

Эльвиры. Постепенно влюбленность его потеряла остроту – он свикся с положением одного из «друзей».

И вот Божена! Светлая, одухотворенная Божена. В ней не было ни лживости, ни лицемерия, ни искусственности. В своей милой простоте она была непосредственна и ясна и, конечно, сразу почувствовала, что Нерич интересуется ею. Не допытываясь причин, Божена постаралась придать их встречам дружеский оттенок. Рассказы Нерича увлекали ее: он так много знал, так много видел, он казался ей человеком незаурядным, если не выдающимся. А Нерич любил и умел рассказывать. Божена готова была часами безмолвно сидеть рядом с ним и, слушая его, следить за тихими водами Влтавы. Очень скоро Милаш понял, что Божена любит его. В улыбке, взгляде, в интонациях голоса он угадывал ее чистое, ничего не требующее чувство.

Любовь Божены радовала и вместе с тем пугала Нерича. Пугала потому, что вначале он не добивался ничего, кроме мимолетного знакомства с этой хорошенькой девушкой из почтамта. Милаш не забывал, что Божена из простой рабочей семьи, что ее отец – железнодорожный машинист и старый коммунист. Он же, Нерич, – дворянин, сын богатого помещика, врач, человек из порядочного общества, аристократ. Если бы он и решился пренебречь сословными предрассудками, без согласия отца ему не обойтись, а родители, в чем Милаш ни на минуту не сомневался, никогда не позволят ему взять в жены дочь простого рабочего. Не считаться с волей отца нельзя, – он может лишиться наследства. А что Нерич без наследства? Врач, своим трудом зарабатывающий себе на пропитание. Нет, нет! О женитьбе не может быть и речи. Только легкое увлечение, веселая дружба, но не больше.

Нерич рвался к Божене всеми силами души. После крошечной ночи в отеле «Империал» и постыдного разговора с Обермейером он уже не мог оставаться наедине со своими мыслями. Божена была, пожалуй, единственным человеком, подле которого он чувствовал себя легко и беззаботно. Какое-то время он колебался: не рассказать ли ей обо всем случившемся? Но здравый рассудок отогнал эту малодушную мысль. Рассказать – значит выдать себя как разведчика. Он только еще больше запутает положение. И, наконец, это просто глупо, ничем не оправдано. Чем может помочь ему Божена? Ей – ни слова. Просто увидит ее, побудет с ней, услышит ее голос. Может быть, ему станет легче. Всю глубину своего падения Нерич осознал только на другой день после визита Обермейера. Как низко он пал! Как могло случиться, что он с такой легкостью, так бездумно, без сопротивления вошел в сделку со своей совестью? Почему не восстали его кровь и разум? Как быстро он перечеркнул все дорогое для человека: честь, самоуважение, любовь к родине! Каким именем его назвать? И как он будет жить дальше?

Происшедшее внесло разлад в его душу, раздвоило его чувства. Его совесть говорила двумя голосами. Один голос оправдывал, успокаивал, уверял, что иного выхода не было, другой – осуждал, обвинял, проклинал. Пытаясь найти корни своего падения, Нерич заглянул в далекое прошлое. Зачем он связал свою судьбу с секретной службой? Зачем вернулся в Чехословакию? Чего он искал в жизни? Разве у его отца мало средств? Разве он не единственный наследник? Что его толкнуло на эту рискованную дорогу?

Второй голос брал верх. Сегодня утром в своей квартире в Карловых Варах, вскочив после бессонной ночи с помятой постели, Нерич со злой решительностью отправился к Обермейеру. В разгоряченном мозгу его сложился план действий. Он плюнет в лицо гестаповскому выкорышлу Обермейеру, объявит ему, что никогда не станет предателем родины, и сообщит в Белград о ловушке, которую ему подстроили. А там будь что будет.

Но за два квартала до особняка Обермейера запас мужества и решительности иссяк. Перед гестаповским резидентом предстал безмолвный и удрученный Нерич. Он чувствовал себя ничтожным. Бурного объяснения не произошло. Он молча подал немцу для просмотра свое письмо в Белград...

В полдень Нерич покинул Карловы Вары. Ему хотелось скорее увидеть Божену. Он ждал ее у подъезда почтамта почти дотемна.

После незначительных фраз, обычных при встрече, Божена настороженно спросила:

– Что с вами? Чем вы расстроены?

Нерич предвидел этот вопрос.

– Да, милая, я расстроен. Утром я ассистировал на очень легкой операции, но она окончилась трагически: больной умер. Как ненадежно все устроено на этом свете... Вчера человек жил в полную силу, наслаждался всеми благами существования, чувствовал, радовался, смеялся, на что-то надеялся, о чем-то мечтал, а сегодня превратился в труп, в бездушный объект для патологоанатома. Очень грустно...

Божена подняла на него внимательные глаза. Ее тревожило его нервное состояние.

– Вы очень впечатлительны, – сказала она.

– Да нет, я бы этого не сказал. Но такой печальный случай...

– Почему он умер? Кто виноват в этом?

– Отчасти я, отчасти профессор. Оба мы виноваты. Понадеялись на его сердце, дали слишком большую дозу наркоза, а оно не выдержало, сдало.

Нерич, наблюдая за собой как бы со стороны, с досадой подумал: «Как я легко лгу! А она мне верит».

Они долго бродили по вечерним улицам столицы.

На одном из перекрестков Божена остановилась и сказала, что ей надо забежать к подруге, Марии Дружек.

– Ваша подруга похожа на вас? – спросил Нерич, чтобы удержать девушку на одну лишнюю минуту.

– Нисколько... Мы совсем разные, и она старше меня на три года.

– Кто же эта девушка, простите за нескромность?

– Мария – диктор радиовещательной станции.

– И вы давно дружны?

– Да, мы долго жили соседями, вместе росли. Когда ее родители уехали в деревню, Мария осталась у нас.

...Возвращаясь в Карловы Вары, Нерич снова углубился в свои мысли. Теперь он упорно искал ответ на мучивший его вопрос: откуда Обермейер узнал о его тайной деятельности, кто предал его?

С бывшим югославским военным атташе в Праге Драже Михайловичем, жившим в Дейвицах, он встречался, педантично выполняя все правила конспирации. С новым атташе – тоже. Встречи по большей части происходили за пределами города, а после отъезда Михайловича он ни разу не бывал в бюро военного атташе.

Связь с Белградом поддерживалась через владельца антикварной лавочки, человека невидного, малоизвестного, но преданного и хорошо проверенного. Кто же предал? Кто-нибудь из его новых агентов? И вдруг неожиданно в памяти всплыла фамилия судетского немца Кунда. Он, и только он мог его раскрыть.

Нерич сбавил газ, машина пошла медленнее. Напряженно Нерич восстанавливал в памяти подробности своих встреч с Кундом. Их познакомил все тот же Драже Михайлович в Братиславе, во время загородной прогулки. Будь проклят этот Драже! Как взбрела ему дурацкая мысль свести Нерича с Кундом? Ведь Кунд – один из сообщников Конрада Гейнлейна.

Кунд несколько раз бывал в доме Нерича, участвовал в товарищеских пирушках. Какая же он сволочь! На что только не способны гитлеровцы! Теперь-то понятно, с какой целью Кунд подсунил ему в горничные рыжую немку Берту, которая, конечно, все высматривала и подслушивала. И не без ее помощи, конечно, появились в его квартире проклятые микрофоны.

Злоба ослепила Нерича. Он с остервенением нажал на послушный акселератор; мотор взревел, и машина понеслась на предельной скорости.

– Выгнать Берту к черту! – шипел Нерич. – Немедленно выгнать...

2

Божена вернулась домой около десяти и была удивлена, не найдя в квартире отца. Что могло его задержать? Демонстрация и митинг в Лишине должны были, по ее расчетам, окончиться рано. Где же отец?

Божена взяла книгу и села у открытого окна. Не читалось. Она прошла на кухню, зажгла газ и поставила на огонь кастрюлю со вчерашним супом, потом бесцельно стала ходить по небольшой, двухкомнатной квартирке, не находя себе места. Машинально одернула занавески на окнах, переставила с места на место вазочку с живыми цветами, вдохнула их запах, и ей почему-то стало грустно.

Скрытое, еще не осознанное беспокойство охватило ее. Может быть оттого, что долго не возвращается отец? Или оттого, что сегодня рано рассталась с Неричем?

Нерич... Милаш... Он дорог ей. Ни с чем не сравнимую, нежную радость доставляли ей встречи с ним. Она могла бы дни и ночи проводить подле него, слушать его, делиться с ним своими мыслями. Только врожденная гордость, боязнь показаться навязчивой заставляли ее сокращать время свиданий. Все, все нравилось ей в нем: и мужественность, и сильные плечи, и темно-карие глаза на смуглом лице, и обаятельная, открытая улыбка, обнажающая красивые зубы. И ум. Милаш умен – она не сомневалась в этом. Иначе он не мог бы работать ассистентом у такого видного специалиста, как профессор Лернэ. Божена отдала бы жизнь за то, чтобы Милаш навсегда остался с нею. Может быть, со временем... Если же этого не случится, она уже никого и никогда не полюбит. Любовь к Милашу не угаснет до конца ее дней.

Шум остановившейся около дома машины заставил ее вздрогнуть. Кто это может быть? Она не помнит, чтобы отец когда-нибудь пользовался машиной.

До ее слуха донеслись негромкие голоса.

Не отдавая себе отчета в своем испуге, Божена бросилась к дверям и... Нет, она даже не вскрикнула – голос отнялся. Она застыла на пороге. Старые друзья их дома, железнодорожники Зденек Слива и Карел Гавличек, бережно поддерживая под руки, ввели в комнату отца. Голова его до самых бровей была забинтована, на белой повязке проступили густые пятна крови. Он с трудом передвигал отяжелевшие ноги.

– Отец!.. Родной!.. – прижав кулаки к губам, готовая разрыдаться, прошептала Божена.

Отец взглянул на нее и страдальчески улыбнулся.

– Куда нам его положить? – спросил Гавличек.

– Вот кровать... сюда... сюда, – испуганно шептала Божена. Она быстро сбросила покрывало, взбила подушку, дрожащими руками помогла раздеть отца и положить его в постель.

– Вот так, – сказал Гавличек. – Курить ему не давай и вставать не разрешай. Если что нужно будет, прибеги ко мне домой... А ты крепись, Ярослав... Потерпи... На нашем брате все быстро заживает, уж такой мы народ, – и он подмигнул больному. – Ну, мы отправились.

Божена заперла за Сливой и Гавличком дверь и присела к отцу на кровать.

Глубокие, но редкие морщины, точно шрамы, рассекали щеки Ярослава Лукаша. Серебристые нити путались в густых отвислых каштановых усах. Мерно вздымалась широкая грудь. Сейчас, когда Ярослав лежал, она казалась крутой, как наковальня. Осунулся отец, постарел. Сразу и заметно постарел. В первый раз он сдал, когда умерла мать, и во второй раз – сегодня. И только глаза оставались прежними: сосредоточенными и суровыми.

Боясь потревожить отца, Божена сдерживала слезы и молчала. Она взяла его тяжелую, жесткую руку, осторожно положила к себе на ладонь и стала гладить ее.

Ярослав лежал неподвижно. Изредка на короткий миг он опускал тяжелые, будто набухшие веки, и тогда в уголках его глаз разглаживались морщинки.

Немногословен был отец, но Божена знала: под его внешней суровостью скрывается большое человеческое сердце. Отец никогда не обижал ее, да она и не давала к этому повода. Они жили душа в душу. Не только дочь, но и все хорошо знавшие отца ценили его великодушную, прямую и честную натуру.

Уже давно, с той поры, как отвезли на кладбище мать, между отцом и дочерью установилась внутренняя неразрывная близость, которая не боится никаких испытаний. Они знали друг друга и верили друг в друга.

Когда стенные часы отбили два удара, Ярослав Лукаш тихо проговорил:

– Иди отдыхай, – и устало закрыл глаза.

Божена продолжала сидеть в его ногах, не изменив позы. Ей не хотелось оставлять отца, она боялась одиночества. Ярослав пожатием руки снова дал понять, чтобы она уходила. Божена встала и вышла в свою комнату.

Но уснуть девушка не могла, не покидала тревога. Она не могла понять, что происходит вокруг. Сердце подсказывало ей, что тяжелое ранение отца имеет какую-то связь с демонстрацией в Лишине. Что случилось там? Ее отец неспособен на непродуманный шаг.

Антонин и Мария говорят, что назревают события, которые неизбежно коснутся каждого дома, каждой семьи. Быть может, они правы. Возможно, что ранение отца – первый вестник приближающихся бедствий...

Не спал и Ярослав Лукаш. Старый коммунист, он хорошо понимал, какие грозные события надвигаются на его родину. Если бы он, выступая сегодня на митинге, не высказал резкого протеста против уступок, на которые пошло правительство в своих сношениях с фашистами, его бы никто и пальцем не тронул. А он высказал протест. Высказал прямо и честно. Он заявил, что нацистская партия судетских немцев во главе с Конрадом Гейнлейном, имя которого ненавистно каждому честному чеху, все больше нагнет в своих требованиях, а президент и правительство подыгрывают фашистам, потакают Гитлеру. Лукаш сказал: ошибается тот, кто думает спасти нацию ценой позорных уступок; никакие уступки не остановят врагов Чехословакии, врагов человечества. Ни шага назад! Народ готов всеми силами бороться и отстаивать независимость родины. Он предпочитает открытую неравную борьбу позору и капитуляции. Лукаш требовал призвать к порядку нацистских провокаторов – гейнлейновцев, молодчиков Гайды и Глинки. Он высмеял лживую, двурушническую позицию правительственных кругов Англии и Франции, заигрывающих с Гитлером. Только Советский Союз, сказал Лукаш, является истинным другом чехословацкого народа.

Английские газеты призывают Чехословакию к благоразумию. А разве чехи и словаки не благоразумны? Разве они хотят отнять у Германии ее территорию? Как раз наоборот. Это немцы хотят отторгнуть от Чехословакии ее земли, отнять Судеты. Фашисты, вскормленные немцами, испещряют стены домов Праги надписями: «Смерть чехам!» О каком же благоразумии идет речь и что после этого надо понимать под благоразумием?

Кому в стране неизвестно, что фашистская Германия усиленно готовится к нападению? С какой целью Гитлер восстанавливает бездействовавшие ранее железнодорожные линии и ветки у границ Судетов? Зачем строятся новые автострады? Для какой цели формируются на территории Германии легионы из судетских немцев?

Неужели ничего этого не видит правительство?

И, выражая волю простых людей Чехословакии, Лукаш закончил словами: «Коммунисты считают, что суверенитет нашей родины ни при каких обстоятельствах не может быть нарушен, ослаблен, подорван. Ни на словах, ни на деле. От этого мы не отступим ни на шаг...»

Спустя полчаса, когда Лукаш возвращался с митинга, в пустынной темной улочке на него, безоружного, налетели бандиты генерала Гайды. Лукаш даже руки не успел поднять. Чем-то тяжелым его ударили по голове. Он потерял сознание...

Уже занимался рассвет, а Лукаш, не смыкая глаз, лежал в постели. Его тревожило будущее. Напрягая мозг, он силился представить себе, как развернутся события в ближайшие дни. Под утро мысли его стали путаться, рваться, заволакиваться туманом. Он забылся.

Глава пятая

1

Если прошлой ночью Божена спала мало, то сегодня совсем не спала, – отцу стало хуже. К вечеру температура резко поднялась. Ярослав Лукаш метался и каждую минуту просил пить. Губы его воспалились, в глазах появился лихорадочный блеск.

Тревога Божены возросла. Она понимала, что состояние отца опасно. Молча, без жалоб и стонов, переносил он страдания. Сердце Божены разрывалось.

Утром, чтобы успокоить дочь, Ярослав пересилил себя и выпил стакан сладкого кофе.

Божена не отходила от постели отца; лишь на недолгое время съездила в почтамт предупредить администратора о том, что не сможет выйти на работу.

После обеда Лукашу стало немного легче: появилась испарина, столбик ртути в термометре опустился до тридцати девяти градусов. Он заговорил с Боженой, спросил, почему не видно Антонина Сливы, попросил чашку бульона.

Но к десяти часам вечера положение снова ухудшилось, температура дала резкий скачок вверх, Лукаш впал в забытие. Божена растерялась. Она чувствовала себя бессильной. В своей комнате, уткнувшись в подушку лицом, она рыдала горько и безнадежно. Ей показалось, что близок роковой исход. Она знала, что этого испытания не перенесет.

Когда сознание отца прояснилось, Божена робко сказала:

– Папа, разреши мне позвать врача.

Лукаш перевел на нее внимательные глаза, помолчал и коротко ответил:

– Нет.

Говоря о враче, Божена думала о Милаше Нериче. Она проговорила торопливо:

– Ты не бойся, отец... Ни одна душа не узнает... Врач – мой хороший знакомый, честный и надежный человек, он только осмотрит тебя и пропишет лекарства.

Прошли томительные минуты, прежде чем Лукаш ответил:

– Не надо.

Божена смирилась. Она никогда не спорила с отцом. Его желания, его воля были для нее законом. И ей не хотелось настаивать на Нериче: свое знакомство с ним она от отца скрывала. У Божены было необъяснимое, но стойкое предчувствие: она была убеждена в том, что отец не одобрит ее знакомства.

К полночи Лукаш стал дышать тяжело и прерывисто. Веки его были сомкнуты, но он не спал. Дважды он попросил трубку, и Божена дважды решительно отказывала ему. Потом Лукаш начал бредить. Со страхом Божена вслушивалась в его слова. Он окликал Зденека Сливу, что-то выговаривал ему, кому-то грозил, кого-то увещевал, с кем-то спорил...

Божена села на постель.

– Отец!.. Отец!.. – окликнула она, сдерживая слезы.

Лукаш повернул голову в ее сторону, оглядел дочь гневным, горячечным взглядом и, не узнавая ее, крикнул:

– Все они подлецы!.. Все, все! Годжа недалеко ушел от Берана. Никому из них я не верю!

Тяжело и громко он застонал...

Божена вскочила с постели и бросилась к двери.

– Нет, так дальше нельзя...

Она дозвонилась до Карловых Вар и разбудила Нерича.

– Милаш, дорогой... У меня умирает отец... Помогите ради бога...

Нерич старался успокоить девушку и пообещал приехать самое позднее через два часа.

Божена повесила трубку автомата и облегченно вздохнула. У нее было такое чувство, будто одно обещание Нерича приехать уже отвело опасность от ее больного отца.

2

Дверь открылась на первый же осторожный стук. Божена встретила Нерича в простеньком домашнем халате. На нее было страшно смотреть – так она побледнела.

– Извините меня, – проговорила она, пропуская Нерича в переднюю. – Я, право, не знаю, как отнесется отец, он не хотел вызывать врача, но ему очень, очень плохо...

Голос ее сорвался. Нерич видел, как пульсировала на ее бледном виске едва приметная голубая жилка, как нервно кривились ее губы.

– А мы не посчитаемся с тем, что он не хочет, – успокаивающе заметил Нерич, снимая дорожный плащ. – Больные частенько настроены против нас, врачей... Я сделаю все, что в моих силах.

Ярослав лежал лицом к дверям. Первое, что бросилось Неричу в глаза: огромные черные тени под зоркими, лихорадочными глазами, осунувшееся суровое лицо и трубка в зубах, из которой вылетали облачка голубого дыма.

– Здравствуйте! – приветливо сказал Нерич. Он обвел глазами комнату и, увидев пустой стул у стены, поставил на него свой маленький чемоданчик.

Лукаш не смог ответить: он слишком много глотнул дыму и закашлялся.

– Здравствуйте! – ответил за него юноша, сидевший у кровати.

Подойдя к Неричу, юноша подал руку и назвал себя:

– Антонин Слива.

На Нерича взглянули светло-карие живые, любопытные глаза. На высокий и немного выпуклый лоб юноши опадали непослушные волосы пшеничного цвета. Подбородок у него был очерчен резко, взгляд прям, а в рукопожатии чувствовалась незаурядная физическая сила.

Нерич подошел к больному, сел на поданный Боженой стул и обратился к Лукашу со стереотипным вопросом:

– Ну, как себя чувствуете?

Ответа он не получил. Лукаш нашел глазами Божену и, сощурился, сказал недовольно:

– Я же просил не вызывать врача.

– Отец! – взмолилась Божена. – Все равно теперь поздно об этом говорить.

– А кто же вам порекомендовал лечиться табаком? – спросил Нерич тоном строгого наставника и сделал вид, что пропустил мимо ушей не слишком-то любезную фразу больного. – Да еще таким крепким табаком!

Лукаш внимательно разглядывал врача.

– Он меня не слушает, – пожаловалась Божена. – Три дня не курил, а сегодня...

– Вы славянин? – неожиданно спросил Ярослав.

– Славянин, серб, – ответил Нерич с улыбкой.

– Сразу видно, – неопределенно проговорил Лукаш.

Нерич, взяв тяжелую руку больного выше кисти и глядя на часы, стал отсчитывать пульс. Переводя взгляд со своей руки на руку Лукаша, он невольно подумал: «Да, вот рука потомственного пролетария, и вот рука дворянина и интеллигента. Разных полюсов люди. К тому же и характер у старика не слишком податлив».

Божена не спускала глаз с Нерича. Поможет ли он отцу? Поверит ли ему отец? Всей душой она хотела, чтобы Нерич оказался на высоте положения.

Нерич спросил:

– Температура?

- Тридцать девять и восемь, – ответила Божена.
- Когда измеряли?
- Примерно час назад.
- Когда делали перевязку? – повернулся Нерич к Лукашу.
- Не делали, – виновато ответила за отца Божена.
- Нерич пожал плечами.
- Что принимает больной?
- Ничего, – коротко ответила Божена.
- Противостолбнячный укол делали?
- Лукаш отрицательно покачал головой.
- Странно... – Нерич опять поднял плечи. – Почему вас сразу не отвезли в больницу?
- На губах Лукаша проскользнула тень улыбки.
- Дорогое удовольствие, господин доктор, и потом...
- Что потом?
- Ранение связано с небольшим происшествием... Вмешается полиция, а я этого не хочу.

Ответ не удовлетворил Нерича. Он встал со стула, энергично потер подбородок и мягко, но решительно сказал, повернувшись к Божене:

- Я вашего отца отвезу сейчас в свою клинику, к профессору Лернэ, в Карловы Вары.
- Что вы! – вырвалось у девушки.
- Не понимаю, что вас удивляет.
- «И в самом деле... почему ее отцу не лечиться у профессора Лернэ? Но сколько это будет стоить?»

- Это будет дорого стоить... Мы не можем...
- Не тревожьтесь. Вам не придется платить. Я все устрою, – сказал Нерич.
- Если так, то мы должны... – нерешительно проговорила Божена.
- Что должны? – Лукаш повернул голову к дочери.
- Поблагодарить господина Нерича. Ведь тебе будет хорошо, отец.
- Я никуда не поеду, – негромко сказал Лукаш.

Антонин Слива хотел вмешаться, но не успел. Божена бросилась к кровати, упала на колени и, схватив руку отца, стала просить в слезах:

– Родной мой... отец... Ты же любишь меня?... Сделай то, что я прошу... – Она целовала его жилистую сильную руку, прижималась к ней щекой.

Лукаш нахмурился. Оценивающими, пытливыми глазами он посмотрел на врача, на Антонина Сливу. Неричу показалось, что эти глаза проникают к нему в самую душу.

Мужчины стояли в ожидании.

– Хорошо, – сказал Лукаш, – я согласен. Но в Карловы Вары не поеду. В Праге тоже есть больницы.

– Сейчас я сбегаю за машиной и отвезу вас, – вызвался Антонин.

– У меня своя машина, – предупредил Нерич. – Собирайтесь. Если не хотите ко мне, я вас доставлю в любую больницу.

Антонин помог Божене одеть отца. Лукаш с трудом держался, придерживаясь руками за спинку кровати. Божена подошла к Неричу.

– Как я вам благодарна! – проговорила она.

– Стоит ли об этом говорить? Это мой долг, Божена. Отец через неделю вернется совершенно здоровым.

– Можно мне его проводить?

– Конечно.

Нерич и Антонин посадили Лукаша на заднее сиденье, и Божена с мольбой в голосе попросила Антонина:

– Антонин, дорогой, поедem с нами!

– Я готов, – скромно ответил юноша и мельком посмотрел на Нерича.

– Прошу, места всем хватит, – пригласил Милаш.

Но в душе у него шевельнулось недовольство: этот юноша, скромный и решительный, казался ему опасным; несомненно, он имеет влияние на Божену. Девушка села рядом с отцом, поддерживая его за плечи. Антонин устроился возле Нерича.

Молчание нарушил Антонин. Он возмущенно сказал, что над стадионом, где проходил сокольский слет, барражировали истребители. На этом слете участвовала и делегация Югославии – земляки Нерича.

– Тяжелые времена наступают для славян, – тихо отозвался Лукаш.

Нерич прервал его:

– Вы не пересиливайте себя. Поправитесь – тогда поговорим.

Лукаш замолчал.

Но Антонину такого совета Нерич подать не мог, и юноша говорил без умолку. На чем свет стоит он клял Гитлера, Гейнлейна, досталось от него Бенешу, Годже, Берану, Прейсу. Нелестно отозвался Антонин об англичанах и французах, назвал двурушником лорда Ренсимена. Свои симпатии юноша отдавал Советскому Союзу. Тут же выяснилось, что год назад в составе рабочей делегации он был в СССР.

Нерич искоса поглядывал на Антонина. С каждым словом юноши Нерич настораживался все больше. Не нравилось энергичное лицо Антонина и не нравилась смелость его слов, его горячность, задор, самоуверенность.

«Этот на все пойдет», – отметил Нерич про себя. И спросил Антонина в упор:

– Вы коммунист?

Юноша отрицательно качнул головой.

– К сожалению, пока беспартийный. Вы почему спрашиваете?

Ответа не последовало. Машина остановилась около больницы. Нерич вылез из-за руля.

– Прошу минутку подождать меня, – сказал он.

Уже рассвело. Улицы города оживлялись. Появились женщины с базарными сумками и корзинками.

Вскоре Нерич вернулся в сопровождении двух санитарок. Лукаша положили на носилки. Антонин на прощанье пожал ему руку, Божена поцеловала отца в лоб.

– Поправляйся!

– А ты береги себя, – сказал Лукаш, и глаза его потеплели.

Глава шестая

Сдерживая накипевшую злобу, Обермейер читал ответ штандартенфюрера СС фон Термица на свои два последние письма.

«Уважаемый Эгер! – писал штандартенфюрер. – С планом ваших действий я не согласен. Вашу инициативу не одобряю. Вы идете по линии наименьшего сопротивления, а ситуация в вашей зоне требует активных действий. Вы занялись «дедушкой». Кто вас просил об этом? Кто вам сказал, что он для нас опасен? Почему вы вдруг решили отложить в сторону все текущие дела? Не мешайте ему. Не путайтесь у него под ногами. Направьте все усилия на подрыв влияния коммунистов и разложение организуемого ими народного фронта. Я опасюсь, что вы смотрите в стекла перевернутого бинокля и не видите, что творится у вас под носом. Вы должны понимать, что волна демонстраций и митингов, захлестнувшая страну, очень неприятна для нас, а вы остаетесь пассивным наблюдателем. Продумайте возможности и средства ликвидации актива компартии, используйте направленных к вам людей, попытайтесь схватить и доставить к нам одного-двух членов так называемого политического бюро ЦК. Нам известно, что сейчас они разъезжают по крупным центрам и выступают открыто. Организуйте инциденты, конфликты, провокации. Активизируйте связи в «кухне» Махника, путайте карты русским в бюро доктора Крофты.

Вот план ваших действий. Фон Термиц.

P. S. Приобретение «Дравы» отношу к вашим успехам. Смелее направляйте его действия в русло наших интересов. Но осторожнее с Эльвирой. Могут быть большие неприятности. Вы рискуете многим».

Обермейер чиркнул спичкой и на огне сжег письмо. И дернул же его черт написать штандартенфюреру об этом лорде Ренсимене! Чего доброго, он и в самом деле считает его, Обермейера, безнадежным глупцом... Но откуда же он мог знать, что Ренсимена следует оставить в покое? Догадаться самому? Это не так просто. Штандартенфюрер должен был предупредить его заранее.

Обермейер шумно вздохнул и, поднявшись из-за стола, крупными шагами стал ходить по комнате.

Звонок известил о том, что явился посетитель. Обермейер взглянул на часы. Половина третьего ночи. Кто мог пожаловать так поздно? Вошел Нерич.

– Не ждал тебя. Садись! Что-нибудь срочное? – спросил Обермейер.

Нерич молча протянул ему очередное письмо, полученное из Белграда.

Обермейер читал, стоя посреди комнаты. Нерич смотрел на его неуклюжую, нескладную фигуру и думал о том, что лишь обращение на «ты» напоминает теперь об их прежней дружбе. Остальное ушло. После каждой новой встречи Обермейер держался все официальнее и суше. При каждом удобном случае он подчеркивал свое превосходство, не имея к этому никаких оснований, старался показать себя хозяином положения и не терпел возражений.

– Далеко заглядывают твои земляки, – сказал Обермейер, прочтя письмо. – Поняли, что скоро единственным средством связи для них останется только радио. Ты снял копию?

– Да, конечно, – Нерич подал фотокопию письма.

Прежде чем возвратит оригинал, Обермейер сличил его с копией.

– Кстати, в отношении англичан тебе никаких указаний не дано?

– Ты же читал все письма!

– Да... Правильно. А как думаешь, зачем сюда пожаловал Ренсимен?

– Хм... – Нерич усмехнулся. – Это ясно каждому.

– Именно?

– Он приехал забить последний гвоздь в крышку гроба, в который уложили Чехословакию. После этого гроб можно тащить на кладбище.

– Ты прав, – заметил Обермейер и подумал: «Нерич рассуждает неглупо».

Обермейер сел и пригласил Нерича последовать его примеру.

По давней привычке, вошедшей в плоть и кровь, Обермейер расположился спиной к свету, и Нерич почти не видел его глаз, укрытых в глубоких впадинах. Свет лампы падал прямо на лицо Нерича.

Мориц пристально наблюдал за ним, раздумывая, почему это его друг за последнее время помрачнел и осунулся. И сейчас он явно не в своей тарелке. Конечно, Обермейеру наплевать на душевные переживания Нерича. Он заставит этого серба поступать так, как это выгодно Обермейеру. Нужно найти короткий способ активизировать Нерича и, как выразился штандартен-фюрер, смелее направить его действия «в русло наших интересов». Нерич аккуратно передает белградские письма, и Обермейер полностью в курсе дел и интересов югославской секретной службы. Но этого теперь мало. Безусловно, у Нерича есть люди, с которыми он работает. Их надо использовать для гестапо.

Надеяться на то, что Нерич выдаст всю агентурную сеть, наивно. При соответствующем нажиме он, конечно, выдаст одного-двух агентов, а про остальных умолчит. И Обермейер не сможет его проверить. Надо попытаться использовать кадры Нерича «втемную».

– Вот что, дружище, – нарушил молчание Обермейер, – нет ли у тебя надежных людей, которые готовы пойти в огонь и в воду?

Нерич пожал плечами, думая: «Тут ты меня не обойдешь! Не выйдет!»

Обермейер ждал ответа, и глаза его говорили: «Не пытайся вывернуться, я тебя вижу насквозь».

Нерич отрицательно покачал головой.

– Если не твоих в буквальном смысле слова, то, может быть, найдутся просто надежные люди? Например, среди коммунистов с подмоченной репутацией.

Нерич снова покачал головой.

«Ну, погоди, – решил Обермейер, – сейчас я тебе преподнесу пилюлю», – и спросил:

– Скажи, дружище, какого это субъекта ты положил на днях в больницу?

Кровь прилила к лицу Нерича.

– Мы, кажется, не договаривались с тобой о том, чтобы я давал тебе отчет в моих личных знакомствах. Это мое частное дело! – произнес он, с усилием сдерживая негодование.

– Ха-ха! Частное дело! – рассмеялся Обермейер. – Мы не дети, Милаш.

– Почему ты говоришь так?

Злобная конвульсия передернула лицо Обермейера. Он ударил кулаком по столу.

– А потому, что этот тип коммунист! – прокричал он. – Мы должны уничтожить их, а ты взялся его лечить. Напрасно ты думаешь, что я ничего не вижу.

Нерич был бледен, как стена. Правая его нога выстукивала нервную дробь, он схватился за колено, чтобы унять дрожь.

«Спокойнее, спокойнее, – сказал он себе, напрягая всю свою волю. – Идти на ссору, на явный разрыв – опасно. Как знать, что взбредет в голову сумасбродному Морицу? Он на все способен».

– Что же вы молчите? – спросил Обермейер, переходя на «вы». Его тонкие губы крепко сжались.

Нерич, собравшись с силами, ответил спокойнее:

– Ты меня знаешь, Мориц, не один год и... должен понять, что при этом стиле отношений мы вряд ли найдем общий язык.

Обермейер промолчал. Кожа на его лбу сжалась гармошкой. Он шумно встал из-за стола и прошелся взад и вперед по комнате.

– Я не делал тайны из того, что отвез больного человека в больницу, – медленно проговорил Нерич. – Я привез его на глазах у всех... И если не я, кто-нибудь другой это сделал бы.

– Знаю, – бросил Обермейер уже не прежним вызывающим тоном.

– Скрывать, что он коммунист, я не собирался.

– Дальше.

– Но ты не знаешь, какие побуждения руководили мною. Я не меньше тебя ненавижу коммунистов... – Нерич умышленно старался говорить неопределенно, чтобы не выдать своих истинных мыслей.

Раздражение Обермейера улеглось. Он уже сознавал, что допустил излишнюю резкость. Разговор можно было вести иначе, щадя самолюбие Нерича и не обостряя отношений.

– Ты прав, – проговорил он, – люди, подобные Лукашу, могут пригодиться. Его надо хорошенько прощупать.

– Не возражаю.

– Если он сам непригоден для дела, то по крайней мере много знает. Лукаш – старый коммунист...

Нерич охотно соглашался с Обермейером... И как бы невзначай бросил:

– Я не против того, чтобы ты сам занялся им.

– Мне, конечно, сделать это удобнее, – улыбнулся Обермейер. – Значит, ты возражать не будешь?

– Нисколько.

Обермейер раскурил сигару и сел в кресло. Теперь он успокоился. Можно, пожалуй, похвалить друга.

– У тебя политика дальнего прицела, Милаш. Это умно.

Нерич пожал плечами. Он не мог догадаться, куда гнет Обермейер, и не знал, как отнестись к его словам. В таких случаях лучше промолчать.

– Ты, как я вижу, намерен закрепиться здесь прочно, – продолжал Обермейер.

– Надеюсь, это не охладит нашей дружбы, – усмехнулся Нерич.

– Разумеется. Ты и Берту отпустил неспроста.

Они дружно рассмеялись.

– Имеешь в виду взять другую горничную?

– Да.

– Вмешиваться не буду. Но я хочу тебе предложить вот что: женись. И поскорей.

Нерича передернуло.

– Я не совсем понимаю тебя.

Обермейер осторожно положил сигару в пепельницу, зажал руки между коленями.

– Женись на Божене Лукаш. Она представляет для нас немалый и вполне определенный интерес.

В груди у Нерича что-то оборвалось, в глазах потемнело. Может быть, он ослышался? Мориц собирается использовать его чувство в своих интересах, втянуть в эту черную бездну Божену. Какая низость! Подлость! Одна мысль о том, что в душу чуткой, правдивой Божены влезет сапогами такой страшный человек, как Обермейер, и начнет топтать ее волю, – эта мысль привела Нерича в неистовство. Он готов был закричать от обиды и боли.

– Что же ты молчишь? – спросил Обермейер, наблюдая за Неричем.

Тот поднял глаза и сказал как можно спокойнее:

– Не всякое твое желание я готов выполнить.

– Это не мое желание, это приказ штандартенфюрера СС, приказ гестапо.

Тот леденящий страх, который Нерич испытал в памятное утро в отеле «Империял», снова охватил его. Милаш взглянул в стеклянные глаза Обермейера и понял, что сопротивление бесполезно. «Боже, неужели можно пасть еще ниже, чем в тот день?» – мелькнула мысль. И с жалким усилием он произнес:

– Я подумаю.

Обермейер скрестил пальцы и подошел к окну.

– Что же, подумай, женитьба – шаг серьезный. Но смею надеяться, что свадьбу мы сыграем еще в этом месяце.

Нерич встал.

– Ты уходишь? – спросил Мориц.

– Да, – машинально ответил Милаш, – необходимо передать письмо. Я тороплюсь.

Обермейер подошел к столу, выдвинул ящик и, достав пачку денег, заранее приготовленных, протянул Неричу.

– У тебя могут возникнуть непредвиденные расходы.

Милаш густо покраснел. «Покупает Божену, – со стыдом и ужасом подумал он. – Нет уж, это слишком. Никогда!»

– Напрасная забота, я не нуждаюсь, – произнес он с оттенком высокомерия.

– А мы и не занимаемся благотворительностью. Это твой заработок. – Обермейер сунул деньги в руки Нерича. – Ты не перестаешь меня удивлять, Милаш. А мне бы не хотелось менять свое мнение о тебе. Нам еще придется поработать вместе. Ну, ну, не ломайся. Я ведь знаю, что лишние деньги никогда никому не мешали.

Нерич смущенно опустил глаза и дрожащей рукой сунул пачку в карман.

– Я пойду.

Не оглядываясь, он вышел из комнаты и торопливо сбежал по ступенькам крыльца к машине.

«В Прагу, предупредить Божену, – беспamięтно шептал Нерич, мчась к городу. – Нельзя допустить, чтобы она оказалась в этой яме. Довольно того, что я попал в лапы проклятого Обермейера. Пусть она возненавидит меня, пусть мы расстанемся навсегда, но я ее спасу. И этим, может быть, исключю все то постыдное, что я сделал раньше».

Открытый кабриолет шел на предельной скорости. Ветер свистел в ушах, обдавал Нерича холодом. Разгоряченный мыслями, он ничего не замечал, ничего не слышал. Одно-единственное желание влекло его вперед – увидеть Божену, уберечь ее от несчастья.

Когда он подъехал к почтамту, Божена еще работала. До конца ее смены оставалось полчаса. Нерич решил побродить по улицам, рассеяться. Он вошел в кафе, выпил рюмку коньяку, вернулся обратно. Время тянулось мучительно медленно. Но чем ближе подходила часовая стрелка к шести, тем меньше оставалось в Милаше мужества. Сегодня он страшился встречи с Боженой. Что он ей скажет, какими словами раскроет свою постыдную тайну? Ведь она так верит в него, считает честным, благородным человеком. А перед ней – жалкий трус, изменник родины, человек, продавший и себя и ее. И это страшное саморазоблачение произойдет через какие-нибудь минуты!

Нерич взглянул на часы: они показывали шесть без трех. Сейчас Божена выйдет. Против воли он повернулся спиной к огромным стеклянным дверям почтамта и пошел к машине. «Может, отложить объяснение до завтра?» – мелькнула трусливая мысль. В конце концов, один день не играет роли, а завтра он будет спокойнее и сумеет лучше выразить все, что сейчас терзает его совесть. Эта мысль наполнила его трусливой радостью. «Конечно, завтра», – повторил он и, открыв дверцу, торопливо влез в машину.

Когда Божена вышла из почтамта, Нерич был далеко.

Глава седьмая

– Мориц! – сказала Эльвира брату. – Меня Прэн пригласил к себе на квартиру.
– Что радостного в этом событии?
– Не иронизируй. Верни мне его записную книжку. Я попробую незаметно подбросить ее. Пусть думает, что она затерялась, а потом нашлась.
Обермейер откинул от себя газету.
– Ты права.
Он достал из стола записную книжку Прэна.
– Между прочим, тебе следует знать, что в ней записано. Некоторые фамилии ты можешь услышать в разговоре... Твой поклонник не слишком-то разборчив, – сухо проговорил он.
– Из чего ты заключаешь? – спросила Эльвира.
– Тут у него целая коллекция: и разноглазая Эмма, и дородная мадам Дробуш, и жена адвоката, как ее...
– Клиперман?
– Вот, вот...
– Негодяй!
Эльвира подошла к брату и, по мере того как пальцы Морица перелистывали книжку, внимательно проглядывала каждый листок.
Обермейер читал вполголоса:
– «...консультант лорда Ренсимена имел встречу с директором банка Прейсом в загородном ресторане “Микадо”...
...Он же, Гуэткин, провел несколько завуалированных частных бесед с финансистами Праги...
...Чехи сопротивляются – Град сдает.
...Беран ужинал с германским послом Э. внизу у Шрамоты.
...Активность Готвальда и его партии усиливается, но он, кажется, не успеет ничего сделать.
...Премьер Годжа по-прежнему увивается за моей Мими. Она рассказывает про него пресмешные истории. Вчера Годжа танцевал с Мими чардаш. Он больше времени проводит у нее, чем в министерском кабинете...
...Непонятно, зачем Бенеш ездил на могилу Масарика в Ланы. Если за советом, то поздно».
Обермейер расхохотался, обнажая зубы.
– Это мне нравится! Метко сказано: «Если за советом, то поздно». А это что такое? Почему я этого раньше не заметил?
«...Вчера друг Гейнлейна за чашкой кофе отказался от чешских крон и потребовал доллары. Губа не дура! Пришлось дать немного. Игра стоит свеч».
– Это мне не нравится. Кто же этот друг, черт возьми? Может быть, дальше Прэн его называет? – Обермейер внимательно стал проглядывать запись за записью.
«Гостиницы Праги заполнены “туристами” с разными паспортами, но больше всего их из Мюнхена. Тут, кажется, постарались все пять “Г”... Всюду мелькают самоуверенные морды наци. На них написано ожидание».
– Сволочь... – процедил сквозь зубы Обермейер.
«Французы приглашали на суаре. Под благовидным предлогом отказался. Французы не в моде...»
«Русский посол был в МИДе и беседовал с Крофтой. Министр, как всегда, был настроен оптимистически. У него розовые очки. Не знаю, какого мнения о нем остался русский...»

Потом тянулась длинная вереница фамилий еврейских фабрикантов, торговцев из разных городов Чехословакии.

– Эти спасают шкуру, – сказал Обермейер, – и, видимо, не без участия Роберта Прэна. Что ж, тут пахнет валютой. Они сейчас ничего не пожалеют. Им-то отлично известно, что когда сюда придет Гиммлер...

Много записей было сделано в зашифрованной форме. Ничего не понять: «Колорит плюс погода, минус температура». «Не избежать Ф... веревки». «Х. и Ч. нашли общий язык, а потом променаж».

Обермейер снова перелистал всю книжку, надеясь набрести на что-нибудь, что пролило бы свет на «друга» Гейнлейна, но его поиски успеха не имели.

– Хм... С кем же Прэн имеет дело? – И, повернувшись к Эльвире, он спросил: – Он тебе никого не называл из наших?

Эльвира наморщила лоб.

– Не помню.

– Скверно... Книжечку ты оставь у него, если найдешь удобную минуту. Но вообще... поинтересуйся. Очень может быть, что он носит с собой и более интересные вещи. Искренне жалею, что не занялся им раньше.

– Хорошо, буду иметь в виду, – сказала Эльвира и пошла одеваться.

До квартиры Прэна она доехала на такси.

Прежде чем позвонить, Эльвира взглянула на ручные часы – половина первого. И решительно нажала кнопку звонка.

В доме Прэна она еще не была ни разу. Двери открыл сам Прэн.

– Эльвира!

– Роберт!

– Какая похвальная аккуратность!

– Разве? Я даже не знаю, который час.

Прэн широко и нагло улынулся.

По тому, как он был любезен и предупредителен, Эльвира могла судить, какое место она занимает в пражской жизни этого американца. В конце концов, ей наплевать на всяких там Мими, мадам Дробушей и жен адвокатов. Она добьется того, что Прэн все свое свободное время будет уделять только ей.

На столе был сервирован завтрак: холодная ветчина с гарниром, нарезанная тонкими ломтиками телятина, сардины, сэндвичи, бутылки хереса и бордо. Посреди стола – большая ваза с апельсинами.

Хозяин и гостя оживленно беседовали. Прэн то и дело подливал в бокалы вина.

Но телефонный звонок внезапно оборвал разговор.

– Одну минуту, – сказал Прэн и вышел в кабинет. Оттуда он вернулся с вытянутым лицом. – Такая досада...

– Что случилось, Роберт?

– Я вынужден на несколько минут съездить в посольство.

– Отказаться нельзя?

– Исключается.

Эльвира надула губы.

– Не скажу, чтоб это было любезно.

– Посиди здесь одна... Я быстро вернусь, и мы отлично проведем время.

Представлялся незаменимый случай выполнить поручение брата. Эльвира сразу оценила обстановку.

– Гм... Ну хорошо, – сказала она недовольно. – Только, пожалуйста, не задерживайся.

Прэн ушел. Как только за ним захлопнулась выходная дверь, Эльвира встала и прошла в кабинет. Двустольное бескурковое ружье марки «Франкот», висевшее на стене, привлекло ее внимание. Она сняла его и тщательно осмотрела. У Морица тоже было ружье, но не такое. Это лучше. Потом она увидела небольшой сейф, стоявший в углу. В замочной скважине торчал ключ. Эльвира удивилась беспечности Прэна. Не было ли здесь ловушки? Но возникшее на мгновение подозрение быстро исчезло: случай с записной книжкой достаточно красноречиво говорил о рассеянности Прэна. Пора было действовать. Эльвира повернула ключ и потянула ручку сейфа на себя; дверца послушно подалась. Эльвира неожиданно вздрогнула и закрыла дверцу.

Причиной испуга был телефонный звонок. Не раздумывая долго, она сняла трубку и услышала голос Прэна: он сообщил, что ровно через двадцать минут будет дома.

– Вы человек слова, жду, – сказала Эльвира.

Она быстро обследовала квартиру – переднюю, столовую, гостиную, кухню – и, убедившись, что никого, кроме нее, в доме нет, вернулась в кабинет. Теперь без всяких опасений она открыла дверцу сейфа.

Он был разделен на две равные половины железной перегородкой. Наверху были сложены металлические коробки небольшого размера, какие-то книги, а внизу – несколько коленкорových конвертов. Эльвира решила начать с них. На обороте первого конверта, который она взяла, сохранились куски сургучной печати.

Эльвира вынула из конверта бумаги, положила их на стол и бегло начала просматривать. Двадцать минут – срок слишком небольшой, чтобы можно было отобрать самое значительное.

В конверте оказалось несколько писем.

«...ваши информации об успехах Ренсимена не заслуживают внимания... – начиналось письмо. Эльвира на лету схватывала отдельные фразы. – Необходимо конкретно уяснить идею Геринга относительно акций Шкода... Не создавайте бума вокруг запасов Кладно, нас больше интересуют Витковицы...»

– Опять этот Ренсимен!

Эльвира взяла второе письмо. Оно было короткое. Прэна уведомили, что его просьба об увеличении лимита на визы будет удовлетворена. Предлагалось входить в сделки только с крупными еврейскими промышленниками.

«Ваша мысль о предоставлении в Америке в случае нужды убежища президенту Бенешу и узкому кругу его сотрудников явно запоздала. Мы получили сведения, что начальник второго отдела генштаба полковник Моравец договорился на этот счет с представителями Лондона. На данном этапе нет смысла создавать ажиотаж между нами и англичанами из-за этих лиц...»

Эльвира отложила листок в сторону.

В третьем письме речь шла об обязанности Прэна увязывать его информацию с информацией какого-то Соьера.

– Соьер... Соьер... надо запомнить, – пробормотала Эльвира.

Она просмотрела содержимое пяти конвертов, отобрала пять-шесть писем, которые показались ей интересными, и взглянула на часы. До возвращения Прэна оставалось шесть минут.

Эльвира освободила один из конвертов, вложила в него отобранные письма и спрятала в сумку. Остальные конверты она положила на прежнее место и закрыла дверцу сейфа.

Спустя две минуты в гостиной она лениво перелистывала альбом. Вошел Прэн. В руке он держал пышную голландскую розу.

– Маленькая награда за большое терпение.

– Какой пленительный запах! – Эльвира поблагодарила Прэна долгим взглядом. – Я все больше убеждаюсь, Роберт, что только американцы настоящие джентльмены.

Прерванный завтрак возобновился. Вдруг Эльвира вспомнила, что забыла подкинуть в кабинет записную книжку Прэна. Смелая мысль пришла ей в голову: достать книжку из сумки и открыто вернуть ее Роберту. Возможно, выпитые два бокала бордо сыграли здесь роль, придав ей смелости. Но мозг Эльвиры работал трезво и расчетливо.

План действий сложился мгновенно. Похищение книжки нужно объяснить и оправдать ревностью. Роберт – парень мягкотелый и доверчивый, он поверит ей, и мужское самолюбие его будет удовлетворено.

– Ах, Роберт! – произнесла она трагическим голосом. – Ты очень милый мальчик, и я леденею при мысли, что ты равнодушен к другим женщинам. – Она рассчитывала, что Прэн спросит, кого она имеет в виду.

Но Прэн громко расхохотался.

– Как, Эльвира, ты еще способна на ревность?

Эльвира вскинула брови.

– Французы говорят: любящая женщина ревнует потому, что защищает свои права.

– Французы народ пустой и болтливый.

– А ты никогда не ревнуешь? – спросила Эльвира.

Разговор покатился по новому руслу, и Эльвира совсем забыла о записной книжке. Вспомнила она об этом только два часа спустя, когда шла по тихому, безлюдному кварталу, прижав розу к губам и вдыхая ее нежный запах.

– Ничего, дело терпит, – утешала она себя. – Всегда можно найти подходящий случай, чтоб ему вернуть книжку.

В двух шагах от нее резко затормозила легковая машина. Двое мужчин в штатском преградили Эльвире дорогу. Она попыталась обойти неизвестных, но один из них вежливо приподнял шляпу и назвал себя чиновником чешской политической полиции.

Эльвира с негодованием взглянула на него.

– Вы поняли меня? – спросил чиновник.

– Я поняла, что вы нахал.

Чиновник пожал плечами и сделал широкий жест в сторону машины.

Краска медленно залила щеки Эльвиры.

– Тут какое-то недоразумение, – пылко возмутилась она. – За свои действия вы ответите... Я немка.

– Это нам известно, – холодно заметил чиновник.

Сидя в машине и стараясь скрыть свое волнение, Эльвира стала насвистывать модную песенку. Ничего приятного это происшествие не сулило. «Ошибка, недоразумение», – успокаивала она себя. А быть может, ее взяли в связи с работой Морица? Может быть, Мориц тоже арестован. Сердце похолодело. Призрак тюрьмы встал перед ее глазами.

Машина пробежала несколько кварталов, повернула, въехала, не сбавляя хода, в открытые ворота и остановилась около особняка в глубине двора.

Эльвиру ввели в дом.

Просторный кабинет. Окна закрыты тяжелыми шторами. Кабинет залит ярким светом люстр. Чиновники, задержавшие ее, встали с ней обок. Из-за стола поднялся невысокий упитанный человек с круглым лицом, внимательно посмотрел на Эльвиру и пригласил сесть. Потом он извинился в том, что прибегнул к необычному способу знакомства, и пожаловался на свою профессию, причиняющую беспокойство и ему и другим. У него подчеркнута светские манеры. Его бархатный баритон звучал приятно, но бездушно. Эльвира подумала, что за приторной вежливостью этого человека скрывается желчная раздражительность.

– Вы танцовщица? – спросил он.

– Да.

– Недавно вернулись из Будапешта?

– Да.

Эльвира не подняла на него глаз. Медленно обрывая пальцами лепестки розы, она бросала их на ковер.

– Не можете ли сказать, с кем в Будапеште вы встречались особенно часто?

– Я полагаю, это мое личное дело.

– Вы так думаете?

– Я уверена.

– Печально... очень печально. Ну, что ж. Надеюсь, через некоторое время вы станете более разговорчивой и откровенной.

Эльвира вскочила на ноги. Все-таки она была уверена, что произошла ошибка. Она вызывающе крикнула:

– На что вы намекаете? Что это значит? По какому праву вы привезли меня сюда? Что вам от меня надо?

Чиновник рассмеялся, но как-то странно, почти беззвучно.

– Мы хотим, – спокойно произнес он, – чтобы вы вернули похищенные у барона Редера фамильные ценности.

Это обвинение сразило Эльвиру точно выстрел. Она упала в кресло. И только спустя несколько секунд сообразила, что никакого барона Редера она не знает. Эльвира запрокинула голову и непринужденно расхохоталась.

– Вы понимаете, о чем говорите? – спросила она чиновника.

– Как и всегда.

– А сейчас?

– Тоже.

– Никакого барона Редера я не знаю и о его ценностях не имею представления.

– А это нетрудно проверить. Разрешите вашу сумочку.

– Пожалуйста, – насмешливо согласилась Эльвира. Она вынула из сумки записную книжку, коленкорный конверт и подала ее чиновнику.

Его пальцы старательно ощупали сумку, он открыл ее, обследовал подкладку и сделал губами неопределенный звук.

– Что у вас в конверте? – спросил он.

– Письма друзей, – спокойно ответила Эльвира.

– Ваши друзья пишут письма на машинке?

– Это дело вкуса...

– Не спорю. Но я позволю себе взглянуть и на конверт, и на книжку.

Эльвира покраснела. Как поступить? Чем объяснить, что она носит в сумке чужое письмо?

– Сделайте одолжение, – непринужденно сказала она и бросила записную книжку Прэна на стол.

По губам чиновника скользнула улыбка.

– Я вас понимаю, – сказал он, – но постарайтесь меньше нервничать.

Эльвира промолчала.

Чиновник перелистал книжку и спросил:

– Как к вам попала записная книжка американского журналиста Прэна?

– Я взяла у него.

– Зачем?

– Я ревную его... Мы с ним близки.

Чиновник провел ладонью по своему крупному лицу – быть может, скрывая улыбку. Он хорошо владел собою.

– Придуманно остроумно, но... для простачков. Вашему объяснению можно поверить только с большой натяжкой. А конверт?

– Его передал мне мистер Прэн.

– Мистер Прэн! С какой целью?

Он просмотрел письма, сложил их стопкой и, обращаясь к Эльвире, спросил иронически:

– Похитить эти документы вам тоже подсказала ревность?

Эльвира не нашлась, что ответить.

– Я жду.

– Отказываюсь отвечать.

– Дело ваше.

Чиновник снял телефонную трубку и набрал номер.

– Алло! Говорит Соьер... Да, да. – Эльвира вздрогнула: вот кто этот человек! – Я прошу вас зайти ко мне... У меня в руках ваши документы.

Нельзя было сомневаться: Соьер говорит с Прэном.

Через какие-нибудь десять-пятнадцать минут она смогла убедиться в этом. Войдя в комнату, Прэн остановился у порога и воскликнул, разыгрывая удивление:

– Ты здесь? Зачем?

– Это я вам сейчас объясню, – вмешался Соьер. – Вашу записную книжку и этот конверт с документами мы изъяли из сумки Эльвиры Эрман.

Прэн взял в руки бумаги, книжку и, прищурился, посмотрел на Эльвиру.

– Если вы эти документы не передали Эрман добровольно, – продолжал Соьер, – я обязан ее арестовать.

– Вы так ставите вопрос? Да... – как-то уклончиво ответил Прэн. – Я прошу, если, конечно, это возможно, оставить нас на несколько минут одних.

Соьер изобразил на своем лице недовольство, но ничего не сказал и вышел из кабинета. За ним последовали агенты, доставившие сюда Эльвиру. Не успела дверь закрыться, как Эльвира бросилась к Прэну.

– Роберт! Ты должен меня выручить! Я допустила непростительную глупость.

– Ты не на сцене, Эльвира, – холодно сказал Прэн.

Она бросила на него перепуганный взгляд и поняла: все кончено.

– Тебя устроит тюрьма? – спросил Прэн тем же тоном.

Эльвира приоткрыла рот, глаза ее округлились.

– Отвечай!

Эльвира беспомощно опустила руки.

– Я могу избавить тебя от тюрьмы при одном условии, – продолжал Прэн. – Ты должна честно и добросовестно рассказать мне все, что знаешь, и дать обязательство выполнять все мои поручения. Согласна? Поверь, это лучше чешской тюрьмы.

Эльвира продолжала молчать.

– Ну! – торопил Прэн. – В нашем распоряжении очень мало времени.

Эльвире показалось, что кто-то другой ответил за нее сдавленным голосом:

– Я согласна.

Прэн быстро придвинул к ней лист бумаги и вынул из кармана автоматическую ручку.

– Хорошо. Пиши. Я буду диктовать... – Он взглянул на часы. – «Я, Эльвира Эрман...» Написала? Так... «проживающая в Карлсбаде, до сегодняшнего дня...» Быстрее, быстрее, они не ждут... «до сегодняшнего дня выполняла поручения своего родного брата Морица Обермейера, офицера гестапо, а теперь... обязуюсь делать все, что поручит мне мистер Прэн». Вот так. Подпишись. Проставь дату... Конфликт с чешской полицией я берусь уладить сам. Ты в этом сейчас убедишься.

Он спрятал обязательство Эльвиры, быстро подошел к двери и открыл ее.

– Прошу, господи.

Вошел Сойер и с ним два агента.

– Я убедительно прошу вас, – обратился к ним Прэн, – считать этот инцидент исчерпанным. Эльвира – женщина, а женщины любопытны. В особенности ревнивые женщины; они ищут доказательства неверности даже в деловых бумагах. Я считаю возможным извинить ее.

Сойер развел руками.

– Ваше дело. Проводите госпожу Эрман к выходу, – приказал он своим людям. – А вас, – он обратился к Эльвире, – попрошу забыть адрес этого дома и все, что здесь произошло.

Когда Эльвира ушла, Сойер повалился в кресло и расхохотался.

– Чисто сработано, Роберт.

– Не совсем.

Сойер краем глаза удивленно посмотрел на Прэна.

– Да, не совсем чисто, – повторил Прэн. – Если бы ты не назвал своей фамилии, когда говорил со мной по телефону, она могла бы поверить, что имеет дело с чехами. А теперь... Твое имя фигурирует в одном из этих: писем... Понимаешь?

Сойер свистнул.

– Черт возьми, об этом я не подумал. Вот действительно сваял дурака.

Глава восьмая

Над Прагой плыли низкие облака, бросая тени на мостовые и крыши. Железнодорожники в рабочих спецовках, вытирая на ходу руки паклей, перебирались через станционные пути к мастерским. Переходя рельсы, они высоко поднимали ноги, точно преодолевали брод, а потом торопливыми шагами шли дальше.

Просторный цех мастерских быстро заполнялся. Люди тесно рассаживались на скамейках, расставленных в ряды, располагались возле верстаков.

В глубине цеха на импровизированном помосте стоял небольшой желтый столик.

Когда поток участников митинга оборвался, с передней скамьи поднялся Ярослав Лукаш и своей тяжеловатой, мерной походкой направился к помосту. Непрочная лесенка затрещала под его ногами. Лукаш подошел к столу, положил на него кепку, измазанную мазутом, разгладил заскорузлой рукой обвислые усы и вынул из широкого кармана комбинезона несколько листов бумаги – конспект его сегодняшнего выступления.

Лукаш прищурил глаза, всматриваясь в листы бумаги. Потом положил руки на стол. Он решил не придерживать конспекта – тянуло к душевному, свободному разговору с людьми.

– Друзья! – начал Лукаш, поднял голову и встретил тысячи глаз, внимательно следящих за ним. – Пражский комитет компартии поручил информировать вас...

Веско и тревожно вошли его первые слова в напряженную тишину.

– Все вы меня знаете, и я вас знаю... Я думаю, что мы легко пойдем друг друга.

Да, Ярослава Лукаша знали почти все железнодорожники узла. Здесь выросли и составились его дед, отец и он сам. Знали, что у этого громоздкого, физически сильного человека мужественное сердце, знали, что он совсем недавно оправился от тяжелого ранения, нанесенного ему реакционерами. Его знали, ему верили.

– Последние дни ознаменовались новыми событиями. Сто тысяч граждан Чехии, Моравии и Силезии вышли на улицы городов. Десятого сентября массовые протесты против провокаций гитлеровцев имели место в Праге, Брно, Братиславе, Пльзене и других городах...

Лукаш говорил спокойно, не подбирая, не выискивая слов. Речь его текла ясно и неторопливо. И говорил он тихо. Он никогда не повышал голоса на трибуне, не кричал, не требовал тишины, но его голос всегда был слышен в самых далеких уголках собрания.

– Тяжелым испытаниям подвергается наша родина. Каждому честному человеку, любящему ее, ясно, что над Чехословакией нависла грозная опасность... Фашизм собирается осуществить свои черные замыслы. Второго сентября Гитлер вызвал к себе бандита Гейнлейна и приказал ему потребовать немедленной передачи Судетов немцам. Вы знаете, как ответил на это наш народ. Но фашисты не унимаются. Несколько дней назад Гейнлейн прервал переговоры с правительством...

Сейчас Лукаш видел перед собой напряженное, налитое кровью лицо кочегара немца Альберта Грундта, внимательный немигающий взгляд Карела Гавличека, горящие лихорадочным блеском глаза своего помощника Притулы, низко пригнувшегося Зденека Сливу. Видел, как сухой кашель подбрасывал плечи старика сцепщика Сповщика; видел, как молодой токарь Правомир, расправив на колене клочок бумаги, что-то записывал огрызком карандаша. Всех видел Ярослав.

– Гитлер возгласил в Нюрнберге: не для того Всемогущий создал чехов, чтобы они угнетали три с половиной миллиона судетских немцев. Так сказал Гитлер. – Лукаш прервал себя и горько усмехнулся. – Слышишь, Альберт? – обратился он к Грундту. – Ты, немец из Судетов, пришел на паровоз к чеху Бине. Скажи, он угнетает тебя?

Грундт повернулся в сторону Бине, сидящего рядом с ним, и, улыбнувшись, положил ему руку на плечо.

– Говори, Ярослав, говори.

Приглушенный одобрителный гул прошел по цеху.

– Вместо того чтобы обуздать зарвавшегося Гейнлейна и дать ему по рукам, наше, с позволения сказать, правительство пошло на уступки. А чем это кончилось, я сейчас скажу. Сегодня премьер Годжа, вопреки воле народа, принял условия Гитлера и согласился отдать ему Судеты.

Взрыв возмущения прошел по залу. Все вскочили с мест. Послышались выкрики:

– Позор предателям!

– Долой Годжу!

– Забастовку!

– Идем в Град! Сколько можно терпеть?

Ярослав Лукаш переждал, пока стихнет шум, и снова обратился к рабочим:

– Товарищи! Я еще не закончил... И вы думаете, нас кто-нибудь поддержал в беде? Англия и Франция позавчера предложили нам отдать Судеты Германии. Сегодня в два часа ночи их послы подняли с постели доктора Бенеша, нашего президента, и потребовали от него немедленной капитуляции. Представитель Великобритании лорд Ренсимен, приезжавший сюда, чтобы добиться компромисса, шестнадцатого числа покинул Прагу, а приехав в Лондон, тоже высказался за капитуляцию чехов. Нас толкают на самоубийство. У нас хотят отнять свободу, независимость, честь...

Большими, сильными пальцами Лукаш сжал кепку, передохнул и обвел глазами цех.

– Гитлер хочет поработить нас, отдать Чехословакию на растерзание своим стервятникам... Только Советская Россия остается верной своим обязательствам, только русские держат нашу сторону, только они готовы протянуть нам братскую руку помощи...

– Почему же не ответила на нашу ноту твоя Советская Россия? – раздался выкрик из глубины цеха.

– Это ты, Зденек? – Лукаш покачал головой. – Мне стыдно за тебя, ты старый друг мой. И чтобы ни у кого не осталось сомнений, я скажу, как обстояло дело. Наше правительство спросило, готов ли Советский Союз оказать ему военную помощь немедленно. Русские тотчас ответили полным согласием...

– Откуда это видно? – снова крикнул Зденек Слива.

– Не перебивай, – оборвал его Лукаш, – я еще не кончил. Ответ русских не опубликовала ни одна газета. Буржуазная печать скрыла его от народа. Но русские сказались умнее этих провокаторов. Представитель СССР огласил ответ советского правительства на Ассамблее Лиги Наций в Женеве. Теперь о нем знает весь мир.

– Почему же они не идут на помощь? – не мог успокоиться Зденек.

– Мне грустно, что такой вопрос задает старый рабочий, да еще к тому же социал-демократ. Ты дальше своего носа ничего не видишь.

В зале раздался смех.

– У России, – продолжал Лукаш, – нет с нами общей границы. А ну-ка, спроси Польшу и Бека: согласятся они дать дорогу русским войскам? Как ты думаешь? Поляки оглядываются на Францию, а та отказалась от своих обязательств. Все эти Беки, Чемберлены и прочие боятся русского солдата, как чумы. Они предпочтут продать немцам свободу народов, позволить им поработить целые государства. Но если мы, чехи, попросим помощи у России и начнем драться с немцами, Россия, невзирая ни на что, поможет нам. Будь в этом уверен!

Из рядов крикнули:

– Правильно, Ярослав! Пусть Слива поучится уму-разуму!

– Коммунисты всегда предупреждали и предупреждают сейчас, что фашизм не ограничится Судетами, а пойдет дальше... Коммунистическая партия призывает к всеобщей забастовке. Объединимся, чтобы защитить интересы родины. Долой предателей!

Последние слова Лукаша потонули в шуме голосов. Участники митинга приняли единодушное решение – объявить забастовку, всем выйти на улицу.

...В этот день забастовали железнодорожники, трамвайщики, шоферы. Движение в Праге замерло.

Закрылись предприятия, учреждения, мастерские, магазины. Забастовка приняла всеобщий характер.

Четверть миллиона демонстрантов скопились у здания парламента. Вождь коммунистической партии Клемент Готвальд вышел на балкон.

Он объявил народу, что капитулянтское правительство Годжи пало. Коммунисты потребовали создания нового правительства. Бурей одобрения встретил народ это сообщение.

Но Готвальд предупредил:

– Республика в опасности! Народ, который добился нового правительства, должен позаботиться о том, чтобы республика не досталась захватчикам. Будьте тверды и не сдавайтесь!

На другой день было создано новое правительство. Президент Бенеш выступил по радио и заверил: «Если нужно будет бороться, то мы будем бороться до последнего вздоха».

Народ поверил президенту.

Новый премьер-министр генерал Сыровы призвал бастующих приступить к работе. Он сказал: «Армия стоит на страже, но она сможет выполнить свою задачу лишь тогда, когда за ней будет стоять спокойная и сплоченная нация. Вернитесь тотчас же к выполнению своих обязанностей. Только в этом случае будет обеспечена боевая готовность к защите государства».

Народ поверил и новому премьеру. Рабочие вернулись к станкам, машинам, спустились в шахты, загремел на улицах трамвай, открылись учреждения и магазины...

Двадцать третьего сентября новое правительство объявило мобилизацию. Десятки тысяч патриотов до срока явились на сборные пункты и взяли в руки оружие. Войска стали подтягиваться к границам.

События развивались с катастрофической быстротой. Воздух был насыщен тревогой. Как-то сразу установилась осенняя погода. Ветер срывал с деревьев позолотившиеся листья, нес их по улицам, аллеям, кружил, устилая землю желтым ковром. Парки, бульвары горели багряными красками осенней листвы.

Призыв коммунистов к единству, к созданию национального фронта не был подхвачен руководителями других политических партий.

Коммунисты внесли предложение обратиться за помощью к Советскому Союзу. Генерал Сыровы и президент Бенеш отвергли это предложение. А тем временем Гитлер предъявил новый ультиматум. Он потребовал не только Судеты, но и удовлетворения территориальных претензий Польши и Венгрии за счет Чехословакии.

Франция устами Даладье заявила открыто, что военной помощи, несмотря на договор, она оказать не может. Глава французской военной миссии в Праге генерал Фоше сказал: «Мы не хотим выступать против Гитлера, имея союзниками большевиков».

Лондон требовал от Чехословакии безоговорочной капитуляции.

Правительство во главе с Сыровы в блоке с реакцией маневрировало, обманывая народ.

А бесноватый Гитлер кричал в берлинском Спорт-Паласе: «Если к первому октября Судетская область не будет передана Германии, я, Гитлер, сам пойду, как первый солдат, на Чехословакию».

Престарелый политический жонглер, английский премьер Чемберлен решился – второй раз за свою жизнь – подняться в воздух. Он прилетел к Гитлеру. Игнорируя волю и готовность чехословацкого народа к защите своей родины, Чемберлен угоднически доложил Гитлеру, что вопрос о Судетах решен в пользу Германии. Гитлер ответил ему: «Очень сожалею, но теперь это нас не устраивает». Свидание с Чемберленом еще больше развязало руки Гитлеру.

Тучи тянулись с запада... Свинцовые тучи войны. Они сгустились, закрывая свет...

В двенадцать часов сорок пять минут двадцать девятого сентября в Мюнхене, в Коричневом доме, собрались Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье. Началось совещание, вошедшее в историю под названием Мюнхенской конференции. Оно должно было решить судьбу гордого славянского государства. Представителей Чехословакии в зал заседаний не допустили, они ждали за дверями. В два часа тридцатого сентября двери зала распахнулись для того, чтобы мир узнал о величайшем предательстве. Конференция решила: отдать Германии не только Судеты, но и все пограничные с ними районы и к десятому октября очистить их от чехословацких войск, сдать все военные сооружения и все военное имущество, находящееся в этих районах.

Завершился позорнейший сговор, какого еще не знала история.

Правительство Сыровы капитулировало.

Возмущение народа не знало границ. В этот же день вождь коммунистов Готвальд собрал деятелей разных политических партий и вместе с ними пошел к президенту. Бенеш принял их. Готвальд потребовал от президента решительного отказа от выполнения мюнхенских условий, призывал к защите республики, убеждал, что народ и армия имеют силы и готовы дать отпор зарвавшемуся агрессору.

Он сказал:

– Босые и безоружные абиссинцы защищались, а мы сами покорно подставляем шею под ярмо. Посмотрите, как защищается испанский народ. У нас есть прекрасная армия, народ наш единоклубен. Несомненно, и другие страны не оставят нас в одиночестве. Сейчас мы еще можем дать отпор. Еще не поздно. Нельзя принимать мюнхенские условия.

Тщетно... У президента не хватило мужества внять этим благородным словам. У президента были другие планы.

На другой день после переговоров Готвальда с Бенешем германские войска с барабанным боем, не встречая сопротивления, перешли границу, вступили в Чехословакию и беспрепятственно заняли не только Судеты, но и приграничные районы и города, в которых почти не было немецкого населения. Вслед за немцами границу перешли польские и венгерские войска.

Чехословацкая земля оделась в траур.

Глава девятая

1

Над Прагой опустился сырой осенний вечер. С Влтавы порывами набегал холодный ветер, предвестник зимы; стучали сучья оголенных деревьев, металась по мостовым жухлые листья.

Подняв воротник пальто, Лукаш торопливо шагал по улице, обгоняя прохожих. Занятый своими мыслями, он ничего вокруг себя не видел. События последних дней всецело захватили его. Правительство Сыровы и Черны запретило деятельность коммунистической партии Чехословакии и газету «Руде право». Генерал Сыровы, еще недавно публично заявлявший, что армия готова дать отпор войскам Гитлера, теперь оправдывает капитуляцию. Социал-демократы, словно только и ждали команды, в один голос заговорили о том, что жертвы народа целесообразны и обеспечат ему мир. Они восхваляют тактику нового правительства. Позор, в который ввергла республику правительственная клика, они изображают как историческую необходимость. В страхе перед Гитлером социал-демократы забыли о достоинстве и благоденствии своего народа.

На лицо Лукаша упали холодные капли дождя. Он поднял голову, посмотрел на небо. Оно было затянуто пеленой туч. Сеял нудный, обложной осенний дождь. Ярослав свернул с улицы Фоша в почти безлюдный переулок. Тянулись новостройки, среди них ютился небольшой домик. Здесь жил Зденек Слива. Накануне мюнхенских дней хозяин дома решил продать участок, и Слива уже подыскивал себе другую квартиру. Но сделка не состоялась, и семья Сливы осталась на старом месте.

Лукаш шел сюда не затем, чтобы спорить со Зденеком. Он хотел повидать его сына Антонина. На это у Лукаша были свои соображения, которыми он ни с кем не делился. Мобилизованный в армию Антонин прислал телеграмму из Моравской Остравы, где стояла его часть, – что сегодня будет в Праге.

– А, непримиримый! – приветствовал Слива гостя. – Проходи, проходи... Садись.

В его словах Лукаш почувствовал иронию, но не ответил на нее и только хмуро кивнул головой.

За столом против Зденека сидел Карел Гавличек. Они играли в шахматы.

«Нашли время тешить себя фигурками», – подумал Лукаш. Он разделся, вытер платком мокрое от дождя лицо и опустился на жесткий диван у стены.

Слива и Гавличек продолжали игру.

– Как Елена? – спросил Ярослав о жене Сливы.

– Елена? – переспросил Зденек, не отрывая глаз от доски. – Отвез ее вчера в больницу... Там ей лучше будет, чем дома...

– Пожалуй, ты прав, – согласился Лукаш, – не годится больному человеку одному валяться в пустой квартире. Муж – на работе, сын – в армии. Ни присмотреть, ни еды подать некому.

Установилось молчание. Слива и Гавличек раздумывали над ходами, посвистывали, цокали языками. Казалось, они совсем позабыли о госте. Наблюдая за ними, Лукаш думал: какие они все трое разные люди – он, Лукаш, Слива и Гавличек. Вместе росли, дружили, на глазах друг у друга возмужали и состарились, а разные... разные по отношению к жизни, по убеждениям.

Он, Лукаш, – коммунист, Слива – социал-демократ, а Гавличек – беспартийный. Частенько между ними вспыхивали споры – вернее, спорят Лукаш и Слива, а Гавличек помал-

кивает, – но эти споры бесплодны, каждый неизбежно остается при своем мнении. И чем острее политическая борьба в стране, тем непримиримее их позиции. Особенно обострились их словесные стычки в последнее время. Лукаш не терял надежды открыть Сливе глаза на действительное положение вещей, но тот, начиненный социал-демократическими идеями, и слушать ничего не хотел. Все идет как по маслу, – доказывал он Лукашу, – правительство избрало разумный путь.

В спорах Слива постепенно ожесточался. Вскликая из-за стола, он начинал размахивать руками. Высокий, худой, с маленькой головой и длинными руками, он был похож в такие минуты на ветряную мельницу. Друзья подшучивали над Сливой, и это еще больше озлобляло его. Жесты его становились размашистыми, голос визгливым. Он обзывал своих противников тупицами, ничего не смыслящими в высокой политике. На этом спор и заканчивался.

Карел Гавличек представлял собою полную противоположность Зденеку Сливе. Приземистый, коротконогий, он был на два года старше Ярослава и Зденека. Но неумолимые годы как-то обошли, пощадили его. Он оставался таким же крепким и сильным, как в юности. О тяжелой руке Карела хорошо знали на железнодорожном узле. Про него ходила поговорка: «Если Карел бьет одного, то падают трое». В его жестких волосах ни одной сединки. Морщинки едва-едва обозначались на лбу и на щеках. Под левым ухом – родимое пятно, небольшое, с пуговку, из него торчит пучок жестких волос. Карел очень молчалив, хладнокровен и спокоен. Кажется, ничто на свете не в состоянии вывести его из равновесия. Понятно, с течением времени он выработал собственные воззрения на жизнь, на людей, на текущие события, но мыслей своих никогда не высказывал.

Лукаш покуривал свою заветную трубку, молча следя за играющими. Антонина Сливы не было. Не приехал? Спрашивать о нем Зденека не хотелось.

Наконец партия закончилась победой Гавличека. Настроение Зденека сразу испортилось. Он потребовал реванша, но Гавличек отказался наотрез.

– На сегодня достаточно, голова разболелась. – Карел усердно стал растирать ладонью свой широкий лоб.

Слива с грохотом захлопнул шахматную доску.

– Тебе стоит только выиграть один раз, как ты сейчас же отказываешься от новой партии, – сказал он недовольным тоном. – С тобой положительно нельзя иметь дела. Какой ты шахматист?

– Ну и не играй со мной, – невозмутимо ответил Гавличек.

– И не буду.

– И не играй. Сам же просишь.

– Я позвал тебя скоротать время, поговорить...

Лукаш знал по опыту, что шахматная игра Сливы и Гавличека всегда кончалась перепалкой и взаимными упреками, но это не мешало им спустя несколько дней снова садиться за доску. Первым на мировую всегда шел Слива. Другого такого партнера, как Гавличек, спокойного и терпеливого, он нигде бы не нашел.

– Где же застрял твой Антонин? – спросил Гавличек.

– Сам не понимаю, – взмахнул руками Слива. – В телеграмме ясно сказано, что приедет сегодня. Жду с утра. Думаю, кучу новостей привезет.

Каких же новостей ты ждешь? – поинтересовался Лукаш.

– Мало ли каких!

– Ну, например?

– Чудной ты, Ярослав, – усмехнулся Слива. – Откуда я знаю, какие у него новости?

Лукаш подошел к столу, выбил трубку о пепельницу и, вернувшись на прежнее место, сказал:

– Сейчас хороших новостей не жди, одна горше другой.

– Знаешь, что я тебе скажу, – с раздражением произнес Слива. – Правильно правительство сделало, запретив деятельность вашей партии. Честное слово! Вы только подливаете масло в огонь. Из мухи слона всегда готовы сделать!

– Вот как? Значит, ты радуешься тому, что запрещена деятельность единственной партии, поднимавшей народ на борьбу? Я тебе заранее могу предсказать: вашу, да и все другие партии скоро постигнет та же участь.

– Ха-ха! – засмеялся Слива. – Тоже мне пророк! Вам бы хотелось столкнуть Чехословакию с Гитлером? Отдать ему страну на растерзание? Ну уж нет! Благодарим покорно! Умишкото имеется не только у коммунистов.

Лукаш держал себя внешне спокойно, хотя внутри у него клокотало возмущение.

– Да, мы хотели поднять народ на борьбу с Гитлером, да и теперь не теряем надежды добиться этого. А вот такие люди, как ты, готовы преподнести Чехословакию Гитлеру на блюдечке, чтобы он ее проглотил легко и без всяких усилий.

– Не беспокойся, – отрезал Слива. – Не так велик у него аппетит, как ты думаешь.

– Посмотрим.

– И смотреть нечего. Дальше Судетской области Гитлер не пойдет, и никакой войны не будет.

– Эх, Зденек, Зденек, – вздохнул Лукаш. – Куриная слепота у людей по вечерам бывает, а у тебя – среди бела дня... Попомни мои слова: капитуляция Чехословакии – это начало новой захватнической войны. Бросив Гитлеру Судеты, Годжа и Сыровы только раззадорили его, разожгли его наглость, а планы у Гитлера большие.

– Слышали мы уже эти причитания, – проворчал Слива.

Лукаш встал.

– Я вижу, говорить с тобой бесполезно. – Обернувшись к Гавличеку, он сказал: —А ты все молчишь? Ты думаешь, что в трагические для родины дни можно отмолчаться?

Карел Гавличек поерзал на месте, кашлянул.

– А что толку от болтовни? – нехотя ответил он.

– Как же нет толку? – возмутился Лукаш. – Вот Зденек знает мои взгляды, я знаю его, а что у тебя в голове – только одному тебе и известно...

– Так оно и лучше, – сказал Гавличек. – Считайте, что у меня никаких взглядов нет. Я человек беспартийный...

Лукаш прищурил глаза.

– Хочешь остаться в стороне от событий? Не удастся это тебе. Придет время, и ты заговоришь по-другому.

Гавличек покраснел и ничего не сказал.

Лукаш надел пальто, шляпу. В это время за дверью послышались легкие шаги, и в комнату почти вбежал Антонин, разгоряченный быстрой ходьбой. В военной форме он был стройнее и мужественней.

– Здравствуйте! – торопливо проговорил он, поочередно пожимая старикам руки. – А вы, вероятно, решили, что я сегодня не приеду? Пришлось задержаться – провожал своего подполковника до квартиры.

– Ты есть хочешь? – спросил Зденек.

– Нет, отец. Подполковник пригласил меня к себе, и я у него пообедал.

– Странно. Офицер – и этокое панибратство с солдатами, – удивился Слива.

– Что касается моего подполковника, в этом ничего странного нет. Он прекрасный человек. Я очень рад, что попал к нему в ординарцы.

– Правильно, – угрюмо пробурчал Гавличек, а что он этим хотел сказать, никто не понял.

Лукаш, не раздеваясь, сел на диван.

– Чем же тебя приворожил этот подполковник? – обратился он к Антонину.

Юноша порывистым движением повернулся к Ярославу Лукашу. Он любил его со всей искренностью юности и гордился его хорошим отношением к себе.

– Вот я вам расскажу для примера один факт, и вы сразу поймете... Недавно нашего подполковника назначили членом комиссии по передаче польским войскам военных сооружений, казарм, имущества и всего прочего в оккупированном поляками Тешинском районе. Послушали бы вы, как он негодовал! Как возмущался нашими государственными деятелями! А когда ему объявили, что на встречу с поляками он должен явиться с белой повязкой на рукаве – эмблемой капитуляции, – подполковник наотрез отказался участвовать в работе комиссии. Его попытались призвать к порядку и командир полка и командир дивизии, но ничего не добились. О поступке подполковника Мрачека сообщили в Прагу, генштаб вызвал его сюда. Вот каков наш подполковник.

Зденек Слива засмеялся дребезжащим смехом.

– Начальство напомним ему, что такое воинская дисциплина. Завтра ваш подполковник наденет не одну, а две повязки.

– Не суди по себе, Зденек, – осадил его Лукаш. – Не все смотрят на вещи твоими глазами. Есть люди, которые никогда не примирятся с тем, что сейчас творится вокруг нас.

– А что в этом толку? Ты и твоя партия тоже не мирились. А результаты? Пора бы сделать выводы и научиться дальновидности.

Антонин с возмущением посмотрел на отца.

– Дядя Ярослав прав.

– В чем же? – бушевал Зденек.

– Над нами глумятся, унижают чешское достоинство, рвут родину на части. Ты только подумай, отец: у нас отняли тридцать процентов территории, на которой живет более миллиона славян. Теперь там хозяйничают немецкие фашисты и польские паны. Если бы ты знал настроение солдат и офицеров! Когда я пришел в казарму и рассказал о поступке Мрачека, весь взвод одобрил его. Солдаты считают его подлинным патриотом.

Зденек Слива не решился спорить с сыном. Он только всплеснул своими длинными руками, покрутил шей и с кислой миной на лице уселся на стул.

Гавличек, верный своему обыкновению, выслушал слова Антонина молча.

Антонин обвел глазами присутствующих.

– А вы слышали, – спросил он, – что передает берлинское радио? Геббельс уже требует включения в состав Германский империи всех территорий, заселенных немцами. Риббентроп поднял вопрос о подсоединении к Германии Данцига, о разделе Литвы. Как вам это нравится?

Ярослав поглядывал на юношу с одобрением. Нет, этот паренек ни в чем не похож на отца! Сколько в нем сердечного огня, смелости, решительности. И как он убежден в том, во что верит.

– Вы думаете, они только болтают об этом? – продолжал Антонин. – Я вам сейчас покажу кое-что.

Он подошел к вешалке, вынул из кармана шинели сложенную карту и, развернув ее, положил на стол. Все, не исключая и Гавличека, склонились над ней.

– Я выпросил эту карту у подполковника. Смотрите. Немцы называют ее лингвистической картой Европы. Они изобразили здесь свое «жизненное пространство». Читайте! – Антонин показал пальцем в угол карты.

Зденек Слива вытянул губы. В примечании было сказано, что из восьмидесяти восьми миллионов немцев, населяющих Европу, только семьдесят пять живут в Германии, а остальные – в Польше, Венгрии, Югославии, Литве, Чехословакии, Швейцарии, Эльзас-Лотарингии и других странах. Территории этих стран были покрыты той же краской, что и Германия.

– Все ясно, – сказал Лукаш. – А вы, наивные люди, верите, что Гитлер удовлетворится Судетами... Ты мне не дашь на время эту карту? – спросил он Антонина.

– Возьмите, Ярослав. Она ходила из рук в руки в Моравской Остраве, ее знает весь наш полк.

– Спасибо, – поблагодарил Лукаш. – Она и в Праге пригодится, раскроет кое-кому глаза на истинное положение вещей.

– Ты считаешь, что мы наивные дети? – воскликнул Зденек Слива. – Не мы, а вы, коммунисты, наивные дети! Да разве мы сможем устоять против Гитлера?

Но за Лукаша ответил Антонин.

– Сможем! – сказал он очень громко, и на его лице проступили красные пятна. – Наша армия, весь наш народ воспитан борьбой за национальную независимость. Нам не впервые отбивать немцев. Гитлер нагл, но и труслив. Ему надо вовремя дать по рукам, и мы можем это сделать. Мы – арсенал Европы. Я вам назову несколько цифр. Подполковник Мрачек рассказывал: у нас восемь заводов производят пулеметы и винтовки, пять – орудия, двенадцать – снаряды и патроны, пять – порох и взрывчатку, восемь – автомобили, пять – танки и броневики, пять – моторы, четыре – самолеты, восемь – противогазы. У нас тысяча самолетов первой линии. Мы в состоянии вооружить армии нескольких стран, и в самый короткий срок. Вы представляете себе, что это означает? На месте президента я бы немедленно объявил мобилизацию, а не успокаивал народ всякими баснями... Я убежден: народ поднимется как один человек. У каждого наболело сердце и чешутся руки – дайте только оружие... Наконец, мы не одиноки, мы можем рассчитывать на помощь. Существует великая славянская страна Россия...

Зденек Слива, слушая сына, сверлил его своими маленькими, лисьими глазами и наконец прорвался:

– Потихе ты... с этой твоей Россией! Много знать стал! С твоим языком и в тюрьму угодить недолго. – Он передернул плечами и, повернувшись к Лукашу, сказал с открытой злобой: – Это твоих рук дело, Ярослав! Это ты испортил мне парня дурацкими бреднями. Сам лезешь головой в петлю и других за собой тянешь. А ты запомни, – он обернулся к сыну, – если будешь много болтать, я вышвырну тебя из дому вон!

Слива уже не кричал, а только взвизгивал пискливым голоском.

– Как тебе не стыдно, отец? – сдержанно произнес Антонин. – Ты испортил жизнь моей матери, а теперь стараешься испортить мне. Но как бы ты ни кричал и что бы ни делал, я останусь при своих убеждениях.

Лукаш молча поднялся и, не прощаясь, вышел.

2

– По решению партии ты должен в ближайшие дни перейти на нелегальное положение, – сказал Лукашу уполномоченный подпольного пражского комитета компартии Червень.

И хотя Лукаш, отправляясь на первую нелегальную встречу, догадывался о характере предстоящего разговора, все же слова представителя партии заставили его еще раз взвесить свои силы. Он хорошо понимал, что ему предстоит начать совсем новую жизнь, ничего общего не имеющую с той, какую он вел до последнего дня. И сознавал всю тяжесть ответственности, возлагаемой на него этим решением.

– Что ты скажешь на это? – спросил Червень.

– Я боец партии, – ответил Лукаш коротко.

Они беседовали на одной из конспиративных квартир, которые в эти дни по распоряжению Центрального комитета партии были приисканы не только в Праге, но почти во всех крупных центрах страны.

Уполномоченный носил подпольную кличку Червень, и подлинной его фамилии Лукаш не знал. Это был маленький человек лет сорока, со впалыми щеками, узкой грудью, с бледным лицом, с большими серыми глазами. Его длинные волосы слегка вились.

Лукаш слышал, что Червень уже много лет бесменно ведет низовую партийную работу. По приезде в Прагу он снял квартиру из двух небольших комнат, пригляделся к соседям, освоился с обстановкой, пообвык и, для отвода глаз, вернулся к старой, уже почти позабытой профессии портного. На стене домика, в котором он поселился, появилась скромная вывеска.

Ответ Лукаша его удовлетворил.

– Я не стану предупреждать тебя, с чем это связано, – сказал Червень. – Ты старый член партии.

Да, Ярослава об этом предупреждать не приходится. Предстоит борьба, борьба неравная, беспощадная, борьба не на жизнь, а на смерть, – только бы хватило ума, сил и способностей оправдать доверие партии.

Червень сказал, что переход партии в подполье, в связи с ее запретом и предстоящим неизбежным роспуском, означает не свертывание работы, а ее усиление в новых определенных формах. Коммунисты должны организовать мощное национальное и патриотическое движение, используя для этой цели все легальные и нелегальные возможности. Они должны еще теснее сплотить рабочий класс, превратить все предприятия, фабрики, заводы, мастерские в бастионы антигитлеровского сопротивления. Правительственная клика – Годжа, Беран, Сыровы, Черны – встала на путь открытой фашизации страны, и необходимо добиться, чтобы это видел каждый чех и словак. Поставлена задача привлечь на свою сторону членов других политических партий, которые не хотят идти за своими лидерами – предателями национальных интересов страны. Надо вскрыть перед народом истинный смысл мюнхенского сговора, смысл и цели позорной капитуляции, разоблачить провокационные попытки реакции оклеветать позицию Советского Союза, дать понять всем честным гражданам, что капитуляция не спасет Чехословакию, а лишь ускорит ее порабощение. Гитлер не удовлетворится захватом Судет. Обеспечив свой тыл, он ринется дальше, на Восток, и развяжет новую мировую войну.

– Но это общие задачи подпольной работы, – оговорился Червень. – А перед тобой поставлена и частная, очень трудная задача.

Лукаш насторожился.

– Да, именно частная, конкретная, очень трудная задача, – подчеркнул Червень. – Партия надеется, что ты отдашься ей целиком. Ты должен оберегать подполье от проникновения в него провокаторов, предателей, гитлеровских агентов, выявлять и уничтожать их; вести работу так, чтобы наши люди сумели проникнуть в карательные и разведывательные органы врага и выявить его намерения и планы. – Червень пытливо взглянул на Лукаша, который внимательно его слушал. – И первая трудность, дорогой мой, состоит в том, что партия не даст тебе людей. Ни одного человека. Ты обязан подыскать их сам в среде беспартийных патриотов, в среде людей, которых не подозревают даже в сочувствии коммунистам. Сложное дело, товарищ Лукаш, но тебе ясно и без моих разъяснений, что опираться в организации такой работы на коммунистов, которые у врага все на учете, – это значит подготовить неизбежный провал. Ты, Ярослав, старый коммунист...

Говорили допоздна. Червень посоветовал Лукашу не показываться больше на железнодорожном узле, а сразу переходить на нелегальное положение. Он снабдил его документами на чужую фамилию и дал адрес некоего Владислава Морганека, у него Лукаш и должен был поселиться под видом слесаря-водопроводчика.

Возвращаясь домой, Лукаш чувствовал себя уверенно. Уж такая была у него натура, так счастливо сложился его сильный характер. В трудные, а порой и опасные периоды своей жизни (чего только не было!) он никогда не терял самообладания. Оно питалось глубокой, неиссякаемой верой в силу партии, в правоту ее дела. Его характер закалился в революционной, политической борьбе, в опыте всей его большой и деятельной жизни.

В девятьсот шестнадцатом году Лукаша, двадцатилетнего парня, сняли с паровоза, на котором он ездил кочегаром, и призвали в австро-венгерскую армию. Три месяца он пробыл в

запасном полку, в городе Линце, и там познакомился и сдружился с Голечкой. Голечку любили солдаты, но не терпело начальство – и все потому, что у него был не в меру острый язык.

Как истый славянин, Голечка до мозга костей ненавидел габсбургскую монархию, на чем свет стоит проклинал императора Франца-Иосифа. Он не умел скрывать своих мыслей, а если ему хотелось говорить, то говорил громко. А говорить он и любил и умел.

Перед призывом в армию Голечка работал техником на заводе сельскохозяйственных машин, был грамотен, начитан и неплохо разбирался в политике.

Однажды он сказал в кругу друзей: «А воевать я не буду. Категорически не буду. Пусть воюет сам Иосиф вместе со своим возлюбленным кайзером». Солдаты удивились, повертели головами – нет ли поблизости начальства? – и любопытствовали: как это Голечка не будет воевать?.. «А вот так и не буду, – твердил он упрямо. – Русские – наши братья. Кому нужна война? Богачам, а не народу».

Разговор на эту тему, но уже более определенный, вскоре снова возник. Голечка высказал очень ясную и смелую мысль, которая прочно засела в голове Ярослава.

В конце мая их маршевую роту спешно бросили на восточный фронт и прямо с поезда ввели в бой. Русские развивали свой успех по линии Ровно – Ковель. Они уже форсировали реку Стрипу.

Ярослав во всех подробностях помнит эту ночь на двадцать шестое мая.

Сеял теплый весенний дождичек. Небо, затянутое низкими облаками, почти неотличимо было от земли. Земля сотрясалась от частых разрывов тяжелых снарядов, и когда вспышки взрывов гасли, становилось темнее прежнего. В десять часов группу солдат послали на дорогу, ведущую к Тржибуковцы – Язловец. В группе было семь человек, и среди них Ярослав и Голечка.

И вот тут-то Голечка заговорил о том, что воевать нет смысла. С ним согласились четверо. Двое (они были австрийцы) не согласились и начали ругать Голечку. Их припугнули.

А через месяц с небольшим Ярослав и Голечка были уже в Сибири, в лагере военнопленных. Да и какой это лагерь! Ходили куда хотели, чинили ведра горожанам, вытаскивали мундштуки, делали зажигалки, свободно сбывали их на рынке, покупали продукты, разнообразившие лагерное питание. Однажды в лагерях появились чешские офицеры в форме и с оружием. Они призывали солдат идти на фронт. Опять на фронт? Против кого? Против русских революционных рабочих. В те дни Ярослав Лукаш впервые услышал имя нынешнего генерала Гайды и подумал: «Что-то неладное происходит, генерал натравливает чехов на русских!»

А Голечка сказал так: «Ну уж нет, дураков мало. У каждого своя дорога. Гайда пусть отправляется к Колчаку, а я пойду в другую сторону. Куда? Это мне хорошо известно!»

Голечка, Лукаш и много других солдат – чехов, венгров, словаков – перешли на сторону Красной гвардии. Они приняли участие в боях с врагами революции, в разгроме денкинцев, в освобождении Крыма от Врангеля. Голечка погиб смертью храбрых под Новороссийском. Похоронили его в братской могиле вместе с русскими.

Немало этих могил раскинуто по священной русской земле, где сложили свои головы, защищая первое в мире рабоче-крестьянское государство, и чехи, и китайцы, и латыши, и сыны многих других свободолюбивых народов.

Ярослав Лукаш вернулся на родину. Кровавой династии Габсбургов уже не существовало.

Чехи и словаки объединились в общей суверенной республике. Кое-что изменилось и на родине, но как эти перемены были далеки от тех, что произошли в России! Чехи не увидели настоящей свободы. Капиталисты, как и прежде, сидели на шее народа и выжимали его последние соки.

Печальные новости ждали Ярослава. Не дождался его возвращения отец – старый потомственный слесарь железнодорожного депо. Навсегда выпал из его рук молоток. Умер на работе

– отказало сердце. Он упал грудью на тиски и уж больше не открыл глаз. Это случилось в девятнадцатом году. Мать рассказывала о смерти мужа сухим голосом, без слез. Старая и больная, она ненадолго пережила мужа. Спустя год Ярослав и ее отвез на кладбище.

Кочегар Зденек Слива, давний дружок Ярослава, уже ездил помощником машиниста. При первой же встрече Слива показал свой билет Чешской социал-демократической партии и намекнул Лукашу, что ему тоже не мешало бы об этом подумать.

– Пожалуй, ты прав, – ответил Ярослав, – я подумаю...

Думал Ярослав долго, а в двадцать втором году вступил в компартию.

Со Сливой они остались по-прежнему друзьями. Когда Слива стал машинистом, Ярослав работал у него помощником. А спустя пять лет Ярослав самостоятельно повел паровоз.

3

Лукаш не закрывал глаз на то, что его ждут тяжелые испытания, и подготавливал себя к ним. Квартиру придется покинуть. Божене придется жить одной. Отцовское чувство Лукаша не мирилось с этим. Долгие и трудные годы они прожили вместе, душа в душу. Человек сдержанный, неспособный на внешние проявления чувства, Лукаш всеми помыслами своими всегда был подле дочери. Стоило ему подметить в ней какую-нибудь перемену, грустный взгляд, внезапную молчаливость, как он уже с тревогой искал ответа: что с ней? Божена знала, что отец любит ее. Она была с ним искренна и правдива. Ему она доверяла свои маленькие тайны, с ним делилась девичьими радостями и печалью. Лукаш знал о всех начинаниях и надеждах дочери, знал ее подруг и знакомых и никогда не читал ей наставлений. Да в этом и не было необходимости.

Божена почти все вечера проводила дома, над книгами, много занималась, втайне готовясь к экзаменам в университет. Правда, это была робкая и далекая мечта, занятия продвигались медленно, но все-таки продвигались, и, беря в руки учебник, Божена каждый раз испытывала радостное волнение, словно делала еще один шаг в свое будущее. Изредка вместе с Марией она ходила в кино или на берег Влтавы. Река с ее медленно текущими водами возбуждала в Божене какое-то особое чувство; она могла часами просиживать на берегу, провожая глазами пароходы, баржи и лодки. Казалось, они уходят в неизвестный ей мир, в который и она уплывет вот по этой реке, когда для этого настанут сроки. И когда Божена мечтала, грусть охватывала ее, но это была приятная грусть.

Домой Божена возвращалась рано. Она не хотела лишать себя радости приготовить ужин отцу и встретить его на пороге. «Ты дома?» – спрашивал обычно Ярослав, и она понимала, что отец счастлив. «Конечно, дома. Где же мне быть?» Да, он заранее был уверен, что Божена дома, что она хлопочет, готовя ему скромный, но всегда в ее руках такой вкусный ужин. Лукаш привык к заведенному дочерью порядку и ценил эти тихие вечера, когда после ужина он садился с трубкой у стола, а Божена раскрывала книжку и читала.

Иногда Лукаш, глядя на дочь, задумывался. Неужели ничто не влечет ее из стен дома? Ведь не может же она всегда быть рядом с ним, старым человеком, и жить только заботой о нем. Да если бы она даже этого и хотела своим рассудком, все равно жизнь возьмет свое. Божена слишком красива, слишком жива и впечатлительна. Явится человек, увлечет ее своим чувством, уведет из этого маленького домика, оторвет от отца. Таков закон жизни, и, может быть, она уже покорилась ему, только Лукаш, старый Ярослав Лукаш этого не знает. Что ж, лишь бы Божена нашла хорошего друга, а он, отец, жил бы неподалеку от них и, не навязывая своих забот, незаметно помогал дочери строить ее счастье.

Последнее время Лукаш неотступно думал о Божене. Появление в их доме врача Милаша Нерича встревожило отцовское сердце. Его смутили слова дочери: «Мой знакомый, хороший человек». Знакомый Божены! Но ведь она никогда не рассказывала о Нериче, даже не упоми-

нала его имени. Все знал Лукаш о Божене, а это знакомство дочь от него скрыла. Горькая обида запала в душу Ярослава. И не только обида, но и подозрения. Что заставило Божену умолчать о Нериче, какие обстоятельства удерживают ее от искреннего разговора с отцом? Размышляя так, Лукаш обвинил во всем Нерича. Он слишком хорошо знал свою дочь, чтобы подозревать ее в недоверии к себе. Конечно, он, этот красивый и состоятельный югославец, сумел повлиять на Божену, он понуждает ее молчать, имея на его дочь свои виды.

Лежа в больнице, Лукаш мучился не столько от ран, сколько от душевной боли. Несколько раз Нерич навещал его в больнице. Врач стремился завязать непринужденный разговор. Это не нравилось Ярославу. «Хитер, хочет расположить к себе, сблизиться», – думал Лукаш. Молчаливый по натуре, Лукаш не любил, когда его донимали расспросами, а особенно люди моложе его по годам. Он отвечал нехотя, грубовато. Нерич, видно, сразу подметил эту черту в характере Лукаша и легко изменил тактику. Он стал интересоваться лишь здоровьем больного, много рассказывал о себе, о новых методах лечения. Но эта новая тактика Нерича не укрылась от Лукаша. Слушая врача, Ярослав отделялся короткими замечаниями, соглашался или выражал сомнение. Раз от разу их беседы становились все короче. Последние дни Милаш только спрашивал о самочувствии больного и по-прежнему был вежлив и любезен.

А Лукаш, проводив глазами врача, крепко задумывался. Зачем этому образованному и богатому человеку нужна его дочь? Что общего у них? Какие их отношения скрыты от него? Неприязнь к Неричу родилась сама собою, он не мог поставить ему в вину ни одного поступка, но внутренняя необъяснимая антипатия, возникшая у Лукаша в первую же их встречу, не только не рассеялась, но окрепла. «Он чужой для нас человек, – думал тогда Ярослав, наблюдая за Неричем. – Зачем Божена привела его?» От Лукаша не укрылось жадное внимание, с каким врач оглядел их комнату, постель и его самого. «Оценивает нас по обстановке, – с обидой отметил Лукаш. – Бедно живем, платить за лечение нечем, вот он и разыгрывает благодетеля, который бескорыстно дарит свою помощь». Возмущение этим человеком сдавило грудь. «Ах, Божена, Божена! Зачем это все?»

Тогда он был не в силах поговорить с дочерью, а теперь, выйдя из больницы, терпеливо ждал, когда она сама расскажет ему о Нериче и о своих отношениях с ним. Почему Нерич считает своей обязанностью помогать им? Неужели... Но нет! Он хорошо знает Божену. Вернее предположить, что Нерич только еще пытается увлечь Божену, и поэтому ему важно расположить к себе ее отца. Широкие жесты, любезность, щедрость... Но Лукаш знает этих господ, да и Божена не глупа. Не так-то легко обмануть ее доверие.

Эта мысль успокаивала Лукаша. Единственно, что огорчало его, – это молчание дочери. Впрочем, как знать... Возможно, она не придает этому знакомству никакого значения. Сегодня, возвращаясь от Червения домой, Лукаш думал о своем будущем и в этой связи не мог не думать о дочери. Она останется одна. Конечно, он постарается поддерживать связь с ней, возможно, изредка будет с нею видеться. Но разве можно надеяться на спокойное развитие событий? Червень сказал, да и сам Лукаш это понимает: предстоят тяжелые, жестокие испытания. Неизвестно, куда события забросят его. Нельзя не считаться и с тем, что ему, быть может, придется скрываться, бежать из Праги... Или – тюрьма... Божену нужно подготовить к самому страшному. Он не имеет права не сказать ей об этом. Она поймет и, глубоко осознав, во имя чего они расстанутся, легче перенесет разлуку.

В окне был свет – Божена еще не спала. «Как всегда, ждет меня», – с теплотой в сердце подумал Лукаш.

Дочь встретила его в дверях. В ее глазах тревожный вопрос: почему так поздно? Он посмотрел на часы – два ночи. Да, очень поздно. В такой поздний час он еще никогда не возвращался.

– Я так боялась...

Божена не договорила. Уткнувшись лицом в его плечо, она замерла. Он чувствовал дрожь ее тела. Лукаш взял в ладони ее голову, приподнял и посмотрел в глаза дочери – голубые, широко раскрытые и полные страха. В них стояли слезы.

– Ну, ну... Зачем же? Вернулся жив и невредим.

Она улыбнулась и по-детски кулачком вытерла глаза.

– Была Мария и рассказывала, что в городе делается, – начала Божена взволнованным шепотом. – Арестовывают всех...

– Ну, положим, не всех, – проговорил Лукаш, снимая пиджак. – Убирают чехов, неудобных правительству и немцам...

Божена поставила на стол кофейник и за рукав потянула отца к креслу.

– Ты, конечно, с утра ничего в рот не брал... Кофе еще горячий.

Лукаш с наслаждением развалился в потертом единственном в квартире кресле, но до чашки с кофе не дотронулся.

– Не ел и не хочется... – Он посмотрел на Божену. – Садись. Побеседуем.

Божена насторожилась. Что-то произошло. Иначе зачем говорить сейчас, глубокой ночью? О чем?

Она медленно опустилась на стул.

Лукаш набил трубку табаком, раскурил ее. Он делал это со всегдашней своей неторопливостью, стараясь казаться совершенно спокойным. Но Божене сразу передалось состояние отца. Она напряженно ждала его первого слова.

– Нам придется скоро расстаться, дочка, – тихо сказал Ярослав Лукаш. – И ты, наверно, догадываешься, почему.

Она кивнула головой. Да, она, конечно, догадывается, она ведь знает, что отец коммунист, а Мария говорила об арестах коммунистов. Но, может быть, отец имеет в виду что-нибудь другое? Божена с болью в сердце взглянула на отца.

Просто и обстоятельно Лукаш рассказал Божене, какую борьбу ведет компартия и почему сейчас уходит в подполье. Правительство запретило деятельность коммунистической партии, но коммунисты не сложили оружия и решили бороться до конца, защищая интересы народа и родины. Лукаш рядовой коммунист; он выполняет волю партии и вместе со всеми товарищами уходит в подполье.

Он уже не будет машинистом Лукашем, он будет кем-нибудь другим. Она, Божена, должна вычеркнуть его из своей памяти. Был у нее отец, а теперь его нет. И она не знает, где он, что с ним, жив он или умер...

Лукаш встал. Божене показалось, что он собирается уйти.

– Как, сейчас? – испуганно вскрикнула она.

Лукаш подошел к ней и положил свою большую, тяжелую руку на ее плечо.

– Нет, еще не сейчас.

Слава богу, хоть сегодня они побудут вместе, а может быть, и завтра, и послезавтра... Она наклонила голову и коснулась щекой его жесткой руки. Пальцы Лукаша утонули в ее волосах, он стал перебирать их медленно и осторожно. Как похожа Божена на свою мать! Особенно эти волосы, совсем золотые, тонкие. И глаза. Иногда ему кажется, что на него глазами дочери смотрит Власта, только цвет глаз у нее другой. У Божены, как и у отца, они голубые...

– Откуда ты знаешь врача Нерича? – как бы невзначай спросил Лукаш.

Божена покраснела.

– Он часто получает письма у нас на почтамте... Я давно его знаю.

– Давно?

– Ну, не так уж давно, несколько месяцев. Он очень славный. Ты сам убедился.

– Да, – неопределенно сказал Лукаш. – За внимание и помощь ему спасибо.

Тон, которым были произнесены последние слова, выдал истинное отношение Лукаша к Неричу, и Божена поняла это. Она сжалась. Неужели отец скажет что-нибудь резкое о Нериче? Но отец ничего не сказал и отошел к окну. Он не решался высказаться до конца, понимая, что Божену неприятно поразит его резкое мнение о Нериче, которого она, видимо, ценит и уважает. Но Лукаш не умел таить правду, как бы она ни была горька.

– Не надо больше встречаться с ним, дочка, – сказал он с необычной для него мягкостью.

– Почему? – голос ее дрогнул.

– В нашем роду существовало такое неписаное правило: женись или выходи замуж за ровню и дружбу веди с ровней, – начал Лукаш, но тут же почувствовал, что слова его звучат неубедительно, наивно и Божена словно пропускает их, не задерживая в сознании, – она ждет от отца иных, более сильных аргументов против Нерича. – Да что тут говорить! – махнул рукой Ярослав. – Я уйду, ты остаешься одна. Одна. Понимаешь? Кругом чужие люди. И этот Нерич чужой и, может быть, враждебный человек. Не нашего поля ягода. Эти люди в таких девушках, как ты, ищут не подруг на всю жизнь, а минутного развлечения... А ты мне дочь. И я не хочу видеть тебя несчастной.

Каждое его слово болью и мукой отражалось на ее лице, он видел это. И он осекся. Божена не примет его советов, теперь он не сомневался в этом. В ее глазах отчаяние и решимость. А он надеялся, что ее отношения с Неричем пусты и несерьезны, – достаточно одного слова отца, и Божена оборвет их. Но отступить было поздно.

– Забудь этого человека, – сурово сказал Лукаш, стремясь покончить с тягостным объяснением.

– Но я его люблю... люблю, отец! – почти вскрикнула Божена и, уронив голову на руки, зарыдала.

– Благодарю за доверие к отцу, – сдерживая волнение, произнес Ярослав.

– Пойми, это выше меня, – продолжала рыдать Божена. – Я не хотела этого... я боялась своего чувства, но я бессильна.

– И ты ему призналась? – спросил Лукаш, чувствуя, что пол уходит из-под его ног.

Божена резко подняла голову.

– Как ты мог подумать об этом!

Лукаш подошел к Божене и поцеловал ее в лоб.

– Прошу тебя только об одном... Я тоже хочу принять участие в создании твоего будущего, Божена. Имею я на это право?

– Да, да, родной.

– Вот и славно. Дай мне слово: пока не разойдутся над нашей родиной тучи, ты никому не отдашь своей руки.

– Даю тебе слово, отец, даю! Божена прильнула губами к руке отца.

Глава десятая

1

Это произошло в ту ночь, когда Ярослав Лукаш должен был покинуть дом. Он переосмотрел личные вещи, чтобы среди них не осталось ничего, что могло бы навести полицию на след, уничтожил адреса товарищей по партии, с которыми ему теперь нельзя было встречаться, номера телефонов, которые надо было забыть, и сидел с Боженой, оттягивая минуту расставания, не решаясь произнести горькие прощальные слова. Сдержанность, отличавшая Ярослава среди его товарищей, и сейчас мешала ему высказать все, что скопилось у него на душе за последние тревожные дни. Он хотел знать, как Божена смотрит на события в стране. В том, что Божена никогда не проявляла большого интереса к политической жизни и стояла в стороне от нее, виноват, конечно, сам Лукаш. Как это могло произойти? Почему он, старый коммунист, в домашней жизни держал себя как беспартийный? То ли считал Божену слишком юной, неспособной осмыслить и разобраться в серьезных вопросах, то ли боялся вовлечь дочь в суровую политическую борьбу, с ее опасностями и риском? Так или иначе, он совершил ошибку. Он обязан был сделать из Божены политически грамотного человека. Это закалило бы ее, она бы легче перенесла его уход из дому.

Что сказать ей теперь, от чего предостеречь? Слова не шли на язык, Ярослав томился, чувствуя себя бессильным помочь дочери в эту трудную минуту.

Божена тоже молчала, сидя рядом с ним на жестком диване в первой комнате. Каждый думал о своем. В дверь неожиданно постучали. Стук был негромкий, осторожный; так обычно стучит человек, не уверенный в том, что пришел по верному адресу.

Отец и дочь переглянулись. У Божены перехватило дыхание. Все эти дни она жила в ожидании несчастья: вломится полиция, уведет отца...

Лукаш ничем не выдал своего волнения, хотя думал о том же. На какую-то долю секунды мелькнула мысль: «Бежать! Можно выпрыгнуть в окно и через двор выбраться на другую улицу». Но тут же он отбросил эту мысль. Если пришли арестовать его, то, конечно, поставили сторожей у всех окон.

– Войдите, открыто! – громко крикнул Ярослав, чувствуя, как напряжены его нервы.

Дверь медленно отворилась, и в комнату шагнул Ян Блажек, двоюродный брат Лукаша, сотрудник политической полиции.

Появление его было неожиданно: Ярослав Лукаш и думать забыл, когда Блажек последний раз переступал порог его дома, а Божена такого случая и совсем не помнила. Родственная связь между семьями братьев оборвалась давно. Блажек и Лукаш не искали встречи: слишком чуждыми оказались они людьми. Правда, к матери Блажека, своей тетке по отцу, Ярослав относился с любовью и уважением. Она жила отдельно от сына – не ладила с его женой. Туберкулез рано свел тетку в могилу. В продолжение ее болезни Ярослав часто навещал ее, поддерживая материально. Знал Лукаш и отца Блажека, сталевара одного из пражских заводов. Но тот умер раньше своей жены – в результате увечья, полученного во время аварии в цехе.

Яна Блажека Лукаш за глаза называл «барсельером» и «героем Копоретти». В годы Первой мировой войны Блажек служил добровольцем в чешском легионе, который входил в состав итальянской армии. Как и все бывшие легионеры, он сохранил итальянскую форму – смешную шляпу с перьями, которую и надевал на голову, когда нес почетную караульную службу в Граде. Блажек очень гордился легионерской формой.

Приход нежданного гостя изумил и отца и дочь. Недоверие и неприязнь – вот те чувства, которые они питали к Блажеку. Даже встречаясь с ним на улице, они старались не замечать

его. А вот теперь, в такие напряженные дни, Блажек без всякого предупреждения ввалился к ним прямо в дом! Как расценить этот неожиданный визит и что кроется за ним?

– Здравствуй, брат!.. Здравствуй, племянница! – невозмутимо приветствовал их Блажек.

Ярослав и Божена неохотно ответили ему и пригласили садиться. Божена ушла в свою комнату.

Блажек сел, обвел глазами стены, достал из кармана пачку сигарет, взял одну из них, помял ее между пальцами и закурил. По всему видно, он тоже чувствовал себя не совсем ловко и не знал, с чего начать беседу.

Крупная, массивная фигура Блажека, казалось, заполнила всю маленькую комнатку. Гость сутулился, будто боялся зацепиться за что-нибудь.

Он осторожно вертел сигарету в руках, поминутно дул на ее кончик. Наконец, после долгой паузы. Блажек поднял глаза и спросил:

– Как живешь?

Лукаш развел руками.

– Как и все.

Он терялся в догадках.

– А я к тебе с делом, – сказал Блажек и, нахмурившись, стал опять усиленно дуть на сигарету.

«Какое дело может быть у инспектора политической полиции к коммунисту? – раздумывал Ярослав. – Уже не пришел ли он забрать меня? В таком случае почему один? Это не в их правилах».

– Ну, выкладывай, я слушаю.

Ян Блажек помялся и начал нерешительно:

– Мне хотелось бы оказать тебе... ну, услугу, что ли... Понимай, как хочешь... Правда, этим я совершаю служебное преступление... – И, видя, что брат с сомнением смотрит на него, быстро добавил: – Да, не удивляйся! Именно преступление. Но я обязан тебе многим. Ты любил мою покойную мать, и она тебя любила. Ты заботился о ней, помогал ей...

В душе Лукаша боролись противоречивые чувства. Он вспомнил, что говорила о Блажеке его покойная мать: «Ян славный парень. Правда, избалован, но не испорчен, очень самолюбив, горд, но не зазнается, добр и не заносчив. Очень мне горько, что вы не дружите». Но что другое может думать мать о сыне? Откровенно говоря, Лукаш не очень-то доверял материнской характеристике и не изменил своего мнения о Блажеке. «Чужак. От своих отбил и вышел в чужаки. Самые опасные люди!» – рассуждал Ярослав.

Но сейчас он заподозрил другое. Наслышанный от товарищей по партии, от своего подпольного руководителя Червена о том, на какие провокации способна политическая полиция, Лукаш спрашивал себя: не скрывается ли за «родственной услугой» Блажека профессионально расставленная ловушка? Настороженный, он ждал, что скажет брат дальше.

Блажек произнес совершенно неожиданные слова:

– Удирай, Ярослав, из Праги... Тебе и ряду других твоих единомышленников угрожает арест... Если не сможешь уехать сегодня же, то ночуй где-нибудь вне дома.

Лукаш ушам своим не верил. Пытливо он смотрел прямо в лицо Блажеку. Но взгляд Блажека был спокоен и прям. Нет, Ян говорил искренне, говорил то, что думал, Лукаш понимал кое-что в людях.

– Тебя знают как старого коммуниста, как участника Гражданской войны в России на стороне большевиков, – продолжал брат. – Ты проведен у нас по всем учетам... Вот так. Я свой долг выполнил, а теперь пойду.

Блажек поднялся. Ярослав крепко пожал руку гостю. Поступок брата тронул его.

– Спасибо, Ян. Чего-чего, но этого я от тебя не ждал. Спасибо. Скажу правду, я верю и не верю тебе.

– А ты верь, – тихо проговорил Блажек. – Верь и прими немедленные меры.

– Хорошо. Но почему ты торопишься?

– Так нужно, – ответил Ян Блажек. – Да и о чем нам говорить?

Едва заметная под усами усмешка тронула его губы.

– Я думаю, что найдем тему для разговора, – твердо сказал Лукаш и, положив тяжелые руки на плечи брата, вынудил его сесть на прежнее место. – Вот ты сказал, что совершаешь преступление. Перед кем?

– Перед кем? – удивленно переспросил Блажек. – Неужели это не ясно?

Ярослав качнул головой.

– Нет.

Блажек пальцем разгладил волосы.

– Перед полицией, службой... Перед государством.

– Перед полицией – это понятно, перед службой – тоже. А вот перед государством – с этим согласиться не могу, хотя мы по-разному понимаем государство. Ты скажи мне: любишь ли ты свою родину, Ян?

– Обидный вопрос, Ярослав. Если моя жизнь не нужна родине, то мне самому она не нужна тем более. Если бы я не любил родину, я не пошел бы в пятнадцатом году в легионеры.

– Все это не то, Ян. Совсем не то. Широко известно, и тебе тоже, какую роль сыграли легионеры по возвращении домой. Зачем вспоминать об этом? Легионеры – далекое прошлое. Важно, что родина сейчас в большой опасности. А ты преданно любишь ее. Правильно?

Блажек слушал Ярослава терпеливо, но без всякого интереса. Конечно, он мог бы встать и уйти. К чему эти разговоры? Свой родственный долг он выполнил, а Ярослав своей философией только зря отнимает время. Но какая-то непонятная сила удерживала его в этой комнате.

– Мне бы хотелось знать, – продолжал Ярослав, – мог бы ты служить немцам, против которых дрался в мировую войну?

– Ты не обижайся, брат, но это глупый вопрос. Что у меня может быть общего с немцами?

Ярослав сердито сдвинул густые брови.

– Когда люди ведут откровенный и прямой разговор, – заметил он, – то вопросом на вопрос не отвечают.

– Я служить немцам не собираюсь, так же как и ты.

Ярослав усмехнулся, погладил усы.

– Я-то и в самом деле не буду, а ты уже служишь.

Блажек резко вскинул голову. Он никак не предполагал, что Лукаш, его двоюродный брат, даст волю своему тяжелому языку.

– Ты хочешь меня оскорбить? – спросил Блажек, слегка меняясь в лице.

– Нет, Ян, я хочу высказать тебе все, что лежит у меня на душе. Я хочу быть откровенным с тобой, хоть ты и инспектор политической полиции. Своим сегодняшним благородным поступком ты дал мне право на это. Может быть, это моя вина, что за твоим полицейским мундиром я не разглядел человека. Выслушай меня до конца. Никто из коммунистов, и я в том числе, никогда служить немцам не станет, а ты сам, не сознавая этого, уже служишь Гитлеру. И я тебе это докажу. По чьей указке, скажи мне, запретили деятельность коммунистической партии? Кому это на руку? Почему до Мюнхена мы, коммунисты, могли участвовать в политической жизни страны, а теперь нет? Все это делается по требованию Гитлера и в угоду ему. И осуществляют гитлеровский приказ Беран, Черны и твой начальник. Скажи мне: почему вы не бросаете в тюрьму гейнлейновцев, гестаповцев? Кто вам мешает? Почему правительство преследует только коммунистов? Или мы, коммунисты чехи, для вас страшнее, чем гайдовцы, влайковцы и гейнлейновцы? Вот, брат, как обстоит дело. Сегодня, послушные чьей-то воле, Черны и Беран смотрят на действия подлинных врагов родины сквозь пальцы, для нас же, патриотов-коммунистов, в спешном порядке строят трудовые лагеря, а завтра они станут делать

все, что прикажут им Гитлер и Гиммлер. И если это будет не так, то я сам приду к тебе, Ян, и попрошу арестовать меня за клевету на правительство. Со временем тебя и всех твоих сослуживцев они заставят выполнять приказы Гиммлера. Пойми, наши враги собираются душировать чехов руками самих же чехов.

Ян Блажек притушил окурочек сигареты о пепельницу и резко встал. Разговор принимал слишком рискованный характер.

– Ладно, Ярослав, довольно... Мне пора идти. Да и вообще на эту тему говорить бесполезно. Я прочно стою на ногах, и другого пути у меня нет. Будь здоров и последуй моему совету.

– Спасибо, Ян, – ответил Лукаш. – Но не забывай: стать до конца честным человеком никогда не поздно.

– Хорошо, не забуду, – сказал Блажек и перешагнул порог.

После его ухода Лукаш сказал Божене:

– Если Ян придет и скажет, что хочет повидать меня, ты попроси его подождать, а сама извести меня.

– Хорошо. А ты думаешь, он придет?

– Непременно. И сейчас он приходил не только затем, чтобы предупредить меня об аресте; его сердце, сердце чеха, беспокойно. Ну, а теперь мне пора.

Лукаш прижал голову дочери к груди, поцеловал в лоб, в щеки, внимательно и долго смотрел в ее глаза. В их глубине он прочел: «Береги себя, отец, ведь, кроме тебя, у меня никого нет».

Лукаш сказал:

– Все хорошо будет, дочка, не тревожься...

Через полчаса после ухода Лукаша в дверь снова постучали.

За дверью послышался голос Зденека Сливы. Божена впустила его в дом.

– Где же Ярослав? – спросил Зденек, сразу проходя во вторую комнату.

– Уехал.

– Куда?

– В Пльзень.

– Хм! Странно. Уехал и ничего не сказал.

– Нет, кое-что он сказал.

– Что же?

– Он просил передать вам, что из вас двоих кто-то уже умер.

Зденек растерянно посмотрел на девушку, вялые губы его вздрогнули. Он почему-то подошел к туалетному столику, взял расческу и машинально провел ею несколько раз по лысой голове.

Божена невольно улыбнулась.

Слива положил расческу и вернулся к Божене.

– Так именно и сказал? – переспросил он.

– Да.

Ничего больше не спрашивая, Зденек напялил на голову шляпу и, не попрощавшись, ушел.

2

Встреча и неожиданный разговор с братом взбудоражили уравновешенного инспектора политической полиции. Он понял, что живет в плену противоречий.

Прежде всего, он остро почувствовал несоответствие между тем, что он говорил брату и что происходит в его сознании. Неужели Ярослав умеет заглядывать в душу человека? Кажется, он догадался, что привело Блажека к нему в дом.

Идя к Лукашу, он выполнял ясный план, который заранее выносил и обдумал. Он отлично понимал, что совершает преступление, предупреждая брата и тем отводя от него неизбежный арест. Понимал это – и шел. Стремился отплатить Лукашу добром за добро? Да, стремился. Честно это с его стороны? Безусловно, честно. Но только ли это руководило им? Только ли уважение к памяти матери, ее любовь к Лукашу толкнули Блажека на рискованный шаг, на шаг, способный поколебать его служебное благополучие и даже поставить под угрозу его жизнь? Пожалуй, нет. Далеко нет. Но обидно и досадно, что, кажется, это понял и Ярослав Лукаш.

Но как Ян Блажек мог допустить такой разговор? Он предупредил Ярослава об опасности и встал, чтобы уйти. Брат горячо пожал ему руку, очень горячо, и в глазах его мелькнуло неподдельное чувство признательности. Никогда Блажек не видел таких глаз у людей. Они смотрели на него с недружелюбием, со страхом или ненавистью. А в глазах Лукаша – благодарность. Это взволновало Блажека. Но он не подал вида и стал прощаться. Оставалось открыть дверь и уйти, но он, Блажек, уважил приглашение Ярослава и снова сел на стул. Вот отсюда-то все и началось. Лукаш сказал ему что-то обидное, ударявшее в самое сердце. Что-то о родине. Любит ли он родину? Не надо было слушать. Встать и уйти – и всему конец. Но он продолжал слушать. Сидел и слушал. Впрочем, не больше тридцати минут. Он хорошо помнит, что посмотрел на часы, когда стучал в дверь Лукаша и когда вышел от него. Полчаса – небольшое время, сущие пустяки. Но почему этот разговор растревожил Яна Блажека? Разве он самостоятельно не разбирается в том, что творится вокруг? Конечно, разбирается. Пока все идет нормально. Правда, кое-что Блажеку не нравится. Но... это еще далеко от того, что утверждает брат. Берут коммунистов. Верно. Однако их брали и раньше. Теперь решили взять всех. В этом правительство видит какой-то особый смысл. Видимо, оно решило подавить любые беспорядки в государстве. Только в одном Ярослав прав безусловно – это в недоверии к немцам. Блажек и сам обратил внимание на то, как подозрительно и нагло они себя ведут.

Еще в начале года Блажек обнаружил и доложил начальнику полиции Выслужилу, что штаты немецкого посольства в Праге чрезмерно раздуты. Выслужил ответил Блажеку: «Это не наше дело. Пусть немецким посольством занимается министерство иностранных дел».

Ну хорошо, допустим, что это так. Допустим, что в этом случае Блажек влез не в свои сани. Но почему же Выслужил, а заодно с ним министр внутренних дел Черны и пальцем о палец не ударили, когда выяснилось, что в стенах германского посольства прикрывается именем сотрудника пресс-атташе матерый шпион Грегори?

А что предприняли Выслужил и Черны против судетских немцев – депутатов парламента: Франка, Кундта, Прейса, Вестена, Шрейберга, Шефера и других, которые почти на глазах у всех проводили антигосударственную деятельность? Ничего, абсолютно ничего.

А как понимать такой факт? По приказанию самого Черны вся полиция, в том числе и он, Блажек, только в одной Праге выявили несколько сотен гестаповских агентов, заброшенных в Чехословакию с фальшивыми паспортами.

Но репрессиям подверглись только единицы из них, да и тех скоро выпустили из тюрем.

В конце августа Блажек был командирован в город Либерец на расследование случая с избиением рабочих-чехов. Он выполнил поручение. Точно установил, что двадцать восьмого августа хозяин одного из городских ресторанов, немец-гейнлейновец, предложил пятнадцати рабочим-чехам покинуть его ресторан. Когда рабочие отказались, хозяин пригласил штурмовиков. Рабочих жестоко избили. Блажек начал следственное дело, допросил свидетелей, пострадавших, нашел виновников. А шеф вернул ему докладную записку с короткой резолюцией самого Выслужила: «От возбуждения уголовного преследования временно воздержаться».

Об этом никто не знает. Если бы это стало широко известно, то Выслужилу, пожалуй, не поздоровилось бы. А может быть, стало известно? Неспроста же Лукаш спросил, почему

полиция арестовывает коммунистов и не трогает гейнлейновцев. Неспроста. От народа трудно что-нибудь скрыть...

Блажек, чтобы отделаться от беспокойных мыслей и немного рассеяться, совершил прогулку по ночной Праге. Забрел в кафе, выпил несколько рюмок коньяку. На душе стало легче. Вернулось привычное самообладание, уверенность в том, что все идет своим размеренным порядком. Шагая домой, Блажек подсмеивался над своими недавними сомнениями.

«К чему вся эта бесплодная философия? Каждый делает свое дело», – резюмировал он, открывая ключом дверь квартиры.

С этой мыслью он ложился в постель, но, уже засыпая, почему-то снова вспомнил слова Ярослава: «Стать до конца честным человеком никогда не поздно».

Глава одиннадцатая

1

Двадцать восьмое октября.

Утреннее солнце пробилось сквозь туманную дымку, повисшую над Прагой. Его лучи озарили памятник Яну Гусу, украшенный живыми цветами. Красноречивее всяких слов говорила эта молчаливая демонстрация чешского народа, отмечающего двадцатилетие Чехословацкой республики.

Правительство Сыровы забыло об этой дате. Забыли о ней и социал-демократы, и национальные социалисты, и аграрники, и гайдовцы. Или сделали вид, что забыли. В страхе перед Гитлером они готовы были отказаться от всего, что напоминает о свободе и независимости Чехословацкого государства.

Но разве мог забыть эту дату народ?

Человеческое море затопило улицы Праги. Люди шли тесными рядами в торжественном молчании, без флагов и плакатов, без оркестров. Живой поток не прекращался, ему не виделось конца. Чем ближе к полдню, тем многочисленнее становились улицы: все больше пражан примыкало к шествию.

Староместская площадь – свидетельница великих исторических событий в жизни чешского народа. Здесь когда-то глашатаи объявляли королевские указы, и пять с лишним столетий назад под ударами палачей пали шестьдесят последователей Яна Гуса. И вот теперь на Староместской площади, у могилы неизвестного солдата, собралась огромная толпа.

В центре площади возвышался монумент бессмертного Яна Гуса. Национальный герой смотрел на толпы народа со своего гранитного пьедестала с высеченными на нем пламенными словами: «Любите правду! Боритесь за правду!»

И мертвый Гус как бы говорил живым: «Держитесь, стойко, братья! Я боролся за ваше счастье... Боритесь и вы... Боритесь за правду! Где правда – там победа. Я не боялся врагов. Не бойтесь их и вы».

2

У моста Палацкого Божена увидела отца.

– Приходил Ян два раза, – шепнула она ему на ухо, – очень хочет тебя видеть. Он и сейчас сидит у меня.

В глазах Ярослава промелькнула искренняя радость: кажется, он не ошибся в своих предположениях – брат все-таки пришел. Ярослав молча посмотрел на дочь. Она заметила его радость и улыбнулась ему.

– Я буду ждать его в десять часов на Летне, – сказал Лукаш.

И они разошлись в разные стороны.

По пути Ярослав заглянул к товарищу Червению и рассказал о предстоящем свидании с Яном Блажеком. Червень и раньше слышал о нем от Лукаша.

– Иди, – сказал Червень, – я на всякий случай буду недалеко.

Лукаш поднялся в полупустом фуникулере на Летну. Прошелся по тускло освещенной аллее верхнего парка и вскоре увидел брата. Ян Блажек ускорил шаг, подошел к Ярославу и, не обронив ни слова, подал руку.

В молчании они обогнули край парка и сели на пустую скамью.

Отсюда открывалась панорама вечерней Праги, залитой морем огня; четко обозначились ансамбли площадей, набережная, резиденция президента – Град, мосты через Влтаву. Несмотря на поздний вечер, шествие на улицах столицы не прекращалось.

– Это вы подняли народ? – нарушил молчание Блажек и протянул Ярославу пачку сигарет.

– Да, мы, – ответил Лукаш. Сигарету он не взял, а вынул из кармана трубку и стал набивать ее табаком.

И опять помолчали.

Блажек, как и в прошлый раз, терялся, не зная, с чего начать разговор, а Лукаш с внутренней взволнованностью ждал этого начала.

– Ты хорошо сделал, что ушел из дому, – медленно проговорил Блажек.

Ярослав подумал: это еще только подступ к настоящему разговору.

– А вот от трубки, – продолжал Блажек, – я бы на твоём месте отказался.

Ярослав повернул к брату голову и с недоумением посмотрел на него.

– Я серьезно говорю, – подтвердил Блажек. – Никто не может себе представить Ярослава Лукаша без трубки. Понимаешь? Эта трубка занесена в твоё дело.

– Ах, вот оно что! Оказывается, политическая полиция неплохо знает своё дело. – Лукашу и в голову не приходило, что трубка может служить одной из его примет. – Так, так... Что ж, совет убедительный, придется отказаться от трубки... Спасибо, Ян. Вот и опять ты предостерег меня. – И, не сдержавшись, Ярослав спросил прямо: – Для этого ты и хотел меня видеть?

Ян Блажек сделал решительный жест.

– Нет! Я хочу поделиться с тобой кое-какими новостями. – Он откашлялся, огляделся по сторонам, сделал несколько глубоких затяжек. – В полиции сейчас тоже делается немало странного. Всех, кто себя чем-нибудь скомпрометировал, слишком прямо, например, высказал определенные взгляды, – всех таких отсылают в провинцию, переводят на наружную службу или вовсе увольняют. Идет тщательная и придирчивая проверка.

Ярослав прекрасно понимал, зачем и почему это делается. Только Яну мог показаться «странным» курс правительства на фашизацию государственного аппарата.

Но ни Ярослав, коммунист-подпольщик, ни Ян Блажек, инспектор полиции, не знали и не могли знать, что именно сегодня, в день двадцатой годовщины республики, в те часы, когда народ заполнил улицы Праги, правительство Сыровы, Черны, Берана одобрило соглашение о сотрудничестве чехословацкой полиции с гестапо.

– Несколько человек из полиции, – рассказывал Ян, – сами подали рапорты об уходе.

– А твои дела как? – поинтересовался Ярослав. – Тебя не гонят?

– Нет, оставили. Вот это и угнетает меня больше всего. Ты был прав тогда. Не пришлось бы в самом деле работать с гестапо, – Ян опустил голову и задумался.

Ярослав, наблюдая за братом, решил не навязывать ему своих мнений. Пусть самостоятельно взвесит положение и оценит факты.

– Знаешь, мне пришла в голову мысль, – продолжал Блажек, – не подать ли рапорт об увольнении? Так, пожалуй, будет честнее.

Нет, брат не сделал вывода, которого ждал Лукаш.

– С уходом не торопись.

– Почему? – Блажек удивился.

– Ты мне дважды подал хороший совет, а я тебе даю совет в первый раз: не торопись! Почему? Сейчас не спрашивай. Скажу после.

Блажек пристально посмотрел в глаза Ярославу и протянул ему руку.

– Что ж, спрашивать не буду... Подожду.

Глава двенадцатая

1

У входа в здание Генерального штаба подполковник Иржи Мрачек встретился со своим старым другом, однополчанином. Разговорились.

– Слышал новость?

– Ты о чем? – спросил Мрачек.

– Возникла партия так называемого национального единства.

– Нет, не слышал.

– Что же, ты газет не читаешь?

– Признаться, за последнее время они опротивели мне. Что это за партия? Какая у нее платформа?

– Винегрет какой-то. Все смешалось в кучу. Слились воедино: республиканская партия Берана и Годжи, национально-социалистическая – Клофача и Франке, живостенская – Млчоха, Национальное объединение – Годача – Прейса, Чехословацкая народная партия – Шрамека и Сташека, Национальная лига – Стржибрны и Национально-фашистская община – Гайды. Председателем подготовительного комитета избран Рудольф Беран.

– Трогательное единение, – заметил Мрачек. – Грызлись друг с другом, как собаки, а теперь...

– Теперь социалисты и фашисты, демократы и промышленники тесно сомкнули ряды! Знаешь, кого Беран прочит в президенты?

– Кого?

– Председателя верховного административного суда.

– Эмиля Гаху?

– Да.

Мрачек недоверчиво покачал головой.

– Вряд ли народ согласится на такого президента!

Собеседник его рассмеялся.

– Зато для Берлина это приятная кандидатура.

Мрачек посмотрел на часы.

– Возможно. Однако мне пора, – сказал он.

– Я слышал, ты ждешь неприятностей?

– Я к ним подготовился, – твердо ответил Мрачек. – Почти месяц ждал вызова. За такой срок можно многое передумать и взвесить.

– Кто тебя вызывает? Генерал Крейчи?

– Нет, его помощник.

– Миклик?

– Да.

– Не знаю, чего и пожелать тебе, – сказал приятель, – что посоветовать.

– Ничего не советуй, я готов ко всему.

2

Друзья расстались.

В приемной помощника начальника Генерального штаба непрерывно трещали телефоны и вызывные звонки, сновали офицеры-штабисты со свернутыми картами и пухлыми папками под мышкой.

Иржи Мрачек долго сидел на диване в ожидании приема. С насмешливым интересом он следил за адъютантом, который успевал справляться с несколькими телефонами одновременно, перекладывая бумаги из папки в папку, относить их на подпись и делать вызовы.

После очередного разговора по телефону адъютант выскочил из приемной и тотчас возвратился в сопровождении двух солдат. У одного из них была в руках небольшая лесенка, у другого – портрет. Чей портрет – Мрачек не мог разглядеть: солдат держал его тыльной стороной наружу.

– Быстрее! Быстрее! – командовал адъютант. Солдат приставил лесенку к стене, поднялся по ней, снял с гвоздя портрет бывшего президента Бенеша и на его место повесил новый. Теперь Мрачек хорошо разглядел лицо Эмиля Гахи, похожее на гриб сморчок. Новый президент! Позвольте... Ведь выборов-то еще не было? Как же так?

«Чего доброго, и портрет Гитлера вывешат рядом», – подумал Мрачек.

Но в это время адъютант открыл дверь.

– Войдите!

Мрачек вошел в просторный кабинет и вытянулся шагах в двух от стола, за которым сидел генерал Миклик. Занятый чтением документа, на котором делал пометки, генерал долго не обращал внимания на Мрачека.

На стене висела большая карта Чехословакии, исчерченная на севере, западе и востоке жирными полосами.

Наконец генерал отбросил документы и посмотрел на Мрачека холодным, безразличным взглядом.

– Я не ожидал от вас такого непродуманного поступка в столь тяжелые дни. Вы опозорили честь офицера, осложнили наши отношения с польским командованием.

– Зато я защитил честь родины, господин генерал, а она мне дороже всего, – спокойно произнес Мрачек.

– Мало этого, – как бы не слыша его, продолжал Миклик. – Ваш ординарец, воодушевленный явно недостойным для офицера поступком, вызвал беспорядки среди солдат.

– Об этом мне неизвестно, господин генерал, – сказал Мрачек.

Он и в самом деле ничего не знал о солдатских беспорядках. Отказавшись надеть белую повязку и работать в комиссии, отстраненный от работы, он тотчас же выехал в Моравскую Оставу. Ординарец Антонин Слива, сопровождавший его в Прагу, ни одним словом не обмолвился о том, что произошло в части.

– Зато нам все хорошо известно, – повысил голос генерал. – Расследование окончено, и я приказал отдать под суд вашего ординарца. А вы... вы, – он старался подобрать подходящее слово, – вы недостойны носить мундир офицера.

Мрачек проглотил обиду, сделал два шага к столу и подал Миклику лист бумаги.

– Что это?

– Рапорт. Я со своей стороны тоже не хочу оставаться офицером армии, которая отказывается защищать честь и достоинство нации. Я не хочу пятнать свою совесть патриота родины.

– Пятнать, пятнать! – передразнил его генерал. – Я думаю, нам говорить с вами больше не о чем.

Мрачек четко повернулся через левое плечо и быстро вышел...

Прага жила своей деятельной жизнью. Непрерывным потоком катились автомашины, торопливо сновали на тротуарах горожане, выкрикивали свежие новости продавцы газет... Мрачек ничего не замечал, ничего не слышал. Машинально сворачивая с улицы на улицу, он

шел наобум, наугад, не держа никакого направления, шел без всякой цели. «Я больше не офицер, не подполковник», – упрямо твердил он одну и ту же фразу.

Чувство опустошенности и апатии охватило Иржи Мрачека. Ему казалось, что он все потерял в жизни и оказался чужаком в своем родном городе. Долго он бродил по улицам Праги, прежде чем решился, усталый и измученный, вернуться домой.

В передней его ждал ординарец Слива.

– Здравствуйте, господин подполковник! – бодро приветствовал Антонин своего командира.

Мрачек тусклыми глазами посмотрел на ординарца.

– Я больше не подполковник, я вышел в отставку... А тебя, мальчик, хотят упрятать за решетку. Ты ничего не говорил мне, а положение создалось серьезное...

Антонин широко раскрыл светло-карие глаза. По его выпуклому лбу побежали к переносице тоненькие морщинки. Он силился понять, что означают слова его начальника.

– Ты рассказывал солдатам, что я отказался надеть белую повязку? – спросил Мрачек.

– Рассказывал. Все одобрили. Да что там, так возликовали, что словами не скажешь. Некоторые солдаты начали погоны срывать...

– Вот за это ликование тебя и будут судить, – оборвал его Мрачек.

– Ну и на здоровье... Пусть судят. Я и на суде смело заявлю, что на месте подполковника Мрачека поступил бы точно так же.

Улыбка тронула губы подполковника.

– И ты надеешься, что после такого заявления тебя оправдают?

Антонин сказал просто:

– Нет, не надеюсь. Но наступит время...

Когда ординарец взялся за ручку двери, собираясь уходить, Мрачек остановил его:

– Подожди минутку... – Мрачек, стоя в раздумье посреди передней, двумя пальцами потирал лоб. У него возникла неосторожная мысль, до того дерзкая, что он просто не знал, как ее высказать. – Я... я хочу дать тебе один совет. Правда, совет этот... как бы тебе сказать?... Ну, не слишком-то украсит офицера, тем паче бывшего твоего начальника... Но придется... придется дать такой совет.

И Мрачек закончил решительно:

– Ты не возвращайся в часть, не надо. Тюрьмы тебе не миновать... Скройся. Останься в Праге, а придется трудно – свяжись со мной. Я буду жить в деревне, на хуторе своих родителей, недалеко от Конопиште – километрах в полутора-двух. А впрочем, как знаешь... Самому тебе виднее.

Глава тринадцатая

1

В служебный кабинет Прэна ввалился пожилой мужчина и назвал себя представителем чешской фирмы «Колбен-Данек» Гоуской. Над правой бровью его темнел неглубокий, но заметный шрам.

– Я пришел к вам за содействием, – начал Гоуска, удобно расположившись в кресле. – У меня есть друзья, в судьбе которых я кровно заинтересован. Я бы хотел оказать им услугу, а это зависит от вас.

– Мне кажется, я где-то вас видел, – проговорил Прэн, всматриваясь в лицо гостя.

– У нас с вами есть общая знакомая... Эльвира Эрман... Она и порекомендовала мне вас, – пояснил Гоуска.

– Ах, Эрман! Теперь понятно... Продолжайте, я вас слушаю.

– Так вот, – говорил Гоуска, передвигая на столе тяжелую бронзовую пепельницу, – я связан деловыми отношениями со многими промышленниками как здесь, так и за границей. Среди моих знакомых есть немало евреев, которым в свое время удалось благополучно вырваться из когтей Гитлера и найти прибежище в Чехословакии. Все это известные и уважаемые люди из Берлина и Лейпцига, особенно пять семейств среди них. Поскольку обстановку в Праге сейчас, а в будущем тем более, нельзя назвать для них надежной, они желали бы получить визу на въезд в США. Конечно, выехать можно не только в США, но и в Южную Америку, Швейцарию, Англию – выбор большой. Но для этих господ предпочтительнее в США, так как их деньги хранятся в американских банках.

Гоуска добавил, что его друзья уже обращались с этой просьбой к господину Сойеру. Мистер Сойер обещал подумать, но думает он что-то слишком долго. А политическая ситуация требует быстрых действий.

– Я вам тоже не обещаю скорого ответа, – сказал Прэн. – Это большая волокита, связанная...

– Я понимаю... Все понимаю! – прервал его на полуслове Гоуска. – Дело упирается в неизбежные расходы...

– Совершенно верно, – подтвердил Прэн.

– Но я еще раз обращаю ваше внимание на то, что это люди весьма состоятельные и все расходы они, конечно, примут на себя. В этом не может быть сомнений. Если вы не возражаете, я могу их представить вам.

– Нет, нет, – торопливо отказался Прэн и даже, предостерегая, поднял руку. – В этом нет никакой нужды. Я предпочитаю иметь дело лично с вами.

Удовлетворенный таким оборотом дела, Гоуска благодушно засиял улыбкой.

– Я вас понимаю и могу сейчас же передать вам все необходимые документы. Они при мне. – Он полез в карман пиджака, вынул объемистый пакет, перетянутый резинкой, и положил его на стол. – Здесь и паспорта, и все, что полагается. Когда прикажете зайти?

– Дня через три, не раньше, – ответил Прэн.

Гоуска раскланялся и вышел.

Когда гость удалился, Прэн заглянул в пакет. В нем, кроме паспортов, лежал чек на Чикагский банк на десять тысяч долларов.

Паспорта он положил в ящик стола, чек – в карман. Потом подошел к телефону и набрал номер.

– Хелло! Это ты, Эльвира? Необходимо тебя видеть... Да, я, Роберт... Буду ждать в «Альгамбре»... В твоём распоряжении сорок минут...

2

Снимая корку с апельсина, Прэн внимательно слушал Эльвиру. Предметом сегодняшнего разговора был Гоуска. Она охарактеризовала его с положительной стороны. Гоуска – представитель фирмы «Колбен-Данек» в балканских странах; безусловно, человек солидный, располагающий широкими связями в промышленных влиятельных кругах.

Эльвира по-прежнему чувствовала себя легко и свободно в обществе Прэна. Она уже не жаловалась на новые отношения, сложившиеся между ней и американцем. Вначале характер их угнетал ее, а потом она приспособилась и свыклась. Во всяком случае поручения Прэна не шли ни в какое сравнение с поручениями брата. Они не только не затрудняли, но даже интересовали ее. А самое главное – личные доходы ее значительно увеличились.

– У нас в «Амбаси» за последнее время появилось много новых гостей, – рассказывала Эльвира. – В большинстве немецкие евреи. Хотят бежать из Чехословакии, просят содействия, предлагают большие деньги.

Это не являлось новостью для Прэна. У генеральных консульств росли очереди за получением виз. Права на выезд добивались крупные еврейские дельцы, в свое время бежавшие из Австрии и Германии и сделавшие в Праге вынужденную остановку; чешские богачи, связанные с западом; социалисты различных оттенков, пытающиеся подражать Бенешу; чешские легионеры, возлагавшие надежды на генерала Прхалу, якобы формировавшего какие-то военные соединения в Польше. Просторные помещения иностранных посольств были забиты представителями буржуазных кругов, имеющими счета в заокеанских банках. Немало толклось здесь людей, не желающих встречаться с организаторами «нового порядка».

Прэн знал, что англо-американские правящие круги были заинтересованы в спасении некоторых политических деятелей Европы и представителей буржуазии, строя на этом далеко идущие планы. Вместе с этим шла открытая торговля визами. Скупались за бесценок золото, серебро, дорогой хрусталь, французские гобелены, фамильные сервизы, пушнина, ковры, уникальный фарфор, картины знаменитых мастеров, антикварные редкости.

– Может быть, Эльвира тоже хочет подработать на этом? – спросил Прэн с улыбкой.

– Ты угадал. Глупо упустить такую возможность. Посуди сам, дорогой: визы предлагают аргентинцы, парагвайцы, португальцы, кто угодно.

Это не шло вразрез с планами Прэна. Действительно, упускать удобный случай не имело никакого смысла.

– Что ж, я не возражаю, – согласился он. – Договоримся так: от четырех до пяти ежедневно будем встречаться в правом зале кафе «Коруна», наверху. Ты будешь подыскивать подходящие кандидатуры и подробно рассказывать мне о них.

– А не лучше ли действовать через Гоуску?

– Почему?

– Так удобнее. Я буду всех желающих сводить с ним, а он сумеет направить разговор в нужную сторону.

– Пожалуй... Ты умница. Кстати, что это за господин провожал тебя позавчера?

Эльвира нахмурила брови, припоминая.

– Ты имеешь в виду, очевидно, врача Милаша Нерича. Интересный мужчина. Он подданный его величества короля Югославии.

– Постой! Этого Нерича я, кажется, встречал еще весной тридцать седьмого года в Карлсбаде. Он там был вместе с югославским военным атташе Драже Михайловичем.

– Возможно. Нерич друг моего брата.

– Личный друг или по службе? – допытывался Прэн.

– Они давно знакомы, еще со студенческих лет.

– Хм... Интересно. А ты не можешь рассказать мне о Нериче поподробнее – ну, хотя бы о его взаимоотношениях с братом?

– Могу... Но если об этом узнает Мориц, мне несдобровать. У него в последнее время одна неприятность за другой.

– Не волнуйся, – успокоил ее Прэн. – Мне нет никакого смысла ставить тебя в ложное положение. Итак, рассказывай! – Он вооружился ручкой и раскрыл записную книжку...

Спустя примерно час Прэн вышел из «Альгамбры». Газетчики бежали по улицам, выкрикивая звонкими голосами:

– Новый президент Гаха!

– Правительство Сыровы ушло в отставку!

– Бенеш прислал из Лондона поздравительную телеграмму по случаю избрания Гаха президентом!

– Итальянцы требуют удовлетворения своих территориальных претензий!..

Глава четырнадцатая

Як Блажек ушел со службы около двух часов ночи. Шеф затянул совещание. И только теперь, после совещания, Ян Блажек окончательно убедился, насколько был прав в своих пророчествах Ярослав Лукаш и он сам во всех своих сомнениях. Шеф недвусмысленно дал понять подчиненным, что между политической полицией республики и немецким гестапо достигнуто соглашение. В чем? Шеф выразился очень мягко: достигнуто соглашение о контактировании работы.

Ян Блажек не мог прийти в себя от негодования. Какой позор! Какая грязная сделка! Сослуживцы, сидевшие рядом с ним, сообщение шефа восприняли спокойно, а некоторые даже выразили удовлетворение. Это еще больше возмутило Блажека, ему было стыдно за товарищей. После совещания, ни с кем не попрощавшись, он направился домой. На улицах было почти безлюдно. Запорошенные снегом дома и деревья преобразили Прагу, зимнее убранство молодило ее.

Поровнявшись с центральным входом в «Дейч-Хаус», Блажек заметил среднего роста мужчину с портфелем в руке. Человек словно раздумывал, куда ему идти.

Натренированный глаз Блажека в одно мгновение, подобно объективу фотоаппарата, зафиксировал внешность незнакомца. На нем была мягкая темная шляпа, длинный реглан на верблюжьей шерсти. Но не это привлекло внимание Блажека, а несоразмерно длинное лицо незнакомца, его большой рот и широко расставленные сверлящие глаза.

«Видит бог, – подумал Ян, – я где-то видел этого человека!» И память тотчас же подсказала: «Это Артур Зельц. Он! Я хорошо изучил его по фотоснимкам».

Незнакомец приподнял воротник, закурил и, пропустив вперед Блажека, зашагал за ним следом.

«Нет, это меня не устраивает», – решил Блажек. Пройдя с полсотни шагов, он сделал вид, что поскользнулся, и навзначь упал на тротуар. Затем, охая и крихтя, принялся растирать якобы ушибленную коленку.

Незнакомец прошел мимо.

«Вот так-то будет лучше», – рассуждал Блажек. Поднявшись на ноги и стряхнув снег с пальто, он последовал за человеком.

Незнакомец слегка прихрамывал на левую ногу, и эта примета окончательно убедила Блажека в том, что перед ним Артур Зельц, немецкий диверсант, трижды ускользавший из рук чешской полиции.

Выйдя на Гибернскую улицу, Зельц перешел на противоположный тротуар и двинулся к вокзалу Масарика.

«Любопытно, под какой фамилией он пожаловал сюда? – размышлял Блажек, ускоряя шаг и сократив расстояние между собой и Зельцем метров до десяти. – В октябре он приезжал, имея швейцарский паспорт, и, кажется, носил фамилию Бонне. А теперь?»

У вокзального подъезда Блажек быстро настиг Зельца, схватил под руку и так сильно сдавил его запястье, что Зельц скривился. Теперь бегство было невозможно.

– Не пытайтесь вырваться, у меня еще никто не вырывался из рук, – шепнул Блажек на ухо Зельцу. – А попытаетесь – будет хуже для вас. Идемте со мной...

В комнате железнодорожной стражи у телефона сидел полицейский. Когда Блажек показал свой значок, полицейский встал, оправил мундир, поясной ремень, и лицо его вытянулось: он ждал приказа.

– Где дежурный? – спросил Блажек.

– У себя, – полицейский кивнул на обитую дверь.

Отрекомендовавшись дежурному и попросив оставить его наедине с задержанным, Блажек сразу приступил к допросу. Первым делом он потребовал от Зельца документы.

Зельц полез в карман и подал ему паспорт.

Блажек едва сдержал улыбку: у него в руках был заграничный швейцарский паспорт на имя Артура Бонне, уроженца Берна.

– А не кажется ли вам, – спросил Блажек, – что вы такой же Бонне, как я один из сиамских близнецов?

Зельц рассмеялся резко и как-то неестественно.

– Нет, не кажется, – ответил он.

– А если я назову имя, которое вам дали ваши почтенные родители?

– Смею вас заверить, что оно ничем не будет отличаться от того, какое стоит в паспорте.

– Вы уверены?

– Конечно.

– Кем были ваши родители?

– Сознаюсь, в их дела я не вникал, они умерли очень рано.

– До вашего рождения?

– Нет, немного позднее.

Зельц, отвечая, шнырял глазами по стенам комнаты. Но решетки на окнах, как видно, ему не понравились.

– Мне кажется, что к вашей внешности, – продолжал Блажек, – лучше подошла бы фамилия Зельц. А? Или у меня притупилась память?

Почти невидимая для глаз конвульсия прошла по лицу Зельца. Губы его побелели. Он снова рассмеялся, но теперь уже совсем не весело.

– К великому сожалению, я не Зельц...

– Жаль, искренне жаль, – развел руками Блажек. – Неужели произошла роковая ошибка? Зельц поднялся с места.

– Одну секунду, – сказал Блажек и нажал кнопку звонка. – Одну секунду... Маленькая формальность.

Вошел полицейский.

– Обыщите, – приказал Блажек.

Зельц побледнел.

Полицейский вынул из карманов арестованного и положил на стол бумажник, записную книжку, портсигар, зажигалку, носовой платок, из заднего кармана извлек «Вальтер» на предохранителе и с патроном в стволе.

– Вот видите, – иронизировал Ян. – Какой же вы Бонне? Швейцарскому коммерсанту не нужны пистолеты. Надеюсь, в портфеле у вас найдутся не менее интересные вещи?

Полицейский выворотил портфель, точно наволочку, и оттуда выпали несколько номеров утренних газет, два моточка детонирующего шнура, электродетонатор, три запала, кусачки, набор ключей и отмычек.

– Вы можете быть свободны, – сказал Блажек полицейскому.

Тот удалился.

Блажек начал перелистывать записную книжку, один из листков привлек его внимание. Наспех набросанный чертеж изображал расположение комнат в «Дейч-Хаусе».

Блажек призадумался: зачем немецкому диверсанту понадобился «Дейч-Хаус»? Другое дело – чешский парламент, здание ЦК компартии или что-нибудь в этом роде. Но «Дейч-Хаус»?.. Он пристально поглядел на Зельца.

– Вы не разъясните мне, что значит этот чертеж?

Зельц молчал.

– Ага... Не желаете отвечать? – Блажек сбросил с себя пиджак, засучил рукава и, приблизив к лицу Зельца свой мощный кулак, спросил: — Может быть, вы нуждаетесь в моей помощи?

Зельц прищурился и легонько отстранился.

– Что же, это методы чешской полиции? – пробормотал он.

– С некоторых пор, – пояснил Блажек. – Позаимствованы у соседей.

– В таком случае применяйте их к своим чехам, я... я иностранный подданный... Я не позволю...

Дальнейшее произошло мгновенно. Послышался шум падающего тела, и вот Зельц лежал навзничь на полу, разметав руки. Блажек, набирая из стакана в рот воды, брызгал ему в лицо.

Через несколько минут Зельц пришел в себя. Поднявшись, он обвел блуждающим взглядом комнату, пытаясь сообразить, что произошло с ним. У него был вид человека, переживающего приступ морской болезни. Он покачивался, как дерево под ветром.

– Хватит или добавить? – спросил Блажек.

Зельц промычал что-то нечленораздельное и замотал головой.

– Садитесь! – приказал Блажек.

Зельц водворился на прежнее место, ощупал левое ухо и поморщился.

– Послушайте, – продолжал Блажек. – Если вы не лишены воображения, то представьте себе, какой у вас будет вид, если я в течение часа нанесу вам шестьдесят таких ударов.

Зельц сообразил, что отмалчиваться небезопасно.

– Спрашивайте.

Блажек улыбнулся.

– Вот это другое дело! Теперь выкладывайте все начистоту и забудьте про господина Бонне.

– Я попрошу стаканчик воды, – сказал Зельц.

Выпив воду и закурив, Зельц начал свой рассказ. Говорил он медленно и долго.

Блажек слушал его, не прерывая. Во время рассказа он или сидел, или, вставая, расхаживал по комнате. Когда Зельц закончил, Блажек задал ему только три вопроса.

– Итак, вы действовали по поручению штандартенфюрера фон Термина?

– Да, – твердо ответил Зельц.

– А кто такой Мориц, который руководил вами здесь?

– Фамилия его мне неизвестна. Он старый сотрудник гестапо, живет в Чехословакии. Высокий худощавый блондин, кажется юрист по профессии. Он снабдил меня всем необходимым для дела.

– И вам не жаль было своих земляков?

Зельц криво усмехнулся.

– Земляков в Праге много, а «Дейч-Хаус» – один.

Блажек задумался. Зельц смотрел на него с усмешкой.

– Вы свалили дурака и без всякой необходимости ударили меня. Вам должно быть известно, господин инспектор, что между гестапо и чешской политической полицией установлен альянс.

– Да, мне это известно, – мрачно ответил Блажек. – Сознаюсь откровенно: раньше я не выпустил бы вас из своих рук, а теперь...

– Понимаю.

– Но и решить вопрос без своего шефа я не имею права.

– Так поедemте к вашему шефу, черт его побери, я не прочь! – окончательно осмелев, воскликнул Зельц.

Блажек в раздумье потер свой подбородок.

– В здание полиции я вас не повезу, – сказал он спустя минуту. – Это ни мне, ни вам не выгодно. Мы отправимся на служебную квартиру шефа, там есть телефон, и мы вызовем его.

– Не возражаю, – согласился Зельц.

– Отсюда мы выйдем на равноправных началах, – доверительно сказал Блажек и начал укладывать в портфель все изъятое у Зельца. «Вальтер» он после некоторого раздумья сунул к себе в карман. – А портфель пусть будет при вас. Думаю, что шефу не стоит говорить о недоразумении. Как вы находите?

Зельц притронулся к ушибленному уху.

– По-моему, это разумно.

Блажек сказал вошедшему полицейскому:

– Мы уходим... Произошло небольшое недоразумение.

Стрелка на часах приближалась к шести утра.

Блажек и Зельц взяли такси. Спустя десять минут машина остановилась на углу улицы. Около большого жилого дома Блажек посмотрел по сторонам и только после этого вошел в подъезд.

Поднявшись по лестнице на четвертый этаж, Блажек стал шарить по карманам, отыскивая ключ. Зельц, прочитав на медной табличке «Доктор Рейнман», хитро и понимающе подмигнул Блажеку.

– Квартира пуста, – успокоил его инспектор политической полиции, открывая дверь. – Без свидетелей в таких делах лучше. Проходите.

Когда Зельц шагнул через порог в темный коридор, Блажек неожиданно с силой ударил его рукояткой «Вальтера» по затылку. Зельц грохнулся на пол. Тогда Блажек закрыл дверь, включил свет и поволок в комнату бесчувственное тело диверсанта. Он надел на Зельца металлические наручники, затем, связав его по рукам и ногам, прочно прикрепил к отопительной батарее.

Лишь после этого он опустился на диван, откинулся на спинку и облегченно вздохнул.

Зельц очнулся минут через двадцать.

Блажек вынул из портфеля платок Зельца и засунул ему в рот.

Глава пятнадцатая

1

В маленькой полуподвальной комнатухе Владислава Морганека было темно. На улице уже светало, но сюда свет пробивался с трудом; утро в этой комнате всегда наступало поздно. До слуха Лукаша доносились приглушенные голоса и топот ног: по соседству работала небольшая мастерская химической чистки и окраски верхней одежды. Лукаш уже привык к этим звукам; вот уже две недели они будят его, и он угадывает по шуму в мастерской, что день начался.

Лукаш откинул одеяло, но встать не хотелось. В доме еще спят, пройти на второй этаж в восемьдесят четвертую квартиру нельзя. А там ждет его работа, надо отрегулировать в кухне кран. Слесарю-водопроводчику больше и делать здесь нечего, как только следить за исправностью водопровода. Пока жалоб от жильцов поступает мало, и со своими новыми обязанностями Ярослав справляется легко. Но дело это ему не по душе. Совсем не по душе! Разве сравнить обязанности водопроводчика с работой машиниста? Никогда! Паровоз – умная машина, управлять ею одно наслаждение. Чувствуешь, как подчиняется твоей воле эта мощная машина, как гудит земля под ее тяжестью. А свист ветра, мелькание деревьев на большой скорости! Гудит чудовище, но ты обуздал его и по своей воле гонишь вперед и вперед.

Какой значительной и увлекательной кажется Лукашу теперь его прежняя профессия! Раньше, шагая в депо ночью, в дождь и холод, он не мог себе представить, что когда-нибудь будет вспоминать о своей тяжелой работе и радоваться ей. Вот бы подняться сейчас на паровоз...

Лукаш закрывает глаза и отдается воспоминаниям. Бегут неторопливые минуты. Из неплотно завернутого крана в раковину каплями сбегает вода, выбивая свою монотонную, нудную песню. Вспоминая о прошлом, Ярослав видит себя в своей комнате, в своей маленькой семье – возле Божены. И тотчас тревога охватывает его. Как ей там сейчас живется? Вот уже две недели, как он ее не видел. И сколько времени еще не увидит? Может случиться и так, что... Нет, об этом лучше не думать!

Червень сказал, что предстоит всем существом своим войти в новую жизнь, стать другим человеком и примириться с мыслью, что в этом новом облике придется жить не один год. Когда Ярослав уходил из дому, он подготовил себя к подполью и ни на минуту не поколебался. Ему казалось, что завтра же бурная деятельность захватит его целиком, что он начнет выполнять задания Червеня и быстро добьется успеха. Но первый же день, проведенный в камерке Морганека, огорчил его. Надо подыскивать людей, – так сказал Червень, – а Лукаш за целые сутки даже не придумал, что он предпримет. Во-первых, не хватило времени. Он знакомился с обязанностями водопроводчика и подгонял под свой рост старый костюм, который ему принес Морганек. Весь следующий день ушел на обход квартир и проверку домового водопроводного хозяйства, кое-где пришлось заняться ремонтом. Только на третий день к вечеру Лукаш смог обдумать план своей подпольной деятельности. Он должен был представить Червеню список лиц, которых рассчитывает привлечь к участию в боевой группе. Вот тут-то и возникли затруднения. Лукаш знал многих рабочих депо, с некоторыми был знаком близко. Но доверить тайну и дать задание кому-нибудь из них он не мог, вернее – не решался. Среди друзей были хорошие, честные, искренние люди. Но дело требовало людей особого склада: самоотверженных, стойких, готовых на борьбу и на смерть. На подвиг! Да, на подвиг. Подобрать таких людей не просто. Разве бросит Жаруш на произвол судьбы свою большую жену и двух маленьких детей? Он любит их больше всего на свете. Или Карел Гавличек. Чудесный человек! Но он равнодушен к политике. Он не хочет участвовать ни в одной организации. И таких людей немало. Есть,

конечно, политически развитые, самоотверженные люди, но их нужно искать. Размышляя над этим, Лукаш должен был признать, что плохо знает товарищей, работавших вместе с ним. А сколько раз он сидел с ними за кружкой пива, ведя долгие беседы! Но все эти встречи были случайны, и он не знает, что у них на душе, способны ли они на то большое дело, которому посвятил себя Лукаш.

Остаются Морганек – тот, у кого укрывается Лукаш, и Антонин Слива. Вернее, сначала нужно назвать Антонина Сливу, а потом Морганека. Об Антонине Лукаш вспомнил сразу же, как только получил задание. В Антонине он не сомневался. Правда, парень еще зеленый, но боевой, энергичный и готов постоять за рабочее дело. И отважен. Это Лукаш знает. С детских лет Антонин у него на глазах. Было время присмотреться к его характеру. Антонин не выдаст, не отступит перед опасностью, не испугается боли, не задрожит перед смертью. Чудесный малый! Вот такого закала люди нужны группе. Но таких людей у Лукаша пока нет.

В беспокойстве проходили дни. Ярослав мучительно напрягал память, воскрешая в ней образы друзей, которых знал в жизни. Их было немало. Но где они сейчас, что делают, как живут?

Морганек не слишком-то радовал. С первого же дня Лукаш почувствовал к нему что-то вроде антипатии. И для этого были основания.

Отправляясь на квартиру Морганека, Лукаш знал со слов Червеня, что его будущий хозяин холостяк, ему двадцать пять лет от роду и что он служит шофером грузовой машины в гастрономическом предприятии Липперта. Человек вполне надежный, пригодный на то, чтобы выполнять задания группы. В сознании Лукаша заранее сложился его облик. Лукаш представлял себе Морганека человеком серьезным, уравновешенным, скрытным. Но первые же встречи развеяли в прах все эти представления.

Перед ним сидел невысокий коренастый паренек с рыжими волосами и коротким носом. Лицо сплошь усыпано веснушками, в глазах прячется не то усмешка, не то любопытство. На столе, за которым сидел Морганек, стояла початая бутылка вина, лежали ломтики недоеденной ветчины, лук и кирпичик черного хлеба. Хозяин был уже навеселе.

После обмена паролями и первых незначительных фраз Морганек приступил к делу. Он рассказал, что в доме, где Лукашу предстоит работать слесарем-водопроводчиком, девяносто четыре квартиры. Дом принадлежит прожженному мерзавцу, живет этот мерзавец где-то в Италии, а домом управляет его старшая сестра, женщина «ни то ни се, но себе на уме». Морганек довольно остроумно описал жильцов. Покончив с этим делом, Морганек достал из тумбочки непечатую бутылку и предложил распить ее ради нового знакомства. Ярослав отказался.

– Ну что ж, – сказал Морганек, нисколько не смущаясь, – приложимся как-нибудь в другой раз.

Лукаш никогда не питал слабости к вину и сторонился пьющих; он считал их людьми неустойчивыми, душевно опустошенными, неспособными на серьезные дела. И вдруг оказалось, что первый его товарищ по подполью пьяница.

«О чем же думал Червень, направляя меня сюда? – недоумевал Лукаш. – Мало того, что Морганек пьяница, он к тому же балагур, болтун, личность легкомысленная».

Ночью, оставшись один, Лукаш сделал еще одно малоутешительное открытие. На тумбочке и на книжной этажерке в полном беспорядке валялись записки, адресованные Морганеку, все от женщин. Одна пылко объяснялась в любви, другая назначала ему свидание, третья осыпала горькими упреками...

– Только этого еще не хватало! – пробурчал Лукаш. – Сердцеяд, лоботряс, бабник...

Открыто не показывая своей настороженности, Ярослав исподтишка присматривался к Морганеку, изучал его привычки и поведение. Но ничем новым Морганек себя не проявил. Все так же весело продолжал он свои рассказы, беспечно пересыпая их острыми и грубыми словечками. Он никогда не сидел без дела, и работа у него спорилась. Он ловко чинил одежду,

отлично варил обед, убирал комнату, мыл пол. Лукаш был очень удивлен, найдя однажды свое сменное белье выстиранным и отглаженным. Смущенный этим обстоятельством, Ярослав поблагодарил Морганека и попросил не считать его белоручкой.

Несколько позже Лукаш узнал историю, которая глубоко тронула старого Ярослава и подняла Морганека в его глазах.

В соседнем подъезде, в такой же полуподвальной комнате, ютилась пожилая женщина, уборщица трамвайного парка. У нее была дочка, девочка лет десяти, совсем слепая. Девочка никогда не выходила из дому, и Морганек почти всякий день забегал проведать ее. Она была предметом его неустанных забот: он носил ей лакомства, игрушки, тряпки. Всегда у них находилось, о чем поговорить, их беседы продолжались часами.

Лукаш почувствовал скрытую нежность к Морганеку, но вел себя сдержанно. Пристрастие Морганека к спиртному и болтливость его по-прежнему не нравились Лукашу. Все так же возмущало старика легкомысленное отношение Морганека к женщинам. «Нет, нет, парень далеко не серьезный. С ним ухо надо держать остро». Правда, была у этого весельчака шофера ценная черта, которую Лукаш подметил с первого же дня, – любовь к книгам. Морганек носил их отовсюду: и от своих друзей и из магазинов. Он читал их каждую свободную минуту. Даже в поездки брал с собой книги.

Сегодня Морганека не было дома: с вечера уехал в деревню за продуктами для магазина. В комнате стояла необычная для утреннего часа тишина – не слышно ни веселых рассказов, ни шуток. Проснувшись, Лукаш неторопливо стал одеваться. С ветхим костюмом с чужого плеча приходилось обращаться осторожно. Надо сказать, что Ярослав перешил его неудачно. Морганек сделал бы это куда искуснее. Ну да ладно! Чем он непригляднее, тем больше подходит для роли бедного водопроводчика. Лукаш подошел к зеркалу. На него глянуло осунувшееся, бледное лицо, заросшее волосами. «Не побриться ли? – подумал Ярослав, но тут же подмигнул себе. – Нет, дружище, отпуская бороду, так ты меньше будешь похож на Лукаша».

Ярослав взял с полки мыло, перекинул через плечо полотенце. В это время в дверь тихо постучали.

Лукаш прислушался. Кто это может быть? Морганек никогда не стучит, у него свой ключ. Стук повторился.

Лукаш положил мыло на место и подошел к двери.

– Кто там? – опросил он.

– Это я, отец.

– Дочка!

Ярослав торопливо отпер дверь и впустил Божену. Увидев отца, она всплеснула руками. Как он изменился! Уж не заболел ли?

– Ну, ну, проходи. – Лукаш запер дверь и провел дочь в комнату. – Случилось что-нибудь?

Божена кивнула головой.

– Да.

И, заметив, как насторожился отец, торопливо сказала:

– Нет, ничего плохого не случилось. Тебя хочет видеть дядя. Сегодня в восемь утра у центрального рынка. Он очень просил. Какое-то важное дело... И потом...

– Что потом? – Лукаш встревоженно смотрел на дочь.

– Я соскучилась по тебе. – Божена руками обхватила шею отца. – Мне страшно, отец.

Сердце Лукаша сжалось. Он почувствовал, что слезы проступили на его глазах.

– У меня все благополучно, не беспокойся. – Он нежно ласкал ее мягкие светлые волосы. – Ну, иди, дочка.

Божена подняла на него умоляющие глаза.

– Уже уходить?

- Да.
- Позволь мне хоть минутку посидеть с тобой.
- Нельзя, Божена. Нельзя, чтобы тебя увидели.

Божена стиснула зубы, чтобы не расплакаться, поправила легкий платок на голове и повернулась к двери. Лукаш с трудом сдержал себя. Хотелось удержать дочь, высказать ей всю нежность, которая накопилась в его сердце, поделиться с ней своими мыслями, своей тоской и тревогой.

- Но он только произнес сухо:
- Не сердись... так нужно, Божена.

Девушка у двери обернулась. Конечно, она понимает отца, но ей тяжело жить одной, она боится будущего, всего боится. Ей больно видеть его: так он худ, такой жалкий, изорванный костюм на нем. И эта свирепая борода.

- Береги себя, отец.

Лукаш постоял, слушая удаляющиеся шаги дочери, тяжело вздохнул и пошел умываться.

– Доброе утро! – услышал он сквозь шум бегущей из крана воды веселый голос Морганека.

- Здравствуй! – ответил Лукаш.

Морганек шумно прошел в комнату и начал рассказывать о своих приключениях во время поездки.

Все в его передаче получалось смешно и необычно, как в юмористических рассказах. Лукаш слушал не улыбаясь. Он думал о Божене, о встрече с двоюродным братом.

Заканчивая свой затейливый рассказ, Морганек подмигнул Лукашу и произнес с ужимкой:

– А вы, Ярослав, свидания по утрам назначаете? Не вздумайте отпираться. Я сам видел. Чудесная девочка... Мордашка – загляденье!

- Что? – взглянув на Морганека, сурово спросил Лукаш.

Морганек осекся. Потом повторил, сбавляя тон:

- Говорю, симпатичная девочка.

«Увидел Божену, – со злостью подумал Лукаш, – чертов ухажер».

- У вас губа не дура, – юродствовал Морганек.

– Довольно! – грубо оборвал его Лукаш. – Кому что, а курице пшено снится.

Морганек вздрогнул от неожиданности и пугливо посмотрел на своего квартиранта.

- Да я шучу, Ярослав, – пробормотал он смущенно.

– Неуместная шутка. И чтобы больше я не слышал этого вздора.

Густо покраснев, Морганек отвернулся: впервые в жизни его шутки встретили такой отпор. Ему было и обидно и неловко. Вот ведь какой крутой человек! А он и не собирался сделать ему неприятное.

– Запомни, – выходя из комнаты, все так же холодно и резко сказал Ярослав, – никакой девушки ты сегодня не видел. И впредь имей в виду: сюда приходят только по делу, а об этом надо научиться помалкивать.

2

Прага просыпалась. Дворники с лопатами, метелками и мусорницами в руках начинали утреннюю приборку города. Прогремел первый трамвай. К центральному рынку тянулись грузовики и высокие пароконные фургоны, набитые мясными тушами, бидонами с молоком, овощами и различной снедью.

Блажек издали увидел брата. Вместо обычной трубки в зубах у Лукаша торчал черный костяной мундштук с дымящейся сигаретой.

Пройдя мимо брата, Блажек замедлил шаг и сказал:

– Здесь не место для серьезного разговора, да и одеты мы не на один лад. Иди за мной.

До служебной квартиры политической полиции, где томился в одиночестве плененный Зельц, было недалеко. Лукаш следовал за Яном, который шел спортивной, пружинистой походкой, не оглядываясь назад. Когда они дошли, Блажек остановился, подпустил к себе Ярослава и быстро вбежал в подъезд.

Поднялись на четвертый этаж. Блажек открыл знакомую нам дверь и впустил Лукаша. Первое, что бросилось в глаза Ярославу, – спутанный по рукам и ногам, привязанный к батарее человек. Ярослав опешил.

– Кто это? – спросил он вполголоса.

– Сейчас узнаешь.

Зельц, как-то дико завывая, поводит налитыми кровью глазами. Его лицо было искажено бессильным гневом.

– Не скули ты, ради господ бога, – проговорил Блажек и провел брата в соседнюю комнату. У окна с бархатными занавесями стоял письменный стол и возле него два кресла. В книжном шкафу поблескивали тисненные золотом и серебром корешки книг. У одной стены стоял мягкий диван, у другой – круглый полированный столик. На подносе – графин с водой и стаканы.

Блажек указал брату рукой на диван, а сам сел в кресло у письменного стола.

– Вот что, дорогой, – он скрестил пальцы рук, сжал их, приложил к подбородку. – Прежде всего ты хочешь знать, что это за тип? – он кивнул в сторону первой комнаты. – Это крупный диверсант, гестаповец, гейнлейновец. По нем давно веревка плачет. Я его разыскивал битых два года и только сегодня ночью изловил, совершенно случайно. А вот все это конфисковано у него.

Блажек вывалил из портфеля на стол мотки шнура, электродетонатор, запалы.

– Хм, – только и произнес Ярослав. И вдруг спросил быстро: – Чья это квартира?

Он сразу обратил внимание на нежилой вид комнаты.

– Моя служебная.

Блажек раскрыл записную книжку диверсанта и показал Лукашу чертеж.

– Что здесь изображено? – заинтересовался Лукаш.

– «Дейч-Хаус».

– Это его книжка?

– Да, – ответил Блажек и посмотрел на Лукаша. Тот к чему-то прислушивался. – Ты что?

– Стучат.

Блажек прислушался, потом встал и в сердцах выругался.

– Да это Зельц, мерзавец, выстукивает!

Он вышел в соседнюю комнату, снял с ног своего пленника ботинки и поставил их в стороне.

– Теперь стучи сколько хочешь, если пяток не жалко.

Вернувшись к Лукашу, он продолжал:

– Прими во внимание, что «Дейч-Хаус» вмещает более тысячи человек и находится в самом центре Праги. В нем регулярно собираются пражские немцы, да и приезжие заглядывают. Сегодня вечером у них назначено какое-то собрание.

– Я еще ничего не понимаю, – признался Лукаш.

– Сейчас поймешь. Дело вот в чем...

Давая себе полный отчет в том, что чешский народ готов оказать сопротивление и осуждает действия своего правительства, идущего на уступки фашистам, гитлеровцы решили ускорить реализацию своих планов. Им нужен был повод для открытого вмешательства в чехословацкие дела, для оккупации всей страны. И вот в чьей-то вероломной голове зародилась идея

грандиозной провокации. Осуществить ее было поручено штандартенфюреру СС фон Термицу. Фон Термиц привлек в качестве одного из исполнителей опытного диверсанта Зельца. В Праге Зельцем руководила засекреченная личность под кличкой Эгер. План был такой: под немецкий клуб «Дейч-Хаус» заложить большое количество взрывчатки с таким расчетом, чтобы взрыв произошел вечером, когда клуб будет переполнен.

– Ты понимаешь? – горячо дыша, говорил Блажек. – Задумано нечто вроде поджога рейхстага. Трудно себе вообразить, что произойдет, когда весь мир узнает: в Праге взлетел в воздух «Дейч-Хаус» вместе с немцами! У кого же возникнет мысль, что немцы подорвали самих себя? Кто усомнится в том, что это дело рук чешских патриотов и в первую очередь вас, коммунистов? И вот о чем еще не забудь: между гестапо и нашей политической полицией достигнуто соглашение о сотрудничестве. Я только вчера узнал об этом.

Лукаш сидел неподвижно, ошеломленный всем услышанным.

– Видишь ли, Ярослав, – опять заговорил Блажек, – предотвратить взрыв – дело пустое. Стащу эту сволочь в полицию – и все будет поставлено на ноги.

– А они уже заложили взрывчатку? – прервал его Лукаш.

Блажек усмехнулся.

– Ровно в десять вечера все должно взлететь к чертовой бабушке.

Лукаша нельзя было отнести к числу нервных или малодушных. Но тут и он почувствовал, как по его телу пробежал холодок.

Блажек продолжал:

– Но если я стану виновником провала этой грандиозной провокации, то сам понимаешь, что сделает со мной гестапо. Значит, мою птичку нельзя выпускать из наших рук. Надо ее куда-то упрятать и в то же время предотвратить взрыв. Давай решать вместе.

Лукаш задумался. «Да, трудная задача».

Эту задачу они решали более двух часов. Первым покинул квартиру Лукаш.

Блажек, уходя, сказал Зельцу:

– Веди себя спокойнее. Я тебе такой галстук пристроил на шее, что ты удавишься, если будешь вертеться. Дыши ровнее, привыкай к новому положению. Бывает и хуже. Я тебе принесу кое-что перекусить, и жизнь пойдет своим чередом.

Глава шестнадцатая

1

На службу Ян Блажек шел в отличном расположении духа. Сомнения больше не мучили его, и все свое поведение в последние дни он склонен был считать единственно возможным и правильным. Он был убежден, что действует в полном согласии со своей совестью. Он даже не опасался осложнений, какие могут возникнуть в связи с похищением Зельца, если эта история каким-нибудь путем всплывет наружу и станет достоянием гласности. Короче говоря, Блажек исключал возможность нежелательных для него последствий. Для этого не было оснований. Кто знает о том, что Зельц попал к нему в руки? Кто видел его с ним? Ни один человек. Правда, полицейский и дежурный отделения железнодорожной стражи могут при случае засвидетельствовать, что Блажек у них был и кого-то допрашивал. Что же следует из этого? Кого допрашивал Блажек? Подозрительного человека. А допросив, убедился, что его подозрения не подтвердились, и задержанный был отпущен. Да и кому придет в голову интересоваться таким незначительным инцидентом?

Только три человека могут подробно рассказать о ночном приключении: он сам, Зельц и Лукаш. Говорят что когда три человека знают тайну, то она уже перестает быть тайной. Но тут, кажется, придется сделать исключение из правил. За себя Блажек ручался, за Ярослава тоже, и за Зельца тем более. Зельц если и получит возможность раскрыть рот, то лишь для того, чтобы проглотить кусок хлеба. Об этом Блажек позаботится. А впоследствии если Зельц и заговорит, то скажет лишь то, что нужно ему, Блажеку.

Поэтому нет никакого смысла мучиться над вопросом: как обернется дело и что за ним последует? Последует только то, что предусмотрел Ярослав и с чем согласился Блажек.

На службе Ян Блажек просмотрел утреннюю почту, принял несколько подчиненных ему работников, подготовил документы на подпись шефу.

В начале двенадцатого он взял было телефонную трубку, но так и не снял ее с рычажка.

Да, пользоваться служебным телефоном для предстоящего разговора рискованно. Не такое сейчас время. Нет ничего легче установить, кто звонит, куда и откуда.

Блажек предупредил секретаря шефа, что отлучится на полчаса, не больше, и вышел в город.

Городские телефонные аппараты он знал наперечет и выбрал тот, который казался ему более подходящим.

Набрал номер.

Произошел следующий разговор:

– Аллю! – отозвались в трубке.

– Хайль Гитлер! – воскликнул Ян.

– Хайль! – ответил голос.

– Я хотел бы говорить лично с германским послом господином Эйзенлором.

– Кто же вы?

– Немец.

Небольшая пауза, и тот же голос в трубке:

– Господин Эйзенлор отсутствует. С вами сейчас будет говорить господин Грегори.

– Отлично.

– Я вас слушаю, – послышался уже другой голос.

– С вами говорит патриот, немец. Назвать себя и встретиться с вами не имею сейчас возможности, хоть и крайне желал бы этого. У меня чрезвычайно важное сообщение... Я должен

предупредить вас и в вашем лице посольство Третьей империи, что сегодня, как только стрелка часов в вестибюле «Дейч-Хауса» достигнет цифры двадцать два, то есть ровно в десять вечера, «Дейч-Хаус» взлетит в воздух. Вы поняли меня?

Молчание.

– Вы слышите меня?

– Да, да, да... Вы говорите что-то невероятное.

– Но это невероятное произойдет, и его надо немедленно предотвратить. Все подвальное помещение «Дейч-Хауса» заминировано, взрывная схема подведена к стенным круглым часам в вестибюле. С этих часов и надо начинать.

– Ясно... Ясно... Вы все сказали?

– Да, все. Хайль Гитлер!

– Хайль!

«Добрая половина дела сделана», – с удовлетворением сказал себе Блажек и вернулся на службу.

Примерно через час полицейская машина пришла в движение.

Когда Блажек явился по вызову в кабинет Выслужила, там собрались почти все чины полиции. Шеф был бледен, пальцы его слегка дрожали. Отвлекаясь на телефонные звонки, он обрисовал создавшееся положение и не преминул подчеркнуть, что оно чревато самыми серьезными политическими последствиями.

Ссылаясь на распоряжение министра внутренних дел, Выслужил приказал немедленно оцепить здание «Дейч-Хауса» и произвести в нем тщательный обыск. Его цель? Извлечь взрывчатку, заложенную вражеской рукой в подвальном помещении.

– Действуйте, – сухо приказал шеф и встал. Вслед за ним поднялись подчиненные.

В комнату вошли три офицера в армейской форме, отрекомендовали себя специалистами-пиротехниками и доложили, что прибыли в распоряжение начальника полиции.

– Выезжайте на место, не теряя ни минуты! – с отчаянием крикнул Выслужил. – Все поголовно выезжайте!

Здание «Дейч-Хауса» было оцеплено. Полицейские в штатских костюмах заняли все входы и выходы. Из подвального помещения стали выносить ящики с толом.

Когда операция была закончена и в «Дейч-Хаусе» стихла суматоха, Ян Блажек опять отправился к телефону-автомату.

Убедившись, что его слушает господин Грегори, Блажек сказал:

– Вас снова беспокоит человек, сообщивший вам о «Дейч-Хаусе».

– Это вы?

– Да, я.

– Прекрасно! Германия высоко оценит ваш подвиг. Мы доложили обо всем в Берлин фюреру... Вас необходимо немедленно представить господину послу. Скажите, кто вы и где находитесь. Мы сейчас же пришлем за вами машину.

– Минуточку! – прервал его Блажек.

– Пожалуйста, пожалуйста!

– У меня к вам только два вопроса.

– Я слушаю.

– Вам известно, чьих преступных рук это дело?

– Конечно, конечно... Замешаны экстремистские элементы из чехов.

– Это точно установлено?

– Совершенно точно. Основные нити преступления уже в руках следствия.

– Отлично. В таком случае у меня есть еще одно небольшое сообщение, очень важное для успеха следствия. Я прошу вас записать мои слова.

– Сейчас... Одну минуточку...

Шум. Движение. Шелест бумаги.

– Я слушаю вас, говорите!

– Пишите! Заминирование «Дейч-Хауса» осуществлено гестаповцами. Приказание отдал находящийся в Дрездене штандартенфюрер фон Термиц. Закладку мин производил Артур Зельц, он же швейцарский подданный под фамилией Бонне. По национальности – судетский немец, по профессии – диверсант. Зельц находится сейчас в надежных руках и то, что он рассказал, может повторить всему свету, то есть выступить в печати и по радио. Поэтому предупреждаю вас: если будут сделаны попытки свалить всю эту грязную авантюру на чехов и обмануть мировое общественное мнение, получится большой скандал. Провокация будет немедленно разоблачена.

Блажек услышал в трубке какой-то неопределенный звук и затем короткие гудки: Грегори в бешенстве оборвал разговор. Посмеиваясь в усы, Блажек вышел из телефонной будки. «Теперь подождем и поглядим, как будут развиваться события», – сказал он себе.

Взяв в автомате несколько бутербродов, Блажек нанял такси и поехал на свою служебную квартиру. Надо было накормить Зельца и попытаться вызвать его на откровенный разговор.

На квартире Блажека ждала ошеломительная новость: мертвый Зельц полусидел, полувисел у батареи. Глаза его остекленели, изо рта вывалился синий язык.

Блажек сокрушенно покачал головой и присел на корточки перед трупом гестаповца.

– Эх ты, Зельц-Бонне! Предупреждал же я тебя как человека: не вертись, не вырывайся! Вот видишь, что получилось. А мне хотелось еще кое-что узнать у тебя... Жаль. Рановато ты перебрался на тот свет, поторопился.

Блажек отошел от трупа, сел на диван и закурил, пуская густые клубы дыма.

– Что же мне с тобой теперь делать?

2

Обермейер весь день провел дома, в Карловых Варах, а около девяти вечера поехал в Прагу. Он остановился в отеле «Империял», недалеко от «Дейч-Хауса».

Казалось, он потерял всю свою выдержку, ходил из угла в угол и нервно покусывал ногти. От времени до времени он поглядывал на часы.

Когда стрелка приблизилась к десяти, напряжение Обермейера возросло до крайнего предела. Он подошел к окну и застыл в неподвижной позе истукана.

До десяти осталось три минуты... две с половиной... две... полторы... одна... пятьдесят секунд... сорок... двадцать... пятнадцать... десять... пять...

Обермейер оближал пересохшие губы.

Уже две минуты одиннадцатого, а взрыва нет. Часы врут. Не может быть! Они работают с точностью хронометра. В течение четырех дней он специально заходил в «Дейч-Хаус» и сверял их со стенными часами в вестибюле. Ну хорошо, допустим разницу в одну-две минуты. Но прошло уже пять.

Около получаса стоял Обермейер у окна. Взрыва не последовало.

Обермейер закрыл глаза. Неужели Зельц не сумел добиться синхронизма в работе часов и схемы? Этого нельзя допустить! Тогда что же? Отказала взрывная схема? Тоже исключено. Если бы за это взялся кто-либо другой, не Зельц, то еще можно было бы сомневаться в успехе. Но Зельц! Зельц, прошедший специальную выучку, имеющий большие познания в пиротехнике, набивший себе руку на разных «сюрпризах». Зельц обучался там же, где и Обермейер, – у полковника Восса и инструктора Блау в Берлине...

Нет, нет, ошибка Зельца исключается.

Когда стрелка показала одиннадцать часов, Обермейер убедился, что взрыва не произойдет. Обессиленный напряжением пережитых минут, он опустил в кресло, стиснул виски

кулаками, резкая головная боль сверлила мозг. Обермейер застонал и еще крепче стиснул голову.

– Ах, черт!

Он ощутил пустоту в груди, полный упадок сил. Внезапно страх закрался в его сердце. Страх усиливался с каждой минутой, он не мог справиться с ним. От страха у него свело руки, ноги, голова его дергалась.

Обермейер протянул дрожащую руку к телефону и с трудом набрал номер Зельца, но ему никто не ответил. Подождал минут пять, набрал еще раз – тот же результат.

«Конечно, он побежал в “Дейч-Хаус”, – попытался успокоить себя Обермейер. – Не пойти ли и мне туда?»

Он оделся, запер комнату и вышел. Но, сделав несколько шагов, остановился. Какое идиотство! Взрыв может произойти как раз в ту минуту, когда он приблизится к «Дейч-Хаусу»! Нет, нужно обдумывать каждый свой шаг. В «Дейч-Хаус» ему нельзя идти, пока он не увидится с Зельцем.

Обермейер вернулся в «Империял».

Ночь прошла в тревоге. Обермейер спал урывками: в течение ночи он несколько раз безуспешно пытался дозвониться до Зельца. Где мог пропадать Зельц всю ночь? Точно в воду канул. Ни взрыва, ни Зельца.

Утром, усталый и мертвецки бледный, с черными тенями под глазами, Обермейер появился на улицах Праги. И первый, кого он увидел, был Милаш Нерич.

Поздоровались.

– Не приехал еще твой шеф? – спросил Нерич.

Он не мог не заметить состояния Обермейера. Произошло что-то исключительное.

– Жду его сегодня или завтра, – ответил Обермейер. – А ты куда?

– На почтамт.

– Ну, как себя чувствует твоя невеста? – спросил Обермейер.

– Благодарю. Ты ничего не слышал о «Дейч-Хаусе»?

Вопрос заставил Обермейера вздрогнуть.

– Почему ты спрашиваешь?

– Вчера в «Дейч-Хаусе» обнаружили взрывчатку.

– Не может быть, – произнес Обермейер побелевшими губами. – Кто же обнаружил?

– Полиция, конечно. Говорят, полиция мастерски провела эту операцию...

– Подготовка взрыва – дело рук чехов. Здесь не может быть двух мнений, – сдерживая волнение, сказал Обермейер.

– Очень сомнительно, – неопределенно заметил Нерич. – Не вижу в этом логики: чехи заминировали, чехи обнаружили, чехи разминировали. Чепуха какая-то.

– Есть чехи, а есть коммунисты. Ты забываешь о них.

– Быть может, ты прав. Но есть одна маленькая деталь. Мне сказали, что об этом инциденте в печати не появится ни строчки. Виновники не обнаружены. Трудно разобраться в этом деле.

Почва заколебалась под ногами Обермейера.

– Очевидно, это предпринято в интересах следствия.

Нерич пожал плечами.

– Поживем – увидим. Ну, я должен идти.

Полчаса спустя Обермейер мчался на своем «Аэро» в Карловы Вары. Нужно было немедленно отослать депешу Термицу, известить обо всем, что произошло.

Но посылать депешу уже не было смысла: его самого ожидала зашифрованная депеша от штандартенфюрера фон Термина. Текст ее гласил:

«Вы проявили тупоумие и сорвали одну из крупнейших акций фюрера. Зельц, видимо, попал в руки чешских коммунистов. Сестру немедленно отправляйте в Варшаву. Ведите себя осторожно, ваше положение опасно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.